

ISSN1857-4440

Relații Internaționale Plus

Revistă științifico-practică

Nr. 2 (10)

Chișinău, 2016

COLEGIUL DE REDACȚIE:

- Vasilii SACOVICI*, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Republica Belarus
Stanislav KNIAZEV, doctor în drept, profesor universitar, rector, Universitatea Internațională MITCO, Republica Belarus
- Iordan Gheorghe BĂRBULESCU*, doctor în științe politice, profesor universitar, SNSPA, România
Valerii KOPEIKA, director al Institutului de Relații Internaționale al Universității Naționale „Taras Șevcenko” din Kiev, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Ucraina
Artiom MALGHIN, prorector МГИМО(У), doctor în științe politice, conferențiar universitar, Rusia
- Stanislav CERNEAVSKII*, director al Centrului de Cercetări Științifice, МГИМО(У), doctor habilitat în istorie, Rusia
Chris GRANT, doctor în științe politice, Universitatea din Mercer, orașul Macon, statul Georgia, SUA
- Mitchell A. BELFER*, decan al Facultății Relații Internaționale și Studii Europene, Universitatea Metropolitană din Praga, doctor în relații internaționale, profesor universitar, Republica Cehă
Vladimir GUTOROV, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar, Universitatea de Stat din Sankt-Petersburg, Conducătorul secției din Sankt-Petersburg a Asociației Științei Politice din Federația Rusă (AȘPR)
- Ion IGNAT*, doctor în științe economice, profesor universitar, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, Iași, România
- Victor JUC*, doctor habilitat în științe politice, Institutul de Cercetări Juridice și Politice, AȘM
Pantelimon VARZARI, doctor habilitat în științe politice, Institutul de Cercetări Juridice și Politice, AȘM
- Alexandru STRATAN*, doctor habilitat în științe economice, profesor universitar, Institutul Național de Cercetări Economice, AȘM
- Valeriu CUȘNIR*, doctor habilitat în drept, profesor universitar, Institutul de Cercetări Juridice și Politice, AȘM
Victor PUȘCAȘ, doctor în drept, conferențiar universitar, USEM
Mihail BÎRGĂU, doctor habilitat în drept, profesor universitar, USEFS

ECHIPA REDACȚIONALĂ:

Redactor-șef: *Valentin BENIUC*, rector al IRIM, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar

Redactor-șef adjunct: *Ludmila ROȘCA*, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar, IRIM

Membri:

- Sergiu NAZARIA*, doctor habilitat în științe politice, IRIM
Iurii KROTENKO, doctor habilitat în științe economice, IRIM
Alexandru GRIBINCEA, doctor habilitat în științe economice, profesor universitar, IRIM
Vitalie CAZACU, doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM
Victor STEPANIUC, doctor în istorie, conferențiar universitar, IRIM
Simion ROȘCA, doctor în filosofie, conferențiar universitar, IRIM
Galina POGONEȚ, doctor în drept, conferențiar universitar, IRIM

Redactor:

Natalia CIOBANU, doctorandă, IRIM

**Revista este acreditată
de Consiliul Național pentru Acreditare și Atestare al RM,
Categoria „C”**

SUMAR

TEORIA ȘI PRACTICA RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE: ABORDĂRI ACTUALIZATE

COMPONENTA INOVAȚIONALĂ A SECURITĂȚII NAȚIONALE ÎN TEORIA RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE	9
<i>Valentin BENIUC, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, IRIM</i>	
<i>Ghenadie BROVCA, doctor în științe pedagogice, conferențiar universitar, Universitatea Națională Tehnică din Belarus</i>	
„PARTENERIATUL ESTIC”: TENDINȚE ȘI PERSPECTIVE DE DEZVOLTARE	29
<i>Vasilii SACOVICI, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Universitatea Națională Tehnică din Belarus</i>	
ASIGURAREA INTERESELOR NAȚIONALE ÎN CONTEXTUL DEZVOLTĂRII INOVAȚIONALE: RISCURI ȘI PROVOCĂRI	44
<i>Ghenadie BROVCA, doctor în științe pedagogice, conferențiar universitar, Universitatea Națională Tehnică din Belarus</i>	
REFLECTAREA CONFERINȚEI DE LA YALTA ÎN ISTORIOGRAFIA ROMÂNĂ: VIZIUNEA REALISTĂ ȘI CEA MITOLOGICĂ	55
<i>Sergiu NAZARIA, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, IRIM</i>	
<i>Mihai SPRÎNCEANĂ, doctor în istorie, conferențiar universitar, IRIM</i>	
EXPERIENȚA APLICĂRII ANALIZEI RISCURILOR SOCIALE ÎN TEORIA COMUNICĂRII LUI J. HABERMAS ȘI N. LUMAN	68
<i>Sveatoslav ȘACIN, doctor în filosofie, Universitatea Arctică de Stat din Murmansk, Federația Rusă</i>	
VALORI POLITICE EUROPENE VERSUS “PRINCIPII ȘI VALORI” ALE CLASEI POLITICE DIN REPUBLICA MOLDOVA: DE LA DEMOCRAȚIE AUTENTICĂ LA PSEUDODEMOCRAȚIE	83
<i>Natalia CIOBANU, doctorandă, IRIM</i>	

PROCESELE INTEGRAȚIONISTE ȘI DEZVOLTAREA SOCIAL – ECONOMICĂ

TENDINȚELE DEZVOLTĂRII ȘI PRINCIPALELE CARACTERISTICI ALE POLITICII DE STAT CU PRIVIRE LA ÎNȚREPRINDERILE MICI ȘI MIJLOCII ÎN CONTEXT NAȚIONAL ȘI INTERNAȚIONAL	97
<i>Vitalie CAZACU, doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM</i>	
ASISTENȚA MISIUNII EUBAM ÎN IMPLEMENTAREA CONCEPTULUI DE MANAGEMENT INTEGRAT AL FRONTIEREI LA NIVEL NAȚIONAL ÎN REPUBLICA MOLDOVA	109
<i>Ludmila GOLOVATAIA, doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM</i>	
ECONOMIA INOVAȚIONALĂ - BAZĂ A DEZVOLTĂRII PROGRESIVE A STATULUI ÎN CONTEXTUL INTEGRĂRII ECONOMICE REGIONALE	122
<i>Tatiana ANDREEVA, doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM</i>	
ALIANȚA PACIFICULUI – O NOUĂ ENTITATE ÎN LUMEA GRUPĂRIILOR INTEGRAȚIONISTE	138
<i>Veaceslav BÂRDAN, doctor în științe economice, conferențiar universitar, Universitatea Tehnică a Moldovei</i>	

DREPTUL INTERNAȚIONAL EUROPEAN: DIMENSIUNEA PRACTICĂ

REGLEMENTAREA JURIDICĂ A DREPTULUI DE PETIȚIONARE ÎN REPUBLICA MOLDOVA	147
<i>Galina POGONEȚ, doctor în drept, IRIM</i>	
CONOTAȚII NORMATIVE PRIVIND INFRAȚIUNILE VAMALE ALE REPUBLICII MOLDOVA ȘI ROMÂNIEI	156
<i>Sergiu CERNOMOREȚ, doctor în drept, IRIM Aurel Octavian PASAT, doctor în drept, UCCM</i>	
PROBLEMATICA DEFINIRII DOCTRINARE A DREPTULUI DE PROPRIETATE PRIVATĂ: ABORDARE TEORETICO-PRACTICĂ	170
<i>Natalia CTITOR, doctor în drept, IRIM</i>	
PARTICULARITĂȚILE REPREZENTĂRII JUDICIARE ÎN PROCESUL CIVIL	187
<i>Andrei BALAN, master în drept, IRIM</i>	
RECENZIE	196

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS THEORY AND PRACTICE: UPDATED APPROACHES

INNOVATION COMPONENT OF NATIONAL SECURITY IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY	9
Valentin BENIUC Ghenadie BROVCA	
“EASTERN PARTNERSHIP”: TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT	29
Vasilii SACOVICI	
RISKS AND CHALLENGES CONCERNING NATIONAL INTERESTS IN THE CONTEXT OF INNOVATION DEVELOPMENT	44
Ghenadie BROVCA	
ESTIMATES OF THE YALTA CONFERENCE IN THE ARMENIAN HISTORIOGRAPHY: A REALISTIC VISION AND MYTHS	55
Sergiu NAZARIA Mihai SPRÎNCEANĂ	
THE EXPERIENCE OF SOCIAL RISK ANALYSIS APPLICATION IN J. HABERMAS AND N. LUMAN’S THEORY OF COMMUNICATION	68
Sveatoslav ȘACIN	
EUROPEAN POLICY VALUES VERSUS “PRINCIPLES AND VALUES” OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA’S POLITICAL ELITE: FROM AUTHENTIC DEMOCRACY TO PSEUDO-DEMOCRACY	83
Natalia CIOBANU	

INTEGRATION PROCESSES AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

THE TRENDS OF DEVELOPMENT AND THE MAIN FEATURES OF STATE POLICY ON SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN NATIONAL AND INTERNATIONAL CONTEXT	97
Vitalie CAZACU	
THE ASSISTANCE OF EUBAM MISSION TO MOLDOVA IN THE IMPLEMENTATION OF THE INTEGRATED BORDER MANAGEMENT CONCEPT AT NATIONAL LEVEL	109
Ludmila GOLOVATAIA	

**FORMATION OF INNOVATIVE ECONOMY AS THE BASIS
FOR THE PROGRESSIVE STATE DEVELOPMENT IN
THE ECONOMIC INTEGRATION 122**
Tatiana ANDREEVA

**PACIFIC ALLIANCE - A NEW ENTITY IN THE WORLD OF
INTEGRATIONIST GROUPS 138**
Veaceslav BÂRDAN

**INTERNATIONAL EUROPEAN LAW:
PRACTICAL DIMENSION**

**LEGAL REGULATION OF THE PETITION RIGHT IN THE
REPUBLIC OF MOLDOVA 147**
Galina POGONET

**NORMATIVE CONNOTATIONS RELATING TO CUSTOMS
OFFENCES OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA AND ROMANIA 156**
Sergiu CERNOMOREȚ
Aurel Octavian PASAT

**THE PROBLEM OF PRIVATE PROPERTY DOCTRINAIRE DEFINING:
THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES 170**
Natalia CTITOR

**THE FEATURES OF THE LEGAL REPRESENTATION
IN THE CIVIL TRIAL 187**
Andrei BALAN

REVIEW 196

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АКТУАЛИЗИРОВАННЫЙ ПОДХОД

ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	9
Валентин БЕНЮК Генадий БРОВКА	
«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО»: ИДЕЯ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ	29
Василий САКОВИЧ	
ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	44
Генадий БРОВКА	
ОЦЕНКИ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РУМЫНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ И МИФЫ	55
Сергей НАЗАРИЯ Михаил СПРЫНЧЯНЭ	
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ Ю. ХАБЕРМАСА И Н. ЛУМАНА	68
Святослав ШАЧИН	
ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ИЛИ «ПРИНЦИПЫ И ЦЕННОСТИ» ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ОТ ДЕМОКРАТИИ К ПСЕВДОДЕМОКРАТИИ	83
Наталия ЧОБАНУ	

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ И ОСНОВНЫЕ КАРАКТЕРИСТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ	97
Виталий КАЗАКУ	

**СОДЕЙСТВИЕ МИССИИ ЕУВАМ МОЛДОВЕ ВО ВНЕДРЕНИИ
КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГРАНИЦАМИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ 109**
Людмила ГОЛОВАТАЯ

**ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК
ОСНОВА ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА В
УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 122**
Татьяна АНДРЕЕВА

**ТИХООКЕАНСКИЙ АЛЬЯНС - НОВЫЙ СУБЪЕКТ В МИРЕ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК 138**
Вячеслав БЫРДАН

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО: ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

**ЮРИДИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕТИЦИОННОГО ПРАВА В
РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА 147**
Галина ПОГОНЕЦ

**НОРМАТИВНЫЕ КОНОТАЦИИ В ТАМОЖЕННЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И РУМЫНИИ 156**
Сергей ЧЕРНОМОРЕЦ
Аурел Октавиан ПАСАТ

**ПРОБЛЕМАТИКА ДОКТРИНАЛЬНОГО ПРАВА НА ЧАСТНУЮ
СОБСТВЕННОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД 170**
Наталья КТИТОР

**ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В
ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 187**
Андрей БАЛАН

РЕЦЕНЗИЯ 196

TEORIA ȘI PRACTICA RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE: ABORDĂRI ACTUALIZATE

COMPONENTA INOVAȚIONALĂ A SECURITĂȚII NAȚIONALE ÎN TEORIA RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE

Valentin BENIUC, *doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, IRIM*

Ghenadie BROVCA, *doctor în științe pedagogice, conferențiar universitar, Universitatea Națională Tehnică din Belarus*

Rezumat

Problema asigurării securității a ocupat tot timpul o poziție dominantă în teoria și practica relațiilor internaționale. În reflectarea aspectelor practice ale asigurării securității internaționale dominante sunt teoriile, care în mod convingător formează o relație cauzală complexă a dezvoltării confrunționale a lumii. Atenția acordată problemelor aflate în zona de confluență a relațiilor internaționale, asigurarea securității naționale, economiei, inovațiilor, a domeniului științifico-tehnologic în ultimii ani a sporit. Cercetătorii acordă atenție influenței componente informativ-inovaționale asupra configurației sistemului internațional de securitate, elucidarea riscurilor și provocărilor securității, legate de dezvoltarea științei, tehnologiei, implementării inovațiilor și de direcția principală a colaborării internaționale în domeniu.

Cuvinte-cheie: relații internaționale, securitatea globală și regională, securitatea națională, componenta inovațională a securității naționale, inovații, economie inovațională

INNOVATION COMPONENT OF NATIONAL SECURITY IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

Abstract

The problem of security ensurance has always had a dominant position in the theory and practice of international relations. In covering practical aspects of international security, theories, which convincingly form a complex causal relationship of world's confrontational development, are dominant. Attention to issues in the confluence of international relations, national security, economy, innovation, scientific and technological domain has increased in recent years. Researchers pay attention to innovative and informative component influence on the international security system configuration, elucidating the security risks and challenges related to developing science, technology, innovation implementation and main direction of international collaboration in the field.

Keywords: *international relations, international and regional security, national security, innovative component of national security, innovation, innovative economy*

ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация

Вопросы обеспечения безопасности всегда находились в центре внимания теорий и практики международных отношений. В освещении практических подходов по обеспечению международной безопасности превалируют теории, которые с равной убедительностью устанавливают сложную причинно-следственную связь конфронтационного развития мира. Внимание к изучению проблем, находящихся на пересечении международных отношений, обеспечения национальной безопасности, экономики, инноваций, научно-технологической сферы в последние годы возросло. Исследователи стали уделять внимание как влиянию информационно-инновационной

составляющей на конфигурацию международной системы безопасности, так и выявлению рисков и угроз безопасности, связанных с развитием науки, технологий, и внедрением инноваций, а также основным направлениям международного сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: *международные отношения, международная и региональная безопасность, национальная безопасность, инновационная составляющая национальной безопасности, инновации, инновационная экономика*

Введение. Весьма важной для теории и практики является постановка проблемы влияния инноваций на международную и национальную безопасность, а также выделения такого компонента как инновационная составляющая национальной безопасности страны. Данный аспект является недостаточно исследованным. Стабильное, устойчивое и поступательное, в условиях глобализации, развитие национальной экономики, ее безопасное состояние - важнейшие цели экономической политики и государств, и всего комплекса международных организаций.

Сложность вопроса заключается в необходимости понимания со стороны государства, прежде всего органов власти и управления, того, что только новые технологии имеют доминирующее значение для стабильного, устойчивого и поступательного развития страны и мира в целом [1]. В этой связи важно не только формирование, но и реализация соответствующей инновационной политики в стране, ориентированной на повышение уровня национальной безопасности.

Результаты исследования. Существенный вклад в исследования проблем международной безопасности внесло одно из наиболее разработанных теоретических направлений - политический реализм. Среди его представителей наиболее известны имена Эдварда Карра, Ганса Моргентау, Раймона Арона, Уолтера Липпмана, Джорджа Кеннана, Генри Киссинджера, Стэнли Хоффмана [2].

В рамках политического реализма главным содержанием рациональной теории международных отношений остается изучение межгосударственных конфликтов и войн, а ее центральной проблемой — проблема безопасности, которая рассматривается, прежде всего, в ее военно-силовом и государственно-центристском виде [3].

Сторонники концепции политического реализма считают, что главной движущей силой в сфере международных отношений выступают национальные интересы, а сама эта сфера характеризуется

“плюрализмом суверенитетов”. Регулятором международной политики выступает сила и баланс сил [4].

Хотя уровень научно-технологического развития напрямую не всегда упоминается в теориях реалистов, зачастую он воспринимается в качестве одного из компонентов силы страны.

Например, в контексте осмысления проблемы структурирования современной международной системы российский политолог А.Д. Богатуров выделяет научно-технический потенциал в качестве одного из пяти параметров, на которых базируется определение лидерских черт в мировой политике, наряду с военной силой, производственно-экономическим потенциалом, организационным ресурсом и потенциалом креативности [5].

В этом случае технологии и инновации играют роль пассивного и нейтрального внесистемного инструмента и являются одним из множества факторов, используемых государствами для максимизации мощи. Наука определяет материальные основы жизни глобального сообщества, ориентируясь на удовлетворение возникающих потребностей (таких, как выживание и процветание), а ключевой движущей силой технологической эволюции остается межгосударственная борьба за власть [6].

Один из лидеров европейского реализма, французский социолог Р. Арон источник изменений международных отношений в вопросе войны и мира видел именно в технологической трансформации, сопровождавшей переход от традиционного к индустриальному обществу. Согласно его концепции становление индустриальной цивилизации, основанной на достижениях научно-технического прогресса, привело к росту национального благосостояния без расширения территории и захвата сырьевых ресурсов.

В рамках реалистической парадигмы были сформулированы неореалистические и неоклассические реалистические концепции.

Неореалистические концепции анализируют варианты развития международной ситуации в мире, а именно характер и перспективы международного сотрудничества, возможность альянсов различных государств, вероятность конфронтации и войны. Неоклассический реализм, в свою очередь, изучает внешнеполитические стратегии государств [7, с. 128-161].

Представители классического реализма Г. Моргентау и Р. Арон признавали, что технологический прогресс существенно повлиял на международную политику в XX веке, особенно в вопросах безопас-

ности. Появление оружия массового уничтожения превратило тотальную войну в исключительно иррациональное средство достижения политических целей [6].

Под влиянием зарождавшихся процессов экономической глобализации сторонники неореализма были вынуждены скорректировать классическую парадигму. Они признали, что, поскольку борьба за власть между государствами постепенно смещается из сферы политики с позиции силы в сферу экономической конкуренции, это также ведет к возрастанию роли науки и технологий в вопросах обеспечения безопасности.

Так, если для теории политического реализма центральными являются «понятие интереса, определенного в терминах власти», и связанные с ним понятия баланса сил, геополитической стратегии и т.п., то в неореализме эти акценты несколько смещены. Принимая во внимание структурное понимание силы, неореализм не сводит баланс сил лишь к военному компоненту. Он также включает экономическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие [3].

В рамках реалистической парадигмы исследователи выделяют так называемый «наступательный» реализм и «оборонительный» реализм, которые по-разному видят логику дилеммы безопасности в международных отношениях. Представителями «оборонительного» реализма являются К. Уолтц (концепция баланса сил), Б. Миллер (теория сотрудничества великих держав), С. Уолт (теория баланса угроз), а также авторы других теорий — Т. Кристенсен, Дж. Шнайдер и др. [8].

Дилемма безопасности возникает, когда «государство, стремящееся к повышению своей безопасности посредством наращивания вооружений, непреднамеренно приводит в действие цепь событий, которые в конечном итоге снижают его безопасность» [7, с.136].

Наличие дилеммы безопасности, по мнению сторонников оборонительного реализма, не обязательно приводит к повышению конфронтации в международных отношениях. Государства чаще образуют коалиции не против сильного государства, угрожающего их интересам в долгосрочной перспективе, а против того государства, которое угрожает им сегодня или в обозримом будущем. Восприятие лидерами государств расстановки сил в мире также оказывает влияние на уровень международной конфликтности [6].

Основоположник неореалистского направления К. Уолтц в своем сугубо инструментальном подходе к взаимоотношению технологи-

ческого развития и глобальных процессов допускал, что ядерное оружие как продукт инновационного развития может оказать стабилизирующее влияние на международную политику. По его мнению, ядерное сдерживание – действенный фактор нормализации взаимоотношений между державами, обладающими таким оружием [9].

Представителями «наступательного» реализма являются Р. Гилпин (теория гегемонии), Р. Швеллер (теория баланса интересов), Ф. Закария (государственно-центристский реализм), а также авторы других теорий — Дж. Миершаймер, Э. Лэбс и др. [8].

Исходя из того, что интересы одних государств не могут совпадать с интересами других и, как следствие, между ними всегда существует конфликт, сторонники «наступательного» реализма главной целью любого государства считали получение доступа к различным ресурсам. Ради получения такого доступа и защиты своих интересов государство использует силу. Именно наличие сильного государства обеспечивает стабильность в международных отношениях, поскольку никто не будет открыто противостоять заведомо более сильному и могущественному противнику.

Сторонники «наступательного» реализма считают, что между государствами постоянно ведется борьба за достижение безопасности. Они отрицают перспективы успешного международного сотрудничества, а состояние стабильного мира считают практически недостижимым. В теории наступательного реализма безопасность рассматривается в абсолютных значениях, как феномен, достигаемый в ходе соперничества между государствами [2].

Для международной политики характерна постоянная борьба государств за существование и защиту своих интересов, во главе которых ставится обеспечение безопасности. Реалисты утверждают, что чем большей безопасности добивается для себя одно государство, тем в меньшей безопасности оказывается другое государство.

Экономические интересы имеют подчиненное значение и важны для наращивания мощи и международного авторитета государства, которое может рассчитывать только на свои силы для самозащиты. Отсюда стремление к самодостаточности: разностороннее развитие собственной экономики и военной промышленности, обеспечение контроля над стратегическими ресурсами.

Узко инструментальное понимание роли науки и инноваций в международных отношениях прослеживается как в трудах классической школы политического реализма, так и в работах сторонников неореализма.

Ограниченность реалистского понимания роли инноваций очевидна. Опираясь в основном политическими концептами (национальный интерес, накопление мощи, анархия), реалисты недостаточно детально прорабатывают роль и значение технологических инноваций в международных отношениях.

Для реалистов природа государства и силы, действующие в сфере политического, значительно более влиятельны, чем любые технологии, поскольку ничто не в силах ее изменить из-за ограничений, накладываемых анархичностью международной среды. Системные трансформации воспринимаются как результат изменения распределения власти и влияния между государствами. Развитие науки и технологий в качестве одного из оснований национальной мощи может способствовать подобным изменениям, но не становится сущностным компонентом самой системы [6].

Неореализм, перенеся основной акцент в анализе на уровень структуры, в силу инструментального подхода, не смог в должной мере осмыслить системные изменения, порождаемые созданием и распространением новых технологий.

Большинство сторонников реализма отвергают мысль о том, что технологический прогресс может привести к появлению новых игроков на международной арене или же радикально изменить формы и структуру взаимодействия в рамках глобальной системы [9].

По мнению Д. Голубева, такой недифференцированный подход, замкнутый на статическую модель системы международных отношений, игнорирует любое взаимовлияние между развитием науки и инноваций и структурными изменениями в мировой политике [6].

Реализм имеет общие черты с геополитикой, которую многие исследователи ставят в ряд с другими парадигмами. Близость этих теорий показывает уже тот факт, что Кеннана и Киссинджера называют и реалистами, и геополитиками.

Представители американской геополитики считают основой стабильности и мира гегемонию Соединенных Штатов Америки. Именно доминирующая позиция США в условиях конфликта цивилизаций рассматривается многими американскими исследователями как залог стабильности, и потеря этого положения, с их точки зрения, приведет к дестабилизации в международных отношениях [11].

Геополитика изучает международную политику в более сложном контексте по сравнению с реализмом, учитывая связь общества с эконо-

мико-географическими особенностями региона. Помимо вопросов войны, она обращает внимание на условия международного сотрудничества, концепцию устойчивого развития, глобальные экологические проблемы.

Российские политологи говорят о формировании «многополюсного мира» и основу безопасности и стабильности в мире видят в политике взаимодействия. Рассматривая различные аспекты безопасности, особое значение придается энергетической безопасности, переводя ее с национального на глобальный уровень [12].

Эволюция важнейших геополитических факторов настоятельно диктует необходимость инновационного подхода при их учёте во всех сферах жизнедеятельности и, прежде всего, в обеспечении безопасности социума различного масштаба, поскольку устойчивое развитие может иметь смысл только в условиях обеспечения безопасности.

Проблемы международной безопасности исследуются также в рамках либерального подхода, связанного с именами Г. Гроция, И. Канта и других мыслителей, которые видели перспективу развития международных отношений в установлении общепризнанного порядка, основанного на универсальных ценностях и общечеловеческих интересах [1].

Считалось, что мировой порядок можно построить без войн, неравенства и тирании. Основное внимание уделялось изучению условий мира и утверждению справедливости в мировой политике. Такое сосуществование должно опираться на рациональные принципы, науку и образование. Либералы видят будущее в создании сообщества дружественных государств, где насилие и аморальность могут быть существенно ограничены деятельностью международных организаций и развитием международного права.

Либеральная парадигма формировалась в недрах реалистической. Ученые этого направления не подвергают сомнению реалистический тезис о радикальном отличии политических взаимодействий в рамках государства и на международной арене [3].

Либеральные теории международных отношений признают, что трансформации международной системы во многом становятся результатом технологических изменений. Развитие информационных и коммуникационных технологий приводит к усложнению социально-экономических и социокультурных взаимодействий. Благодаря научным инновациям у людей появилась возможность устанавливать связи по всему миру, преодолевая ограничения, накладываемые нацио-

нальной принадлежностью, правительственной политикой и окружающей средой [6].

Эти изменения способствовали частичному размыванию значения таких физических параметров, как территория и границы. Традиционные принципы политического суверенитета, территориальности и автономности государства, на которых базировалось понимание международных отношений в Новое и Новейшее время, подверглись серьезной трансформации [13].

Ф. Фукуяма даже провозгласил, что технологический прогресс, наряду с триумфом идеологии глобального капитализма, ведет к тотальной гомогенизации культурного развития мира [14].

Представителям либерального направления принадлежит идея мирового правительства и концепция коллективной безопасности, позже получившие воплощение в учреждении Лиги Наций, ООН и создании многих международных институтов в сфере безопасности.

Всем известно, что ввиду столкновения интересов различных государств войны между ними возникают. Однако любые противоречия можно преодолевать коллективными усилиями, опираясь на стремление большинства государств к миру. В рамках международной системы жизненно необходимо создавать эффективные системы коллективной безопасности. Этому способствует экономическое сотрудничество и рост взаимозависимости государств [2].

В рамках неолиберального направления исследований проблем международных отношений вообще и международной безопасности в частности ученые обратили внимание на экономический фактор, который может быть не менее действенным, чем фактор силы. Разрешить конфликт интересов в международных отношениях возможно, используя так называемую «мягкую силу», то есть силу убеждения, а не принуждения. Государства могут эффективно взаимодействовать на базе международных институтов, участие в которых способствует гармонизации национальных интересов различных государств [15].

Неолиберальные концепции не отвергают полностью роль военной силы, а, напротив, придают большое значение проблемам безопасности в современном мире. При этом они переносят основной акцент в ее понимании на экономический компонент, утверждая, что изменения, порожденные научно-технологическим прогрессом, сопровождаются нарастающей неопределенностью из-за утраты прежних и отсутствия новых рычагов регулирования мирового порядка [6].

По мнению неолибералов, технологический прогресс в сфере военной силы усилил потенциальный эффект возможного разрушения, а также возможности «доставки» подобного разрушения в любую точку мира, что подрывает важнейшую традиционную функцию национального государства по обеспечению безопасности граждан. В этой связи возможно снижается и значение самого государства как политического института [16].

Американский политолог Д. Дьюдни утверждает, что именно технологическая среда определяет природу политической власти, а точнее, институциональные рамки обеспечения безопасности. Так, среда, созданная порохом, огнестрельным оружием и другими конвенциональными взрывчатыми веществами, породила систему суверенных государств. Появление ядерного оружия, способного уничтожить государство как таковое, в конечном итоге приведет к появлению постгосударственного мирового порядка [17].

Современное состояние международных отношений определяется доминирующим влиянием экономической глобализации и взаимозависимости. Это приводит к тому, что государству среди всего многообразия игроков отводится все меньшая роль; государства, как и негосударственные участники, в условиях растущей взаимозависимости, вынуждены сотрудничать друг с другом в больших масштабах.

В результате этих процессов структуры, действующие на глобальном уровне, усложняются. В этом смысле наиболее интегративное понимание роли науки и инноваций в эволюции социальной, в том числе международной, среды характерно для концепции сетевого общества, предложенной М. Кастельсом.

Согласно этой концепции, на смену миру, центральное место в котором отводится государству, приходит полицентричный мир, состоящий из игроков, которые все менее стеснены концептами территориальности и суверенитета. Благодаря прогрессу коммуникационных технологий, они все активнее организуются в глобальные сетевые сообщества, основанные на радикально изменившемся восприятии времени и пространства [18].

Либеральное понимание роли инноваций в эволюции международных отношений, так же, как и у реалистов, можно назвать достаточно слабым. Это связано с его односторонностью.

Некоторые неолиберальные исследователи, например Б.Джонс, признают, что научно-технологическое развитие нельзя считать

единственной движущей силой экономической глобализации – важную роль играют такие явления, как политика торгово-экономической либерализации, государственные программы развития инфраструктуры, решения касательно применимости технологий в свете социальных особенностей и культурных традиций [19].

Однако для неолиберализма все же характерен упрощенный технологический детерминизм и вытекающее из него линейно-прогрессистское видение эволюции международной системы. Такой подход недооценивает взаимообусловленный характер отношений инноваций и глобальной системы.

Несмотря на значительный вклад либеральной теории в понимание роли инноваций как агента системных изменений, она, как и реалистская парадигма, по-прежнему рассматривает науку и технологию как внешнюю силу, которая проецирует свое влияние на международную систему из-за ее пределов [20, с. 18–23].

Теоретики неолиберализма сосредоточивают свое внимание на следствиях технологического прогресса для развития международных отношений, подчеркивая значение экономических условий и усовершенствований в транспорте и коммуникациях для роста взаимозависимости. При этом они оставляют без внимания внутрисистемные движущие силы, которые определяют этот процесс.

Развитие экономических, научно-технических, культурных, информационно-технологических связей, миграция населения, возникновение глобальных проблем обусловили возникновение концепции так называемой «глобальной безопасности», которая активно обсуждается в рамках неолиберального направления. Предполагается, что глобальный уровень угроз требует такого же уровня обеспечения безопасности, а деятельность отдельных национальных государств в этом направлении не может быть достаточно эффективной.

В теории международных отношений сформировался также так называемый социологический подход, в рамках которого обсуждаются и вопросы обеспечения безопасности. Рассматривая мировую политику под углом зрения социальных ценностей, норм и правил, культуры и социализации исследователи данного направления смещают акцент в международных отношениях с государства на общество.

А. Вендт, формулируя основные положения социологического подхода, отмечает, что основными единицами анализа в исследовании международных отношений являются государства, а государственные

интересы формируются в большей степени социальными структурами [21].

Согласно исследованию Д. Голубева, социальный конструктивизм предполагает отказ от технологического детерминизма и переносит основной акцент в понимании общественных, в том числе международных, процессов на социокультурное бытие человека. В этом смысле данная парадигма максимально отдалается от интеграции материально-технологического развития в изучение природы международных отношений [6].

На становление международной политики, а в частности на ее научно-инновационную составляющую, оказывает влияние развитие культуры, идентичности, общественных норм и ценностей. Технология никогда не бывает ценностно-нейтральной – различные технологические опции всегда служат конкретным общественным целям и интересам.

Умеренное крыло конструктивистов не исключает полностью влияние научно-технологического фактора в международных отношениях. Е. Адлер признает тот факт, что диффузия технологий увеличила плотность международной системы, что в свою очередь выступает предпосылкой для роста взаимодействий между социальными субъектами и усложнения ее структуры. В отсутствие физических возможностей осуществления коммуникации, завязанных на научно-технологическую базу, взаимодействие между отдельными участниками международной системы вряд ли вообще имело бы место [16].

Сторонники конструктивизма признают социальную идентичность, наряду с другими нематериальными явлениями, в качестве определяющих условий любого технологического развития. По их мнению, роль научно-инновационной деятельности человека в эволюции международных отношений не может быть полноценно осознана и изучена с детерминистских позиций. Они критикуют упрощенное восприятие неолибералами сил, лежащих в основе процесса глобализации, считая, что «существенные технические, торговые и культурные перемены просто немислимы без серьезных политических предпосылок, сопутствующих обстоятельств и последствий» [22].

Один из ведущих теоретиков конструктивистской парадигмы Дж. Рагги критикует идею о линейной взаимосвязи между научно-технологическими и социальными переменами. Он признает, что технологический прогресс создал потребность в большем количестве международных организаций для эффективного управления взаимосвя-

висимостью между государствами. Хотя наука и инновации могут помочь в решении проблем, порожденных развитием материального мира, предпочтение между конкретными опциями в конечном итоге оказывается «вопросом не физических и технологических соображений, а социального выбора» [23].

В этой связи мы считаем, что любая национальная инновационная политика государства должна являться осознанным политическим выбором властей, отражающим конкретные политические интересы, нормы и ценности, в том числе относящиеся и к внешней политике государства.

Один из ярких представителей конструктивизма А.Вендт считает, что научно-технологические достижения обретают значение, лишь будучи встроенными в систему социальных норм [24].

Поскольку материально-техническая инновация сама по себе не имеет силы, глобальные трансформации, скорее, становятся результатом изменения норм и идентичностей, а не материально-технологического развития. Э. Адлер, например, выдвигает следующую идею: «Хотя структурные факторы такие, как технологии, могут определять курс развития событий, вмешательство человеческого фактора способно направить эти события по совершенно иному сценарию».

Представление технологии в виде социального конструкта подчеркивает объяснительную гибкость, связываемую с соответствующим артефактом. Разные социальные группы могут придавать артефакту различный смысл в зависимости от собственных интересов и ценностей. Так, ядерное оружие имеет в международно-политической сфере множество интерпретаций (касательно своей возможной роли и последствий), варьирующихся от смертельной угрозы существованию человечества до неотъемлемого элемента системы сдерживания и обеспечения национальной безопасности [6].

Рассуждая о безопасности, представители социологического конструктивизма утверждают, что государства пытаются обеспечить свою собственную безопасность, поддерживая военную уязвимость других государств. В «сообществе безопасности» государства доверяют друг другу и разрешают споры исключительно невоенными средствами [25, с. 212].

Однако мы все-таки можем отметить слабость конструктивистского подхода, поскольку сосредоточивая внимание на нормах, идеях, ценностях и идентичностях, он недооценивает материально-структурные переменные, выступающие в качестве ограничителей человеческого поведения.

Конструктивисты упускают из виду зависимость будущего развития от первоначально выбранного пути, которая нередко приводит к серьезному ограничению альтернатив, доступных субъекту, особенно на поздних стадиях развития крупных технологических систем. По мере созревания и расширения системы, а также укоренения в ней социальных норм и ценностей, у человека остается все меньше возможностей влиять на них, и они оказываются воплощенными в структурно-функциональных характеристиках системы [6].

Радикальные конструктивисты и постмодернисты вообще исключают материальные артефакты и возможные ограничители социально-политической свободы в действиях субъектов из поля анализа. За это порой они удостоиваются критики со стороны более умеренных представителей своего направления [26, с. 314, 317, 343–362].

Еще одним направлением в теории международных отношений можно назвать парадигму глобализма. Этот подход отразил изменения, которые произошли в международной системе и не нашли объяснения в рамках реализма и либерализма. Глобализм в теории международных отношений противопоставляется неореалистическому направлению и присущему ему представлению о статичности структуры системы международных отношений.

Сторонники глобализма обосновывают тезис об усилении под влиянием глобализации тенденции к усложнению проблемы безопасности в современном мире, что сопровождается одновременно ослаблением роли государства в обеспечении безопасности и сокращением механизмов эффективного контроля и реализации соответствующих стратегий. В этой связи глобалисты говорят о большей эффективности политических стратегий, предполагающих сотрудничество государств в сфере безопасности, особенно на региональном уровне [27].

Понятие безопасности становится более широким, включая целый ряд глобальных проблем: защита окружающей среды, регулирование народонаселения и борьба с голодом, утилизация отходов, использование ресурсов космоса и океана, коммуникации, терроризм и другие. Глобальные проблемы не могут быть решены несколькими странами, пусть даже великими, что повышает статус малых стран. Глобалисты считают, что разрушительный потенциал современного оружия привел к тому, что меры экономического принуждения становятся более привлекательными для политиков по сравнению с военными интервенциями.

По мнению Д. Голубева, единственным теоретическим направле-

нием в изучении современных международных отношений, которое осуществило синтез, а также попыталось преодолеть ограниченность понимания роли инноваций, характерного для традиционных теорий, можно считать «теорию сложности» (или «теорию сложных систем») [6].

Предпосылки применения идей для понимания международного развития были заложены в рамках концепции сетевых социальных структур Мануэля Кастельса, а первые попытки прямого использования «теории сложности» для анализа международных отношений связаны с творчеством Джеймса Розенау.

Несмотря на то, что еще в ранних работах Розенау не был готов полноценно интегрировать влияние технологических инноваций в свой анализ, он отчетливо прослеживает, что именно технологические сдвиги лежат в основе тех глубоких, или (как он сам их называет) «параметрических», перемен, которые происходят на всех уровнях глобальной системы. В их числе оказываются переход от индустриального социального порядка к постиндустриальному, появление новых глобальных проблем современности, снижение эффективности государства, рост политической самостоятельности сообществ и индивидов [28].

Многие исследователи считают, что применение «теории сложности» к изучению международных отношений, действительно, нужно развивать. Так, российские политологи Е.С. Зиновьева и А.А. Казанцев выдвигают убедительные аргументы в пользу концептуальной и методологической применимости «теории сложности» к анализу международной системы и мирополитических процессов, а также в пользу перспективности данного направления [29].

«Теория сложности» во всех своих базовых предпосылках позволяет наиболее основательно учесть значимость технологического развития для становления и развития международной системы.

По мнению Д. Голубева, в будущем в целях сохранения или повышения роли в международной системе любое государство в своей национальной политике развития науки и инноваций должно будет в большей степени ориентироваться не на генерирование новых знаний и технологий, а на контроль над управлением потоками глобального распространения знаний и технологий. В этой связи технологии могут превратиться в важнейший фактор самоорганизации международной системы.

В результате, любая национальная политика в области науки и

инноваций вообще потеряет всякий смысл, поскольку не сможет оказывать решающего влияния на положение государства в международно-политической иерархии. Такая перспектива чревата не только глобальными системными трансформациями, но и перерождением самой природы национального государства в части фундаментальных его атрибутов, таких, как суверенитет и национальная безопасность [6].

В последних десятилетиях XX в. традиционные подходы к определению безопасности и проблемам ее обеспечения в теории международных отношений стали подвергаться критике в рамках постмодернистского направления.

Такие исследователи постмодернистского направления, как С. Вебер, С. Делби, Д. Кемпбел, Р. Уолкер переосмысливают концепции международной безопасности, говоря о расширении источников угроз, невозможности отделить проблемы безопасности от проблем окружающей среды и прав человека. С точки зрения критических теорий международных отношений «безопасность не может быть локализована в одном месте, не важно идет ли речь о государстве или международной организации; безопасность необходимо создавать во множестве мест и на множестве уровней» [30, с.120].

Возникновение нового направления в теории международных отношений предположительно связано с очередным интеллектуальным кризисом, возникшим в общественных науках. Изначально оно появилось как антитеза всем предыдущим направлениям. Его представители скептически оценивали способность человека познавать объективные законы действительности, особенно в области политики.

По мнению С.А. Ланцова [6], многогранность угроз безопасности на разных уровнях - от личности до общества - требует плюрализма концепций безопасности. Важную роль играют системы региональной безопасности, различные организационные формы обеспечения безопасности. Хотя сегодня идея коллективной безопасности является синонимом блоковой системы, предполагая в качестве участников только государства [6].

Известный социолог постмодерна З. Бауман обращал внимание на то, что «постсовременность отличается нестабильностью и ощущением ненадежности, свертыванием роли государства и торжеством глобального рынка» [31].

На смену территориальным общностям идут общности сетевые,

существующие и действующие на основе общих интересов и ценностей и не зависящие от территориальной принадлежности их участников. Кроме того, по мнению постмодернистов, государство не только не способно обеспечить безопасность в традиционном ее понимании, но и само становится источником угроз для общества и для личности [2].

Российский исследователь А. Неклесса выделяет современные угрозы безопасности, связанные с развитием общества, усложнением его технологических, экономических, социальных и политических структур и институтов. По его мнению, это угрозы глобального финансово-экономического кризиса, формирование новой географии конфликтов и распространение «войн за ресурсы», радикальный отход некоторых ядерных держав от существующих правил игры, более свободное применение военных средств, растущая вероятность региональных ядерных конфликтов, превращение терроризма в международную систему, децентрализация международного сообщества [24, с. 108].

Как отмечает российский исследователь Д. Балувев, личностная безопасность хотя и не может полностью заменить традиционное видение безопасности, но должна стать одним из основных элементов концепций безопасности [32, с. 118–119].

Наряду с традиционными военными и военно-политическими видами безопасности сегодня выделяют такие виды безопасности, как экономическая, экологическая, энергетическая, информационная, демографическая, радиационная и, наконец, по нашему мнению - инновационная безопасность.

Выводы. На основании вышеизложенного, можно отметить, что постмодернистские концепции внесли существенный вклад в переосмысление феномена безопасности. Предложенные ими подходы активно используются и сегодня, в том числе и исследователями, не разделяющими теоретико-методологических принципов постмодернизма. Ученые постмодернистского направления выражают мнение, что в современном мире обсуждение вопросов безопасности должно выйти за пределы компетенции только профессиональных военных и политиков. Традиционные способы обеспечения национальной и международной безопасности не способны справиться с новыми угрозами [30, с. 144].

В целом в области теории международных отношений постмодернизм сыграл позитивную роль, стимулировав сначала теоретическую дискуссию по важнейшим проблемам международной безопасности, а затем обеспечив сдвиг политической мысли и официальных доктрин

Запада в сторону “диалогового мышления”. Примером такого подхода к безопасности являются социальные движения, не признающие границ и озабоченные проблемами мира, демократии, экологии, прав человека, а не военно-политической безопасностью [33].

Если рассматривать современную западную науку, то в ней исследовательским направлением, которое стремится комплексно изучать взаимосвязь между технологическим развитием общества и происходящими в нем социально-политическими процессами, становится «исследования общества, науки и технологии», ОНТ (science, technology and society studies, или STS) [6].

Поскольку ОНТ (STS), изучая взаимовлияние общества, политики, культуры, науки и технологий, оставляет международно-политическую сферу без внимания, роль инноваций в международных отношениях как предмет изучения остается недостаточно охваченной в рамках данного перспективного направления.

В то же время данный подход предлагает два теоретико-методологических инструмента, которые можно было бы заимствовать для развития современных теорий международных отношений и национальной безопасности. Во-первых, это отказ от узкого понимания феномена «технология» в пользу его более широкого толкования, дополняющего традиционное чисто техническое восприятие инноваций организационными и социокультурными аспектами. Так, в рамках ОНТ разработан специальный аналитический инструмент – понятие «сложная социально-технологическая система» [34]. В качестве социально-технологической системы Д. Голубев рассматривает в своей работе ядерное оружие, которое представляет собой не только взрывчатые и делящиеся вещества и средства доставки, но также системы централизованного управления и контроля, системы раннего обнаружения, государственную политику в области контроля над вооружениями, национальную ядерную стратегию, институциональные основы международного режима ядерного нераспространения. Вторым теоретико-методологическим инструментом рассматриваемого направления является интеграция технологического детерминизма (характерного, например, для неолиберализма и ряда неореалистских концепций) и социального конструктивизма (обычно связываемого с одноименным направлением в международно-политической науке) в понимании роли технологического развития в жизни общества, преодоление ограниченности, характерной для каждого из этих подходов в отдельности.

Библиография

1. Крутских, А.В. Информатизация и макротехнологии: новое лицо мировой политики / А.В. Крутских, Е.С. Зиновьева // Жур. Междунар. процессы. - 2014. – Т. 12 № 1-2 – с. 20-32.
2. Ланцов, С. А. Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений / С.А. Ланцов, Ф. И. Усмонов // Жур. Политэкс [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/437/30/>. - Дата доступа: 20.05.2016.
3. Проценко, Л. Современные теории международных отношений как условие формирования у населения новой картины мира /Л. Проценко // Жур. Развитие личности № 1 [Электронный ресурс]. – 2001. - Режим доступа: <http://rl-online.ru/articles/1-02/51.html> Дата доступа: 20.05.2015.
4. Антанович, Н. Ганс Моргентау: реалистическая теория международной политики / Н. Антанович, Е. Достанко // Бел. жур. междунар. права и междунар. отнош. № 1. [Электронный ресурс] – 2000. - Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/344/51/> Дата доступа: 15.05.2016.
5. Богатуров, А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе / А.Д. Богатуров // Жур. Междунар. процессы. - 2006. - Т. 4. № 12. - С. 5–15.
6. Голубев, Д. Наука и инновации в теориях международных отношений / Д. Голубев // Междунар. процессы. – 2015. – Т. 13 № 2. – с. 66-80.
7. Taliaferro, J. W. Security seeking under anarchy. Defensive realism revisited / J.W. Taliaferro // International security. - 2001. - Vol. 25.
8. Коньшев, В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. / В.Н. Коньшев - СПб.: Наука, 2004 – 372 с.
9. Waltz, K. Theory of International Politics. / K. Waltz // MA: Addison-Wesley. – 1979 - 256 p.
10. Gilpin, R. The Political Economy of International Relations / R. Gilpin / /N.J.: Princeton University Press [Electronic resource]. – 1987. - Mode of access: <http://press.princeton.edu/titles/2523.html>.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Политнаука [Электронный ресурс] - М., 2005. <http://www.politnauka.org/library/classic/hant.php>. - Дата доступа: 15.05.2016.
12. Кулагин, В.М. Международная безопасность: учеб. пособие для студентов вузов / В. М. Кулагин. - М.: Аспект Пресс, 2007. - 318 с.
13. Strange, S. States and Markets / S. Strange // London: Pinter. - 1994. - 266 p.
14. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. - М.: АСТ, 2015. - 575 с. – (Политика).
15. Keohane, R. Power and Interdependence / R. Keohane, J. Nye // New York, 1989. – 4th edition.
16. Adler, E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics / E. Adler // European Journal of International Relations. - 1997 - № 3. - P. 319-363.

17. Duedney, D. Nuclear Weapons and the Waning of the Real-State / D. Duedney // *Daedalus*, 1995. - Vol. 124.  2. - P. 209–231.
18. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture, Part 1: The Rise of Network Society. / M. Castells // Malden, MA: Blackwell Publishers. – 2000 - 556 p.
19. Jones, B. The World Turned Upside Down? Globalization and the Future of the State. / B. Jones // Manchester, U.K.: Manchester University Press. - 2000. - 314 p.
20. Herrera, G.L. Technology and International Transformation: The Railroad, the Atom Bomb, and the Politics of Technological Change / G.L. Herrera // Albany: State University of New York Press. – 2006. - 265 p.
21. Wendt, A. Anarchy is What States Make of It / A. Wendt // *International Organization*. - 1992. - Vol. 46. N 2.
22. Shaw, M. Theory of the Global State: Globality as Unfinished Revolution. / M. Shaw // Cambridge: Cambridge University Press. - 2000. - 316 p.
23. Ruggie, J. International Responses to Technology: Concepts and Trends / J. Ruggie // *International Organization*. - 1975. -  29. - P. 557–583.
24. Wendt, A. Constructing International Politics / A. Wendt // *International Security*. - 1995. - № 20. - P. 71–81.
25. Frederking, B. Resolving security dilemmas: a constructivist explanation of the Cold War / B. Frederking // *International politics*. - 1998. - N 35. June.
26. Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt // Cambridge: Cambridge University Press. - 1999. - 447 p.
27. Лукин, В.Н Традиционные и новые парадигмы безопасности: сравнительный анализ / В.Н. Лукин, Т.В. Мусиенко // *Теор. Жур. Credo*. [Электронный ресурс] – 2006. - Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/589/58/> .- Дата доступа: 15.05.2016.
28. Rosenau, J. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J. Rosenau // Princeton, N.J.: Princeton University Press. - 2003. - 456 p.
29. Зиновьева, Е.С Сложность мировой политики: к вопросу о новой методологии анализа / Е.С. Зиновьева, А.А. Казанцев // *Мир. экон-ка и междунар. отнош.* - 2015. - № 4. - с. 58–67.
30. Walker, R. One world, many worlds. Struggle for a just world peace. / R. Walker // London, 1998.
31. Bauman, Z. Postmodernity and Its Discontents. / Z. Bauman // Cambridge, 1997. - P. 12.
32. Балуев, Д. Г. Понятие human security в современной политологии / Д.Г. Балуев // *Жур. междунар. процессы* [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/one/008.htm>. – Дата доступа: 19.05.2016.
33. Карадже, Т.В. Методология исследования политического: основные подходы и направления / Л.В. Оленикова, Т.В. Карадже – М.: Прометей, 2013 – 194 с.
34. Hughes, T.P. The Evolution of Large Technological Systems/Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology / W. Bijker, T.P. Hughes and T. Pinch // Cambridge: MIT Press. - 1987. - P. 52-81.

„PARTENERIATUL ESTIC”: TENDINȚE ȘI PERSPECTIVE DE DEZVOLTARE

Vasilii SACOVICI, *doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Universitatea Națională Tehnică din Belarus*

Rezumat

În articolul științific „Parteneriatul Estic” în contextul Politicii Europene de Vecinătate”¹, publicat în anul 2009, autorul supune analizei devenirea noului program european de vecinătate, în care nu doar arată prioritățile, dar și pericolele potențiale ale proiectului european. Ideea proiectului „Parteneriatul Estic” apare după ce Franța a inițiat planul creării Uniunii Mediteraneene în 2007. La începutul anului 2008, Polonia inițiază activități de elaborare a mecanismelor de aprofundare a integrării Uniunii Europene cu vecinii din Est în cadrul Politicii Europene de Vecinătate. Acest proiect a fost definit: „Parteneriat Estic” («Wschodnie Partnerstwo», «Eastern Partnership»). Suedia a obținut rolul de coautor a Parteneriatului Estic, fiind împuternicită să asigure echilibrul între „Procesul de la Barcelona” și „Sinergia Mării Negre”.

În acest articol este analizată dezvoltarea pe parcursul celor șase ani și perspectivele dezvoltării ulterioare a proiectului european - „Parteneriatul Estic” ca model al continuității Politicii Europene de Vecinătate. Colaborarea în cadrul inițiativei se prezintă doar în calitate de element complementar al acestei politici. Drept bază a inițiativei „Parteneriatul Estic” se prezintă spațiul Politicii Europene de Vecinătate. Autorul acordă o atenție deosebită problemelor ce apar în procesul implementării programului „Parteneriatul Estic” și la propunerile UE ce vizează schimbarea abordărilor Politicii Europene de Vecinătate.

Cuvinte-cheie: Parteneriatul Estic, Politica Europeană de Vecinătate, Uniunea Europeană, Ucraina, Republica Moldova, Georgia, Armenia, Azerbaidjan, Belarus, dezvoltare, colaborare multilaterală, integrare europeană, riscuri

¹ Сакович В. А. «Восточное партнерство»: в контексте европейской политики соседства. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. Chișinău, Nr. 1, 2009 г. С. 100-104.

“EASTERN PARTNERSHIP”: TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Abstract

In the scientific article “Eastern Partnership” in the context of the European Neighbourhood Policy”, published in 2009, the author analyzes the new program of the European Neighbourhood Policy, which does not only show priorities, but also potential hazards of the European project. The idea of the “Eastern Partnership” project appears after France initiated the creation of the Mediterranean Union plan in 2007. In the early 2008, Poland initiated activities of developing mechanisms of deepening integration with the European Union’s Eastern neighbors under the European Neighbourhood Policy. This project has been defined: “Eastern Partnership” (“Wschodnie Partnerstwo», «Eastern Partnership»). Sweden was named as the co-author of the Eastern Partnership, being empowered to strike a balance between “Barcelona Process” and “Black Sea Synergy”.

This article reviews the development over six years and prospects for further development of the European project - “Eastern Partnership” as a model of continuity of the European Neighbourhood Policy. Collaborating in the initiative is presented only as a complement to this policy. The basis of the initiative “Eastern Partnership” presents space to the European Neighbourhood Policy. The author pays particular attention to the issues arising in the implementation of the “Eastern Partnership” and EU proposals aimed at changing approaches of the European Neighbourhood Policy.

Keywords: *Eastern Partnership, the European Neighbourhood Policy, the European Union, the Ukraine, the Republic of Moldova, Georgia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, development, multilateral cooperation, European integration, risks*

«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО»: ИДЕЯ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В 2009 г. профессор Сакович В. А. в научной статье «Восточное партнерство»: в контексте европейской политики соседства»² сделал анализ становления новой европейской программы соседства, в которой указывал не только на преимущества, но и на возможные угрозы развитию европейского

проекта. Идея проекта «Восточное партнерство» возникла после инициирования Францией плана создания Средиземноморского союза в 2007 г. В начале 2008 г. Польша приступила к разработке предложений по созданию механизмов для развития более глубокой интеграции ЕС с восточными соседями в рамках Европейской политики соседства. Этот проект получил название «Восточное партнерство» («Wschodnie Partnerstwo», «Eastern Partnership»). Швеция стала его соавтором. «Восточное партнерство» призвано сбалансировать «Барселонский процесс» и «Черноморскую синергию».

В данной статье рассматриваются развитие (на протяжении шести лет) и перспективы дальнейшего развития европейского проекта «Восточное партнерство», как продолжение европейской политики добрососедства на Востоке. Сотрудничество в рамках инициативы выступает лишь в качестве дополняющего элемента этой политики. За основу инициативы «Восточное партнерство» приняты рамки Европейской политики соседства. Автор подробно остановился на проблемах, возникших при внедрении программы «Восточное партнерство» и на предложениях ЕС по изменению подходов к европейской политике добрососедства.

Ключевые слова: Восточное партнерство, Европейской политики соседства, угрозы, развитие, европейская интеграция, Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан, Беларусь

Введение. Философия инициативы «Восточное партнерство» изначально определялась как стремление «поднять уровень предложений Евросоюза для своих восточных соседей»³. Концептуально планировалось развивать то, что объединяет Евросоюз и его восточных соседей. Предполагалось, что «Восточное партнерство» будет способствовать развитию сотрудничества на нескольких уровнях:

- между странами - восточными соседями ЕС;
- между восточноевропейским регионом и ЕС;
- на двустороннем уровне между восточноевропейскими странами и государствами ЕС.

Цель инициативы – укрепление связей Евросоюза с Украиной, Молдовой, Грузией, Арменией, Азербайджаном и Беларусью, ускорение в них процесса реформ. Инициатива не предусматривала и не предусматривает членства стран - восточных соседей в Евросоюзе.

Углубление двусторонних взаимоотношений предполагалось проводить по следующим направлениям.

1. Переход от действующих договоров о партнерстве и сотрудни-

³ Там же.

честве к соглашениям об ассоциации, которые создадут более крепкие политические связи, и будут способствовать сближению национального законодательства партнеров с законодательством ЕС.

2. Постепенная интеграция в экономику ЕС посредством предоставления взаимного доступа на рынки.

3. Содействие мобильности и увеличение безопасности на основе соответствующих соглашений. Предусматривалось, что визовые требования ЕС будут упрощаться поэтапно, по мере выполнения партнером ряда обязательств, направленных на обеспечение безопасности и стабильности, включая борьбу с нелегальной миграцией, коррупцией и организованной преступностью.

4. Укрепление энергетической безопасности в отношении долгосрочных поставок энергии и транзита.

5. Поддержка экономического и социального развития партнеров с целью сокращения резкого неравенства между различными регионами и группами населения.

Многостороннее сотрудничество планировалось осуществлять по четырем тематическим направлениям: демократия, надлежащее управление и стабильность; экономическая интеграция и сближение с политикой ЕС; энергетическая безопасность; контакты между людьми в целях поддержания усилий партнеров в проведении реформ в своих странах и развития сотрудничества в области науки, культуры и образования⁴.

В политическом контексте стратегия «Восточного партнерства» нацелена на значительное повышение уровня политического взаимодействия, широкую интеграцию в экономику ЕС, усиление энергетической безопасности и увеличение финансовой помощи.

Программный документ Еврокомиссии «Восточное партнерство» еще на стадии обсуждения проекта, как и сама идея проекта, вызвали настороженную реакцию России. По мнению российских аналитиков, предлагаемый сценарий действий ЕС на постсоветском пространстве «разводит» Россию с остальными «бывшими республиками СССР». Заведующий Центром политической интеграции Российского Института Европы Н. Кавешников отмечал, что главный мотив и направ-

---

⁴ Сакович В. А. «Восточное партнерство»: в контексте европейской политики соседства.// Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. Chișinău, № 1, 2009 г. С. 100-104.

ленность предлагаемого Евросоюзом взаимодействия состоит в стремлении ЕС настолько перестроить политическую, экономическую и законодательную системы некоторых государств постсоветского пространства, приблизить их в «стандартам» ЕС, чтобы оставить на территории бывшего СССР только один «остров» - Россию⁵.

Наблюдатели уже тогда полагали, что Москва вряд ли будет спокойно наблюдать за тем, как Евросоюз станет активно развивать демократические институты, создавать свободные экономические зоны на постсоветском пространстве, минуя Россию. Многим было понятно, что данный проект будет разрушать российскую идею о едином экономическом пространстве на постсоветской территории.

Учитывая то, что «Восточным партнерством» Европа не только втягивает в свою орбиту постсоветские республики, но и, по сути, пытается ограничить влияние России на международной арене на восточном направлении, аналитики и политологи ожидали негативную реакцию России к данному проекту уже на первоначальной стадии его обсуждения и реализации.

Но, руководители Украины, Молдовы, Грузии, Армении, Азербайджана и Беларуси избрали участие в данном проекте с надеждой, что «Восточное партнерство» приведет к существенным положительным экономическим и социальным эффектам для участвующих в нем государств и результаты будут ощутимы для каждого конкретного человека в плане облегчения визовых процедур, упрощения передвижения граждан, вопросов недвижимости, финансов, торгово-экономического сотрудничества.

Вот с такими идеями, и подходами, ожиданиями и надеждами, определенными сомнениями началась реализация проекта «Восточное партнерство».

За шесть лет своего существования, «Восточное партнерство» сделало значительный шаг вперед, по сравнению с предыдущей политикой соседства ЕС. На основе двухсторонних и многосторонних направлений сотрудничества возникли новые платформы для диалога на уровне правительственных структур и экспертов (тематические платформы), а также платформы в области парламентаризма и

---

⁵ Цит. по: Сакович В. А. «Восточное партнерство»: в контексте европейской политики соседства. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. Chișinău, № 1, 2009 г. С. 100-104.

демократии, выработки общих позиций и реализации совместных проектов. Каждые два года проходят саммиты глав государств, ежегодные встречи министров иностранных дел стран-членов «Восточного партнерства» и стран-членов Европейского союза, форумы гражданского общества и Конференции региональных и местных органов власти – COLREAP.

Привлекательность этого проекта (как показало многолетнее сотрудничество) для стран Восточной Европы заключается в финансово-экономической, торговой и инвестиционных сферах, а также в роли стабилизационного фактора для внутреннего развития.

Построение системы европейской политики соседства началось путем распространения европейских ценностей, а также привлечением стран-партнеров к совместным тематическим программам в области политического, гуманитарного и экономического развития. Используя тематические программы, Евросоюз стремится наладить партнерские связи между странами региона. С этой целью ЕС предусмотрел инструменты финансового стимулирования стран-партнеров, путем увеличения финансовой поддержки двусторонних и региональных программ, основываясь на принципе «большее за большее». Причем средства выделяются на основании четкого доказательства осуществления демократических реформ⁶. В 2009-2014 гг. ЕС выделил Молдове 824 млн. евро на 279 проектов. До 2017 г. планируется выделить еще 410 млн. евро. Финансирование Евросоюзом проектов в странах Восточного партнерства проходит по статье «Инструменты европейской политики соседства» (ENI), по которой в ближайшие семь лет (в дополнение к ранее выделенным средствам) ЕС может выделить всем странам-партнерам 15,4 млрд. евро. Кроме того, средства могут идти через «Европейские инструменты для поддержки демократии и прав человека», на которые предусмотрено 1,3 млрд. евро. Обе программы направлены на продвижение демократических преобразований и организационное строительство, а также на поддержку устойчивого и эксклюзивного роста. Использование евроинтеграционных инструментов для получения краткосрочных и среднесрочных результатов, в некотором смысле политических дивидендов в Восточной Европе, существенно поднимает

---

⁶ Европейская политика добрососедства. Отчет о развитии страны за 2012 г. Республика Молдова. Брюссель, 20 марта 2013 г.// Экономическое обозрение № 20, 22 марта 2012 г.

потенциал деятельности ЕС по вовлечению восточных партнеров в систему европейской политики безопасности.

Тем не менее, на наш взгляд, не стоит оценивать эффективность «Восточного партнерства» исходя исключительно из финансовых условий поддержки. Более важным является кооперация восточных партнеров и ЕС на уровне двусторонних и многосторонних отношений. С этой целью ЕС развивает двусторонние отношения со странами, которые проявляли сугубо прагматический интерес по тем направлениям, которые названы приоритетными в рамках «Восточного партнерства», а также разработал ряд специальных проектов, призванные консолидировать Восточных соседей.

Для достижения максимальных результатов ЕС активно привлекает партнеров в общеевропейские политики и проекты: комплексная программа укрепления институционального потенциала; пилотные программы регионального развития⁷, TRACECA; INOGATE и др. Нормативный характер инструментов ЕС направлен на постепенную трансформацию среды в единое экономическое, энергетическое, транспортное пространство и пространство безопасности.

Цель – создание зоны свободной торговли и подписание Соглашений об ассоциации. Соглашения об ассоциации и Зоне углубленной и всеобъемлющей свободной торговли (DCFTA) является на данном этапе основным ключевым моментом двусторонних отношений, продвигаемым Европейским Союзом. Оно является всеобъемлющим и покрывает большинство сфер европейских интересов, а именно:

- ценности и принципы: общие ценности, в особенности демократия и верховенство закона, соблюдение прав человека и основных свобод, эффективного управление, рыночная экономика и устойчивое развитие;
- углубленное сотрудничество по вопросам внешней политики и политики безопасности, нераспространение ядерного оружия и разоружение, предотвращение конфликтов;
- правосудие, свобода и безопасность на основании плана действий по либерализации визового режима, включая господство права, защиту данных, миграцию, борьбу с отмыванием денег, финансированием терроризма, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью;

⁷ Programul Pilot de Dezvoltare Regională, // <http://www.infoeuropa.md/programul-pilot-de-dezvoltare-regionala/> – 10 VIII 2013.

- углубленное сотрудничество примерно в 25 ключевых отраслях, включая энергетику, транспорт, окружающую среду, промышленность и предпринимательство, государственные финансы, макроэкономическую стабильность, законодательство о компаниях, банковскую сферу, страхование и другие финансовые услуги, информационное общество, информационные технологии и телекоммуникации, туризм, сельское хозяйство, рыбоводческое хозяйство, науку и технологии, защиту потребителей, социальную сферу, здравоохранение, образование, обучение молодежи, культурную и аудиовизуальную сферу, гражданское общество, трансграничное и региональное сотрудничество и пр., на основе постепенного сближения с нормативной базой ЕС.

DCFTA простирается гораздо шире, чем традиционные соглашения о свободной торговле, и предусматривает не только взаимное открытие рынков для большинства товаров и услуг, но также содержит обязательные положения о постепенном приближении к нормам и стандартам ЕС в области торговли и таких смежных областях, как стандарты и правила оценки соответствия, санитарные и фитосанитарные правила, права на интеллектуальную собственность, содействие торговле, государственные закупки и конкуренция. Соглашение также содержит строгие обязательные положения относительно торговли энергоносителями, включая вопросы инвестирования, транзита и транспортировки.

На данный момент Соглашение об ассоциации подписано Молдовой, Украиной и Грузией. Лидером в реализации масштабных реформ, направленных на повышение экономической конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности является Республика Молдова. Молдова является крупнейшим (в расчете на душу населения) получателем помощи среди стран-соседей ЕС.

Стратегическими направлениями ЕС, является решение проблемы энергетики, сближение энергетических рынков, повышение энергетической безопасности, диверсификация источников энергии (особенно в направлении возобновляемых источников энергии), энергоэффективность, а также привлечение инвестиций в эти отрасли. С этой целью в мае 2009 г. ЕС стал инициатором создания единого «Энергетического сообщества» призванного консолидировать энергетический рынок, с последующей трансграничной торговлей энергоносителей. Полноправными членами Энергетического сообщества стали Молдова (май 2010 г.) и Украина (февраль 2011 г.).

Наряду с политическими, экономическими и энергетическими направлениями, Евросоюз на Вильнюсском саммите 2013 г. озвучил в качестве ключевого приоритета деятельности «Восточного партнерства» – формирование научно-технической и инновационной политики, способной поддержать высокое развитие во всех системах образующих областях безопасности. Такое решение подкреплено Декларацией «На пути к общему пространству знаний и инноваций». Активизация сотрудничества между ЕС и его восточными соседями, стала одной из основных идей Декларации. В ней подчеркивалась важность многолетнего плана регионального сотрудничества со странами-партнерами через проект «Горизонт 2020» – крупнейшей в истории рамочной программы по научным исследованиям и инновациям.

В первом квартале 2014 г. в Молдове была запущена Европейская программа «Горизонт 2020» (Horizon 2020), рассчитанная на 7 лет (2014 – 2020 гг.). Она объединяет три прежде независимых источника финансирования: Рамочную программу научных исследований и технологического развития ЕС, Рамочную программу конкурентоспособности и инноваций и Европейский институт и технологий. Бюджет программы на 2014 – 2020 гг. составляет 80 млрд. евро. Практически это программа научного сотрудничества всей Европы, в которую приняли Молдову. Молдова стала первой из стран «Восточного партнерства» и 14-й на континенте, вошедшей на полноправной основе в европейское научное пространство. В целом, наука Молдовы стала частью многих программ поддержки европейскими грантами.

Таким образом, в контексте многосторонних и двухсторонних отношений страны-партнеры нашли приемлемую форму развития и кооперации с ЕС. Исходя из своих национальных интересов и приоритетов в рамках «Восточного партнерства», страны разделились по группам – так называемые сторонники евроинтеграции (Молдова, Украина и Грузия) и еврокооперации (Беларусь, Армения и Азербайджан). В связи с этим, Микаэль Золян, политический аналитик ереванского Центра региональных исследований назвал такое деление опасной тенденцией для «Восточного партнерства» полагая, что таким образом происходит косвенное признание наличия сфер влияния на геополитическое постсоветское пространство.

Существующее деление между странами образовалось вследствие выборочного применения ЕС направлений политики «Восточного партнерства». В соответствии с объективным и субъективным причи-

нами страны-партнеры подошли к реализации программы «Восточного партнерства» с позиции двух «линий» развития – идеологической и прагматической. Идеологическая линия «Восточного партнерства» поставила страны перед цивилизационным выбором – ориентация на Европу и европейские структуры. К идеологическому измерению так же относится построение демократических режимов и уважение к правам человека. Прагматическая линия – это, прежде всего, возможность получения финансовой и технической помощи от ЕС. Республика Беларусь и Армения проявили сугубо прагматический подход в отношениях с ЕС, не ставя своей главной целью «институционализированную интеграцию». Дистанцию в ассоциативных отношениях с ЕС сохранил и Азербайджан.

«Геополитизация» с помощью перспективы предоставления форматов частичного вовлечения в евроинтеграционные процессы, главным образом формата ассоциации и зоны свободной торговли является мощнейшим рычагом геополитического и экономического вовлечения. Изначально на этот механизм возлагались преимущественно стабилизационные задачи с расчетом на то, что их выполнение приведет к эвентуальным сдвигам геополитического баланса в пространстве Восточной Европы. Но основной сдвиг пока произошел в Молдове, Украине и Грузии, политика которых значительно радикализировалась по отношению к альтернативному стратегическому курсу – ЕврАзЭС.

В этой связи следует подчеркнуть, что далеко не случайно международные отношения с участием Европейского союза выстраиваются не добрососедскими (в классически научном понимании), а качественно иными – западноевропейскими, нацеленными не только и не столько на поддержание добрых отношений, но и на эффект европеизации стран-соседей, перевода их в другие цивилизационные, международно-политические и правовые условия с «добровольным» уменьшением их государственного суверенитета.

Реакция России, которая увидела в этом скорее политический, нежели экономический замысел по «отрыванию» постсоветских стран от российского центра притяжения, не заставила себя долго ждать. Возникли торгово-экономические проблемы в сотрудничестве с Россией, произошло охлаждение дипломатических отношений, что привело к росту во многих странах «Восточного партнерства» оппозиционных движений в противовес европейскому курсу, политической и экономической нестабильности, к которым ЕС оказался совершенно

не готов. Поэтому не удивительно, что все три страны (Молдова, Украина, Грузия) оказались в односторонней экономической «изоляции» от рынка Российской Федерации. В Украине происходит самый жуткий сценарий – военное противостояние.

Таким образом, «Восточное партнерство» не смогло стать движущей силой для всех стран-партнеров и укрепить безопасность региона. В сочетании со стагнационными тенденциями в диалоге Россия-ЕС и вызовом со стороны евразийского интеграционного проекта обнажилась неспособность Европейского Союза выработать эффективную политику относительно отношений с государствами Восточной Европы в контексте возникших проблем. Кроме этого, образовавшиеся проблемы показывают на отсутствие гибкости «Восточного партнерства», а также неспособность обеспечить главную цель проекта – стабилизационную роль в Восточной Европе. Как и предсказывали аналитики, кризис на Восточном пространстве стал накапливаться изначально со времени зарождения инициативы «Восточного партнерства». Так, с 2009 г. Евросоюз пытался строить отношения, не беря должным образом в учет тесные экономические и социально-политические связи стран Восточной Европы с СНГ. Такая политика Евросоюза была обусловлена желанием расширить свои границы геополитического и экономического влияния за счет стран Восточной Европы. В этой связи Украина, Грузия и Молдова получили исключительный статус в группе шести стран и стали привилегированными соседями ЕС. В этих странах такие евроинтеграционные проекты, как Соглашение об ассоциации, Соглашение об упрощении визового режима и механизмы введения Зоны свободной торговли, были частично внедрены. Но, уже на этом этапе страны-партнеры начали ощущать неподготовленность своих политических и экономических систем, практических подходов ЕС к реализации идей, заложенных в этих Соглашениях.

Изначально механизм ассоциации, а также и ряд предшествующих ему соглашений об упрощении визового режима и механизмы введения зоны свободной торговли, предусматривали стабилизационные задачи в укреплении европейской безопасности, как один из аспектов взаимодействия ЕС и стран-партнеров в политической сфере. Но, в отношении с Украиной была проявлена поспешность, что поставило под угрозу региональную безопасность. Основным фактором стали серьезные разногласия России и ЕС, в первую очередь, по экономи-

ческим и геополитическим составляющим сотрудничества. Концептуальные расхождения в вопросе политической организации пространства Восточной Европы и разногласия двух ведущих региональных полюсов европейской системы, спровоцировали вооруженный конфликт на Украине, разделило общество Молдовы на два противоположных лагеря сторонников разного геополитического выбора. Это подвело Украину к черте экономического дефолта и политического кризиса, Молдову – к возрастанию политических и экономических рисков.

Но Европейской политике соседства не всегда удавалось адекватно реагировать на изменяющиеся устремления партнеров, и вследствие этого интересы самого ЕС не соблюдались в полной мере⁸.

В связи с этим ЕС планирует пересмотр Европейской политики соседства по следующим основным направлениям и аспектам:

- дифференцирование подхода в работе с партнерами.

Партнеры и к востоку, и к югу от ЕС демонстрируют разные степени готовности к взаимодействию. Некоторые партнеры к востоку от ЕС заключили соглашения об ассоциации и создании глубоких и всеобъемлющих зон свободной торговли и хотят двигаться дальше. Кроме того, необходимо определить, работу с соседями европейских соседей-партнеров. В связи с этим предполагается поиск новых подходов к работе и учета того факта, что партнеры очень разные;

- развитие в сотрудничестве с партнерами чувства сопричастности.

Потенциал отношений не может быть реализован полностью, пока партнеры не сотрудничают на равных. Новая Европейская политика соседства должна отражать опыт и устремления всех партнеров. Кроме этого, чувство сопричастности возникает, когда сотрудничество приносит ощутимую, заметную пользу гражданам стран-партнеров;

- изменение подходов и направлений сотрудничества.

ЕС планирует пересмотреть нынешний подход сотрудничества - развитие полного спектра отношений с каждым партнером, на сотрудничество в зависимости от готовности партнеров: с теми, кто к этому готов, будет и дальше развиваться сотрудничество по широкому спектру отраслей, способствуя тому, чтобы партнеры перенимали стандарты Европейского союза; с теми же, кто не готов или не желает развивать тесное взаимодействие с ЕС, будут предложены иные

⁸ Мнение. Майра Мора . Четыре вопроса и ответа о будущем отношений ЕС с соседями. <http://news.tut.by/politics/441289.html> (Дата доступа 25. 06. 2015 г.)

форматы сотрудничества. Предполагается развивать сотрудничество в области торговли, мобильности, энергетики и энергетической безопасности, совместному противодействию возникающих угроз, организованной преступностью и затяжным конфликтам;

- расширение гибкости в подходах и стремительности в реагировании на изменения и кризисы.

В связи с требованием времени в 2015 г. ЕС приступил к широкомасштабному пересмотру политики «Восточного партнерства». Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини, а также комиссар ЕС по вопросам расширения и политики добрососедства Йоханнес Хан, 4 марта 2015 г. начали цикл консультаций о будущем «Восточного партнерства», о том, в каком направлении следует двигаться.

По словам Могерини, в числе основных вызовов, которые стоят перед Брюсселем: экономические проблемы, миграция и угрозы безопасности. Безусловно, благополучие всех в настоящем и будущем тесно взаимосвязано с происходящим во всем регионе. Посредством выстраивания взаимовыгодных отношений между ЕС и странами-партнерами, основанных на взаимном уважении и доверии, ЕС будет способствовать тому, чтобы во всех странах жилось лучше и безопаснее.

Саммит «Восточного партнерства» в Риге (май 2015 г.) стал определяющим для ряда стран в вопросе дальнейшего сотрудничества с Брюсселем, а также судьбоносным для Молдовы, Украины и Грузии. Декларация саммита «Восточного партнерства» в очередной раз подтвердила суверенное право каждого партнера на выбор уровня амбиций и целей, к которым он стремится в отношениях с ЕС, но, в очередной раз, также было подчеркнуто, что дальнейшее развитие сотрудничества не дает надежды на перспективу евроинтеграции.

Все эти перечисленные и другие проблемы заставляют ЕС искать более гибкие подходы к сотрудничеству со странами-партнерами и с Россией. ЕС уверен, что сложившийся кризис не является окончательной остановкой программы «Восточного партнерства». Необходимо признать влияние геополитического фактора на европейскую политику соседства, учесть противоречия, возникшие между Евросоюзом и Россией, которые влияют на отношения в регионе. Позиция России в последние несколько лет к программе стала еще более негативной. Российские политики исходят из того, что программа «Вос-

точное партнерство» изначально является конфронтационной стратегией, направленной против России. С учетом такого восприятия политики «Восточного партнерства» Европейскому Союзу стоит проанализировать, допустимо ли строить Единую Европу в условиях диаметрально противоположных взглядов и позиций стран-партнеров и негативного отношения России. Политические дискурсы глав стран ЕС, в частности Германии и Франции, свидетельствуют, что безопасность в Европе возможна только во взаимодействии всех партнеров, в том числе, и России. В таком контексте новое содержательное наполнение программы «Восточное партнерство» будет определять перспективу «Восточного партнерства» и дальнейшее развитие отношений в регионе.

Неизменным для новой политики добрососедства остаются европейские ценности: приверженность демократии, правам человека и верховенству права. Данные ценности определяют Европейский союз, делает его тем, чем он является.

Несмотря на различные проблемы, вызовы и угрозы, многолетнее сотрудничество с Европейским Союзом в рамках «Восточного партнерства» явилось плодотворным фактором повышения уровня социально-экономического развития большинства стран-партнеров, внедрения демократических принципов. С этой точки зрения Молдова сохраняет лидерство в программе «Восточного партнерства», стремясь путем проведения необходимых реформ, модернизируя экономику и демократизируя общество «построить Европу» у себя дома, но, при этом, не теряя надежду, что после выполнения всех условий сотрудничества получить право на вступление в ЕС.

Библиография

1. Сакович В. А. «Восточное партнерство»: в контексте европейской политики соседства. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. Chișinău, № 1, 2009 г. С. 100-104.

2. Комментарий «ФК-Новости». Россия-ЕС: «Восточное партнерство» по-брюссельски // <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/materials-document.asp?folder=2820&matID=199396/05.12.2008>.

3. Чеботарь С. Республика Молдова в контексте программы ЕС «Восточное партнерство»: результаты и перспективы. Восточное партнерство. Цели – опыт – вызовы. Анализ процесса имплементации в государствах охваченных программой. – Краков, 2013.

4. Цвятков Н. «Восточное партнерство». Между идеальным и реальным в практической политике ЕС и Республики Молдова. Восточное партнерство. Цели – опыт – вызовы. Анализ процесса имплементации в государствах охваченных программой. – Краков, 2013.

5. Соломон К. «Восточное партнерство» и европейская перспектива Республики Молдова. Восточное партнерство. Цели – опыт – вызовы. Анализ процесса имплементации в государствах охваченных программой. – Краков, 2013.

6. Сака В. Национальный интерес Республики Молдова в контексте политических процессов Восточного Партнерства. Восточное партнерство. Цели – опыт – вызовы. Анализ процесса имплементации в государствах охваченных программой. – Краков, 2013.

7. Сакович В. А. Основы глобалистики. Курс лекций. Институт международных отношений Молдовы. Кишинев, 2009.

8. Сакович В.А Введение в глобалистику: учебно-методологическое пособие – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – С. 209-249.

9. Европейская политика добрососедства. Отчет о развитии страны за 2012 г. Республика Молдова. Брюссель, 20 марта 2013 г.// Экономическое обозрение № 20, 22 марта 2012 г.

10. Мнение. Майра Мора. Четыре вопроса и ответа о будущем отношений ЕС с соседями. <http://news.tut.by/politics/441289.html>

ASIGURAREA INTERESELOR NAȚIONALE ÎN CONTEXTUL DEZVOLTĂRII INOVAȚIONALE: RISCURI ȘI PROVOCĂRI

Ghenadie BROVCA, doctor în științe pedagogice, conferențiar
universitar, Universitatea Națională Tehnică din Belarus

Rezumat

Actualmente, procesul implementării inovațiilor și informatizării în toate sferele vieții umane se desfășoară în ritm accelerat și are un caracter ireversibil, universal. Are loc apropierea lumilor asemănătoare. Activitatea economică și inovațională, și activitatea, legată de asigurarea intereselor naționale și securitatea națională, fiind una din bazele civilizației contemporane, se află în relație dialectică și în primul plan al procesului.

Cuvinte-cheie: interese naționale, securitatea națională, dezvoltarea inovațională, informatizarea vieții personale, statul

RISKS AND CHALLENGES CONCERNING NATIONAL INTERESTS IN THE CONTEXT OF INNOVATION DEVELOPMENT

Abstract

Currently, widespread and irreversible process of innovation and informatization of all spheres of human life undergoes the most active pace. There is a growing convergence of analog and digital worlds. Economic and innovation activities and activities related to ensuring national interests and national security, as one of the foundations of modern civilization, are in a dialectical relationship, and at the forefront of this process.

Keywords: *National interests, national security, innovative development, informatization of life of the individual, society and state*

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

В настоящее время процесс повсеместного и необратимого внедрения инноваций и информатизации всех сфер человеческой жизни идет самыми активными темпами. Происходит все большее сближение аналогового и цифрового миров. Экономическая и инновационная деятельность и деятельность, связанная с обеспечением национальных интересов и национальной безопасности, являясь одной из основ современной цивилизации, находится в диалектической связи и в авангарде данного процесса.

Ключевые слова: *Национальные интересы, национальная безопасность, инновационное развитие, информатизация жизни индивида, общества, государства*

Введение. Великий фантаст XX века Станислав Лем, заглядывая в будущее в начале 60-х годов, писал: «Наука родила технологию, а технология – цивилизацию, а цивилизация – массовую культуру. И хотя немногим в полученных результатах можно похвастаться, но единственным лекарем будущего может быть или наука, или никто. Кибернетический ключ способен охватить любую разнородность, какой бы она не была; поэтому кибернетика может принести многочисленное решение самых различных проблем, и только в этом смысле можно говорить о единственном ключе. Да единственным, потому что нет никаких других». Развитие науки, в том числе кибернетики, информационных технологий и на их базе внедрение инноваций во всех сферах человеческой деятельности становится главным драйвером развития самой цивилизации. Безусловно, все, что может представлять угрозу науке и внедрению информационных и инновационных технологий и т.п. в рамках общества, государства, межгосударственного объединения может быть отнесено к угрозам экономической или национальной безопасности. Так

как отставание в развитии или его невозможность могут привести к утрате суверенитета или его части, нанесению значительного ущерба национальным интересам, стагнации и разрушению экономики.

Одновременно с вызовами и угрозами инновационному развитию (например «утечка мозгов», низкий уровень образования, финансовый кризис и т.д.) появляются риски и угрозы, которые порождены уже самими, например информационными технологиями. Использование достижений и открытий науки и технологий в целях нанесения ущерба экономике государства или региона, или получения конкурентных преимуществ, или завладения чужой собственностью, в т.ч. интеллектуальной. То есть нам надо рассматривать дуальность данной проблемы. Изучать как процессы появления и существования рисков и угроз инновационному развитию экономики, общества и государства, так и процессы возникающие в результате инновационного развития, которые будут представлять вызовы и угрозы всем сферам национальной безопасности: военной (гибридные войны), экономической (потеря конкурентоспособности), социально-гуманитарной (дестабилизация общества через социальные сети), демографической (ГМО продукты), экологической и другим.

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты. В настоящее время человеческое общество проходит переходный этап на пути становлению нового типа экономики, для обозначения которого используются различные термины, в том числе: экономика знаний, инновационная экономика, интеллектуальная экономика. Существуют различные подходы к определению инновационной экономики, однако в общем виде оно может быть сформулировано, как тип экономики, основанной на потоке инноваций, на постоянном технологическом совершенствовании, на производстве и экспорте высокотехнологичной продукции с очень высокой добавочной стоимостью и самих технологий. Безусловно, для разных государств мирового сообщества особенности перехода к инновационной экономике не являются одинаковыми, будучи обусловлены индивидуальными особенностями экономического, политического, географического, культурного характера и т.д. В то же время, можно признать общими чертами внедряемых инноваций их революционный характер, а также амбивалентность последствий на все сферы общественного устройства. Являясь драйверами экономического роста и развития, данные факторы одновременно выступают и факторами нарушения устойчивости сложившейся системы, заключая в себе определенные угрозы. Изучение и соотношение

безусловных выгод от внедрения инновационной экономической модели с рисками и вызовами, которые подразумевает данный процесс, представляется чрезвычайно актуальным в настоящий момент, пока фактическое становление интеллектуальной экономики в значительной степени еще только готовится выйти за рамки теории и отрицательный эффект «вторых» пока не превышает полезного эффекта «первых».

В зависимости от области возникновения можно выделить экономические, социальные, психологические, информационные и иные риски инновационного развития. Остановимся на отдельных из них.

Быстрый подъем постиндустриальной экономики и постиндустриального общества порождает негативные социокультурные тенденции, что позволяет выделить социальные риски.

Информационное преимущество является важной социальной силой, способствующей перераспределению экономических, социальных и политических (властных) ресурсов. Вместе с тем информационное неравенство ведет и к социальному неравенству. В современной экономике оно проявляется в таких негативных явлениях, как социальная разобщенность, социальный разрыв, прогрессирующая пространственная сегрегация на основе территориального отделения имущих слоев. Существование в виртуальном пространстве только усиливает реальную изоляцию. Возникает противоречие между виртуальным «пространством потоков» для избранных и реальным пространством жизни для остальных, которое Кастельс обозначил как «глобальный цифровой разрыв», грозящий миру катастрофическими последствиями. Речь идет о так называемой «цифровой бездне», которая разделяет общество на две части: тех, кто имеет возможность пользоваться высокими технологиями (ИТ, Интернет, телекоммуникации и др.), и тех, кому они по разным причинам недоступны. Проблема заключается в том, что скорость такого расслоения общества растет уже чуть ли не экспоненциально. Появившийся недавно новый термин «нетократия» означает власть внутрисоциальной сети. В современном обществе также доминируют властные иерархии. Но организованы они иначе – не на основе личностей, компаний или организаций, а на основе членства в тех или иных сетях. На нижнем уровне этой пирамиды располагается консьюмтариат, заключенный в сеть неограниченного потребления, членом которой может стать любой желающий. Над этой массивной базальной сетью постоянно возникают и обновляются сети меньших размеров, конкурирующие между собой. Они функционируют согласно

капиталистическим принципам. На вершине иерархии те, кто обладает возможностями привлекать внимание, другими словами, те, кто обладает знанием и сетью полезных связей, которые могут быть полезны для данной конкретной сети. Именно здесь, на верху иерархии, находится правящий класс нетократов. Изучение процессов широкого внедрения информационных технологий подтверждает, что психология пользователей способна существенно изменяться за относительно короткое время в соответствии с направлениями деятельности в сети, особенно молодого поколения.

В связи с этим необходимо выделить также психологические риски в современной экономике. Психологические риски связаны прежде всего с так называемым «электронным вторжением» в подсознание, которое можно представить как электронную сетевую несвободу. Именно на этот путь встало человеческое общество на современном этапе своего развития. В новых условиях виртуальной среды у человека возникает проблема самоопределения в процессе коммуникации. В связи с этим выделяются следующие источники идентичности: коммуникация – самоорганизация – самоопределение. Главным в конструировании идентичности оказывается самоопределение человека. Коммуникация в виртуальном социальном пространстве невозможна без «навигатора», человека, ищущего новое, без преобразования его идентичности. Человек сам может быть творцом своего собственного мира, потому что он не наделен идентичностью от природы. Благодаря процессам виртуальной коммуникации человек создает свой собственный управляемый мир. Он как бы «конструирует» себя в зависимости от тех условий, которые сам же и создал. В условиях многопользовательских коммуникационных сред возникает новая форма идентичности, которая определяется как «смешанная». Это идентичность, которая не имеет больше границ, которая становится «ликвидной», «текучей». Стоит подчеркнуть, что «смешанная идентичность» – это одна из форм выражения социальной идентичности, наряду с традиционными. Она непостоянна и зависит от условий коммуникации. Как и всякая другая, смешанная идентичность не могла появиться без объективной основы, но различные элементы этой основы: материальная и духовная культура, социальная организация и т.д. – почти никогда полностью не коррелируют между собой. Что касается национальной идентичности, то существует реальная перспектива того, что благодаря всепроницаемости компьютерной среды и процессам

глобализации, национальная идентичность постепенно, эволюционным путем будет отходить в прошлое. На практике имеют место проявления «виртуализма» – направленности личности на уход от реальных жизненных впечатлений и проблем в виртуальный мир, создаваемый информационными средствами, и «авитализма» – потери глубинных жизнеспасающих установок личности, т.е. слом психологических барьеров личности. По оценкам психологов, только 15 – 20% населения способны критически усваивать информацию, а до 75% людей обладают повышенной внушаемостью. Вследствие этого применение современных средств и способов информационного воздействия на человека обеспечивает управляемость обществом в соответствии с определенными целями. «Рассеянные толпы» у экранов телевизоров и персональных компьютеров управляемы и могут быть потенциально опасны. Подобно тому, как быстрый промышленный рост создал угрозу экологии Земли, а успехи ядерной физики породили опасность ядерной войны, так и информатизация, отличающая постиндустриальную экономику, может стать источником ряда серьезных проблем.

В настоящее время процесс информатизации всех сфер человеческой жизни идет самыми активными темпами. По меткому выражению бельгийского IT-аналитика Роба Ван Краненбурга, происходит все большее сближение аналогового и цифрового миров. Внешнеэкономическая деятельность, являясь одной из основ современной цивилизации, находится в авангарде данного процесса. Следует отметить, что угрозы информационной безопасности носят динамический характер, обусловленный динамичностью и переменчивостью самого процесса информатизации. В течение последних лет рядом специалистов в сфере обеспечения информационной безопасности выделяется тенденция к оснащению самых различных электронных устройств модулями выхода в интернет и последующему объединению их в сети высокого уровня. Жизнь современного общества становится все более автоматизирована по мере того, как появляется все больше готовых «подключенных» устройств и способов их взаимодействия. Автоматический учет, самодиагностика бытовых приборов, продвинутая логистика, рост эффективности ввиду улучшенной телеметрии и т.д. – это лишь небольшая часть возможностей, открывающихся перед человеком в мире налаженного т.н. «интернета вещей». Интернет вещей (англ. Internet of Things) — это концепция всеобщей вычислительной сети физических объектов («вещей»), оснащённых встроенными техно-

логиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой. Организация таких сетей - явление, способное коренным образом перестроить экономические и общественные процессы в человеческом обществе.

Термин “интернет вещей” был введен в 1999 г. основателем исследовательской группы Auto-ID при Массачусетском технологическом институте Кевином Эштоном. Однако особую актуальность исследования данного явления и его возможного влияния на привычный уклад жизни приобрели в последние несколько лет по мере удешевления и распространения ряда устройств “интернета вещей”. Согласно последним эмпирическим данным констатируется устойчивая тенденция: устройства “интернета вещей” активно проникают во все корпоративные сети. Во многих офисах имеются сетевые принтеры, «умные» телевизоры, сетевые накопители данных, подключенные к сети камеры, планшеты, используемые для управления светом и температурой или производственным процессом, не говоря уже о тех устройствах, которые приносят с собой сотрудники. «Умные» здания и офисы все чаще оборудуются «умными» и подключенными к интернету устройствами учета электроэнергии, освещения, кондиционирования и очистки воздуха. По данным исследования компании Gartner, 4,9 млрд устройств будет подключено к интернету уже в 2015 г., а к 2020 г. этот показатель увеличится более, чем в 5 раз, и составит 25 млрд подключенных единиц «умной» техники.

Интернет вещей обещает организациям повышение эффективности и совершенствование принятия решений, однако вместе с тем несет и новые риски. Одним из уязвимых мест организации может стать недавно установленное в производственной среде устройство с подключением к интернету, вероятнее всего, программируемый логический контроллер или аналогичное подключаемое устройство. Хотя в заголовках прессы часто сообщается о взломах холодильников, домашних термостатов и автомобилей, вероятность крупных кампаний, нацеленных на взлом через подключенные к сети предметы бытовой техники, остается в эпоху “интернета вещей” минимальной. Обычно такие “умные” устройства недостаточно сложны и использовать их для создания жизнеспособной атаки довольно трудно, учитывая текущий уровень развития технологий. Конечно, есть риск, что киберпреступники смогут успешно растопить масло или испортить молоко в вашем холодильнике, но все же такие атаки против бытовой техники не несут много выгоды. Злоумышленники берут курс на совершенно

другие области. Согласно «Прогнозу угроз безопасности на 2015 год», опубликованному компанией Websense Security Labs, «интернет вещей» сильно изменит обстановку угроз иными способами, при этом основную опасность будет представлять именно коммерческое применение «Интернета вещей». Каждое подключенное к Интернету устройство значительно увеличивает число углов атаки в бизнесе.

Буквально любое устройство, подключаемое к сети, может стать «точкой входа» для атакующей стороны или даже невидимым «опорным пунктом» для киберпреступника. Будучи взломанным, устройство позволит злоумышленнику при необходимости систематически проникать в корпоративную сеть. К примеру, сотрудник отдела замечает подозрительную активность в сети, предполагая ее взлом. Принимаются все меры, чтобы восстановить нормальную работу, создаются резервные копии данных, переустанавливаются устройства, предпринимаются меры защиты от вредоносного кода, устанавливаются все обновления. Однако через неделю сеть оказывается взломана снова, а данные высокого уровня секретности – похищены. Как это возможно? Вполне вероятно, киберпреступник заразил сетевую накопитель, который с тех пор был использован в качестве «черного хода». При этом вредоносный код, которым заражено устройство, не детектируется, так как антивирусная защита для подобных устройств не реализована. Удалить вредоносный код также невозможно, поскольку нет разрешения на доступ к файловой системе устройства. Проблему не решит даже возврат устройства к заводским настройкам. С другой стороны, злоумышленник мог получить доступ к корпоративной сети через подключенный к ней «умный» телевизор (Smart TV): который подключен к той же самой сети, причем никаких ограничений на его сетевые взаимодействия не предусмотрено.

В полной мере масштаб возникающей проблемы еще только начинает осознаваться. С 2009 года при поддержке Еврокомиссии в Брюсселе ежегодно проводится конференция «Internet of Things», на которой представляют доклады правительственные чиновники европейских стран, руководители таких компаний как SAP, SAS Institute, Telefónica, ведущие учёные крупных университетов и исследовательских лабораторий. В последние годы значительное внимание уделяется проблемам, которые несет в себе данный концепт как для корпоративной безопасности отдельных организаций, так и, что более важно, государственных структур. В отчете Национального разведывательного

совета США от 2011 года Интернет вещей указывается как одна из потенциально опасных технологий относительно ближайшего будущего. В качестве угроз называется опасность терроризма, проблемы обеспечения приватности и защиты различных секретов.

Таким образом, с учетом степени информатизации государственной деятельности и планов ее дальнейшего наращивания, представляется чрезвычайно важным принятие упредительных мер по обеспечению информационной безопасности в условиях устанавливающегося “интернета вещей”. Безусловно, в числе приоритетов должна присутствовать информационная безопасность таможенных органов. Очевидно, потенциальный ущерб частной компании от нарушения работы корпоративной сети и потенциальный ущерб интересам государства от выведения из строя, к примеру, национальной автоматизированной системы электронного декларирования, не являются соизмеримыми величинами. В то же время обмен информацией и в первом и во втором случае аналогичным образом происходит в сети интернет, что порождает для одинаковые степени угрозы.

В настоящее время исследователями констатируется, что выработка действенных шагов по защите корпоративных сетей в условиях “интернета вещей” – дело обозримого будущего. Стоит признать, что развитие устройств “интернета вещей” существенно опережает создание адекватных систем защиты соответствующих устройств. Штаты крупных корпораций пополняются новой категорией специалистов – CISO, руководителями отдела информационной безопасности (Chief Information Security Officer). В данный момент разрабатываются принципиально новые стандарты безопасности, включающие в себя обязательное шифрование кода и запрет на управление некоторыми функциями удаленно или без аутентификации, совершенствование управления идентификацией и доступом. Это включает в себя отслеживание пользовательской информации, такой как местоположение, поведенческие модели и т.д., и использование ее для проверки подлинности личности пользователя, и тем самым снижения риска неаутентифицированного использования.

В связи с этим целесообразно выделить информационные риски сетевой экономики. Высочайшая степень автоматизации, к которой стремится сетевое общество, ставит его в зависимость от степени безопасности используемых им информационных технологий, от которых, в свою очередь, зависит благополучие и даже жизнь множества людей.

В связи с массовой компьютеризацией информационных процессов, увеличением ценности и значимости информационных ресурсов в развитии экономики особую остроту приобретает проблема надежной защиты информации, циркулирующей в критически важных информационных системах, т.е. предупреждение ее искажения и уничтожения, несанкционированной модификации, незаконного получения и использования. Так, каждые 20 секунд в США совершается преступление с использованием программных средств, при этом более чем в 80% компьютерных преступлений «взломщики» проникают в атакуемую систему через глобальную сеть Интернет.

Интенсивное развитие информационных процессов не могло не вызвать роста противоправных действий. К ошибкам компьютеров добавилась компьютерная преступность, грозящая перерасти в проблему, экономические, экологические, политические и военные последствия которой могут стать катастрофическими. Преступные группы и сообщества начинают активно использовать в своей деятельности новейшие достижения науки и техники. Уязвимость информации растет. При этом особую опасность представляет информационный терроризм с использованием глобальных компьютерных сетей, предотвращение которого затруднительно, а ликвидация последствий – чрезвычайно дорога.

Как уже отмечалось, применение современных средств и способов массовой информации обеспечивает управляемость обществом. Говоря о проблеме «новой колонизации», русский философ А. Зиновьев среди исторических видов колонизации выделял захват с принудительным преобразованием по своему образцу. Этот вид колонизации отвечает современному этапу развития человечества. Имеется в виду захват не военный, а идеологический: внесение в структуру жизненных ценностей колонизируемой страны несвойственных идеалов и устремлений, т.е. ведение информационной войны. Результатом этого процесса, по словам А. Зиновьева – «западнизации», является то, что в «колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии. Колониальная демократия – нечто искусственное, навязанное стране извне и вопреки сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Сохраняется видимость суверенитета. Создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков или в форме совместных предприятий. Внешние атрибуты западной демократии используются как средство совсем не демократического режима, а как средство манипуляции массами».

Сегодня список информационно колонизируемых стран не исчер-

пывається перечнем так называемых стран третьего мира, среди них и средние и малые государства Европы, поскольку единое информационное пространство требует унификации информационных и телекоммуникационных технологий всех стран – субъектов сетевого пространства, а необходимая сегодня степень информатизации может быть достигнута лишь в обществе с высоким научно-техническим и промышленным потенциалами и достаточным культурно-образовательным уровнем населения. Это дает возможность мощным постиндустриальным державам, таким как США и Япония, усилить свое экономическое, политическое и военное превосходство за счет лидерства в информатизации, осуществлять глобальный информационный контроль над мировым сообществом и фактически навязывать свои нормы и правила. Информационно-культурная и информационно-идеологическая экспансия лидеров наиболее развитых и крупнейших государств мира, осуществляемая по мировым телекоммуникационным сетям, вызывает тревогу в разных странах планеты. Перспектива зависимости и возможность утраты самостоятельности беспокоят как лидеров государств в Европе, Азии и Америки, так и общественные институты и граждан. Многие страны уже принимают меры для защиты своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния.

Библиография

1. <http://old.creativeconomy.ru/articles/3159/>
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%89%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0>
3. Коблова Ю.А. Крушение иерархий и феномен «сетевой экономики» // Вестник СГСЭУ. 2012. № 3
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0
6. <http://www.welt.de/politik/ausland/article131296429/Die-Nato-muss-auf-gruene-Maennchen-vorbereitet-sein.html>
7. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Stuxnet>
8. <http://www.globalpost.com/dispatch/news/thomson-reuters/130320/south-korea-police-investigating-server-outages-at-major-tv-net>
9. <http://www.smh.com.au/world/french-broadcaster-tv5monde-restarts-after-cyber-attack-by-islamic-state-hackers-20150409-1mhxnd.html>

REFLECTAREA CONFERINȚEI DE LA YALTA ÎN ISTORIOGRAFIA ROMÂNĂ: VIZIUNEA REALISTĂ ȘI CEA MITOLOGICĂ

Sergiu NAZARIA, doctor habilitat în științe politice, profesor
universitar, IRIM

Mihai SPRÎNCEANĂ, doctor în istorie, conferențiar universitar, IRIM

Rezumat

În acest articol autorii au încercat să prezinte opiniile istoricilor români în problema Conferinței de la Yalta, expuse în a doua jumătate a sec. al XX-lea – începutul sec. al XXI-lea. În istoriografia română postbelică de până la căderea dictaturii lui Ceaușescu conferința dată este prezentată în ansamblu pozitiv, în calitate de eveniment care a stabilit temelia ordinii internaționale contemporane. La intersecția secolelor XX-XXI, în istoriografia română domină o atitudine negativă față de hotărârile Yaltei și este demonstrată teza că ele au generat satelizarea și comunizarea Europei de Est de către Uniunea Sovietică.

Cuvinte-cheie: Conferința de la Yalta, istoriografia românească, istoricii români

ESTIMATES OF THE YALTA CONFERENCE IN THE ARMENIAN HISTORIOGRAPHY: A REALISTIC VISION AND MYTHS

Abstract

In this article the authors attempted to present Romanian historians' views on the issue of Yalta Conference, exposed in the second half of the XX century - beginning of the XXI century. In Romanian historiography of postwar until the fall of the Ceausescu dictatorship, the given conference is shown generally in a positive way, as the event that set the foundation of contemporary international order. At the intersection of XX-XXI centuries in Romanian historiography a negative attitude towards the Yalta decisions dominates and the thesis that they have generated satellite process and communization of Eastern Europe by the Soviet Union is demonstrated.

Keywords: Yalta Conference, Romanian historians, Romanian historiography

ОЦЕНКИ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РУМЫНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ И МИФЫ

Аннотация

В данной статье предпринята попытка представить мнения румынских историков по Ялтинской конференции. В современной румынской историографии господствует отрицательное отношение к решениям Ялты и доказывается тезис о том, что они привели сателлизации и коммунизации Восточной Европы Советским Союзом.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, румынская историография, румынские историки

Введение. В данной статье авторы предприняли попытку представить мнения румынских историков по Ялтинской конференции, высказанные во 2-й половине XX-го – начале XXI веков. В послевоенной румынской историографии до падения диктатуры Чаушеску данная конференция представлена в целом положительно, как заложившая устои современного миропорядка. На рубеже XX-XXI веков в румынской историографии господствует отрицательное отношение к решениям Ялты и доказывается тезис о том, что они привели сателлизации и коммунизации Восточной Европы Советским Союзом.

Новизна статьи состоит в том, что для достижения цели и задач широко используется румынистская литература, а также раскрываются концепции румынской историографии.

Методология исследования. В статье на основе сравнительного анализа удалось обобщить оценки румынистской историографии значения Крымской конференции.

Результаты исследования. В румынской исторической литературе почти нет отдельных работ, посвящённых Ялтинской конференции. Единственным исключением является книга бывшего диссидента Николая Бачу, вышедшая в годы «холодной войны» на Западе на французском языке и только в 1996 г. изданная в Бухаресте. Само название – «Ялта и распятие Румынии» – изначально раскрывает и её концептуальную сущность. Автор утверждает, что «Ялта была более чем пресуппозитом, это было ошибкой» [1, p.178].

Естественно, данная тема присутствует в ряде общих работ, посвящённых истории международных отношений, и в некоторых работах румынских историков по теме участия Румынии во Второй мировой войне (ВМВ). После падения режима Чаушеску, эта проблематика в основном присутствует в контексте последствий ялтинских решений для стран Восточной Европы, в целом, и Румынии, в частности. С некоторыми исключениями, с учётом «местной специфики», в современной румынской историографии в той или иной вариациях воспроизводятся и тиражируются западные мифы о Крымской конференции в духе *a la Beevor*[2].

Однако, для лучшего понимания русскоговорящим читателем румынских интерпретаций анализируемой проблемы, следует несколько отойти от неё и кратко показать, как раскрываются в последние четверть века другие две более общие темы: 1) румыно-российские отношения на протяжении всей их истории и роль России/СССР в судьбе Румынии; 2) участие Румынии в антисоветской войне 1941-1944 гг. И лишь после этого станут абсолютно «логичными» и оценки произошедшего в феврале 1945 г. в Ялте, а также последствия, принятых «Большой тройкой» решений.

В этом контексте, следует обратить внимание на свойственную многим румынским историкам националистической ориентации иррациональную совето/русофобию, факту, подмеченному и некоторыми румынскими исследователями [3, р.447]. Например, ведущий румынский специалист по румыно-российским отношениям И.М. Опря утверждает, что Россия извечно являлась самым безжалостным врагом «румынского рода». Любое событие из истории двух народов интерпретируется им как враждебное действие русских в отношении румын: «Соседство этой империи было для румынского народа синонимом настоящего террора истории» [4, р.5]. В качестве извечно экспансионистской державы Россия представлена и на страницах других работ [5; 6; 7, р.31-47; 8; 9, р.5-8]. Так, Е. Денизе уверен, что «Россия постоянно представляла угрозу для румын..., непрерывно стремясь к их ограблению, захвату их земель, их насильственной денационализации» [10, р.49].

«В рамках общей картины этих империалистических целей, подчинение румынских стран являлось постоянной заботой царей России... Гонимые ненасытным стремлением к расширению границ своей империи, русские... дошли в 1709 г. до Днестра» [4, р.6, 7, 29-30, 152]. Кроме того, считает И. Опря, цели русских всегда вступали в противоречие с жизненными интересами румынского народа [4, р.29-30; 11, р.12, 293].

Ещё хуже его отношение к СССР: «Советская империя постепенно

закабалила на своих пространствах нерусские народы, поставила их на службу России, стремясь к их денационализации и в конечном итоге к их полному поглощению» [4, p.152]. А Ем. Болд уверен, что без постоянного сопротивления румынских правительств «русскому экспансионизму» «страна давно была бы превращена в российскую губернию» [1, p.10, 11-12, 77].

В том же духе в румынской историографии интерпретируется в целом и ВМВ [12, с.203, 228]. События июня 1940 г. трактуются исключительно отрицательно. Советский Союз представлен как агрессивная, экспансионистская держава, захватившая «исконно румынскую провинцию Бессарабию». Начиная с 1990 г. в Румынии вышли сотни работ, призванные оправдать её участие в войне на стороне Гитлера и политику И. Антонеску. В соответствии с данной концепцией у Румынии «не оставалось иной альтернативы, ведь она оказалась зажатой между двух тоталитарных монстров», а маршал Антонеску стал «спасителем Румынии», «защитником национальных интересов», «мучеником-героем» и «маршалом освободителем от рабства» [13; 14; 15; 16, p.189-240; 17, p.32-36; 18, p.79; 19, p.142].

А после 22 июня 1941 г. началось «освобождение порабощённых румынских территорий» [20, p.148; 21; 22, p.47-48; 23, p.38-40; 24, p.61-64; 25, p.16-23; 26, p.12; 27, p.47]. Период «борьбы с большевизмом» (1941-1944 гг.) назван «священной войной» [28, p.53, 54; 29; 30, p.47]. События 23 августа 1944 г. и заключённое в Москве перемирие с Объединёнными Нациями трактуется рядом историков преимущественно как «предательство» и «измена национальным интересам» [31, p.35-40; 32, p.31-38; 33, p.27-42; 34, p.12-17; 35, p.51-64]. Однако в отношении Бессарабии и Северной Буковины, 1944 г. интерпретируется исключительно как «вторая советская оккупация». В этом смысле, некоторыми историками и Парижский мирный договор 1946-1947 гг. оценивается «как незаконный» и «освятивший территориальный грабёж», осуществлённый в результате «пакта Молотова-Риббентропа» [19, p.240; 36, p.119; 37, p.106; 38, p.343; 39, p.20-26].

И ещё: в румынской исторической науке из работы в работу кочует ещё с чаушистских времён абсолютно бездоказательный тезис, что переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции сократил сроки войны минимум на 6 месяцев. А из этого делается вывод о том, что данный факт объективно спас Германию от атомных бомбардировок [40; 41, p.71-72].

Хронологически, работы румынских историков по теме Ялтинской конференции следует разделить на два периода – до и после свержения Н. Чаушеску. До декабря 1989 г. подготовка, ход и решения конференции освещались в румынской историографии нейтрально-положительно. Примером этому служат работы Леониды Логин [42; 43]. Автор пишет, что «конференция имела выдающиеся значение для доведения войны до победы над нацистской Германией и милитаристской Японией», а также в деле организации послевоенного мироустройства. Её оценки значения конференции исключительно положительные [43, р.441, 442-443].

В целом придерживается данной концепции по «Ялте» и один из крупнейших историков по проблеме участия Румынии во ВМВ Константин Кирицеску, получивший широкую известность ещё в межвоенное время. В своей монографии он посвятил отдельную главу Ялтинской конференции [44, р.328-332] и её влиянию на Румынию. Данный историк уверен, что «конференция имела особое значение» в деле окончательного разгрома врага и в установлении нового миропорядка [44, р.328]. При этом он придерживается мнения, что в действительности имел место раздел Европы на сферы влияния: советскую и западную [44, р.331-332].

Что касается после декабрьских 1989 г. интерпретаций Крымской конференции, то в них господствует тезис, что Ялта ничего не предоставила Румынии, став лишь этапом на пути передела мира. Румыния и другие государства были отданы Черчиллем и Рузвельтом на произвол Москве [1, р.185-189; 45, р.494-496, 501-502; 46, р.21]. «За исключением вопроса о Польше и Югославии в Ялте не обсуждались вопросы Восточной Европы... Проблема Румынии не подверглась ни обсуждению, ни решению. Её судьба была заранее решена» [1, р.178], утверждает Н. Бачу. Он считает, что «решение [Рузвельта] отдать Европу в руки русским было принято ещё в 1943 г.» [1, р.35-39, 167].

Когда описываются переговоры «Большой тройки» и принятые на конференции решения, имеет место своеобразная помесь реально произошедшего с выдуманным. Нам не встретилась ни одна румынская работа, в которой делались бы ссылки на опубликованные документы или хотя бы на воспоминания участников.

Так, например, Л. Мирон утверждает, что «Сталин выжидал благоприятного момента» для открытия конференции, «затягивая время встречи до того, пока военные успехи его армии на Восточном фронте не предоставили ему силовое превосходство над англо-американцами». Он также «проявил отсутствие вежливости» не встретив лично

Рузвельта, для которого «это явилось неприятной неожиданностью» [46, р.17]. Аналогичного мнения придерживается и Н. Бачу, утверждая, что это «было преднамеренным унижением Америки» [1, р.178].

В этом смысле отмечается, что каждая из трёх великих держав преследовала свои цели. Великобритания стремилась сохранить свою колониальную империю, Советский Союз желал закрепить свои позиции на уже завоёванных территориях, а Соединённые Штаты презири о справедливом послевоенном мире.

Рузвельт представлен как наивный, плохо подготовленный, тяжело больной, истощённый и даже умирающий человек [1, р.178; 47, р.68]. Его главная цель состояла в том, чтобы обеспечить участие СССР в ООН, что ему и удалось, но ценой предоставления права вето при голосовании в Совете Безопасности его постоянным членам. Это серьёзно ослабило Организацию Объединённых Наций. Другой его целью было подключить СССР к борьбе против Японии.

Вот что о подобных обвинениях пишет один из наиболее серьёзных исследователей американской внешней политики времён ВМВ Р. Шервуд: «Всё больше укреплялось мнение, что Рузвельт пошёл на различные „уступки“ русским в Ялте, и наиболее умеренные критики приписывают это тому, что он был уже смертельно болен. Подробные протоколы конференции... не подтверждают этого мнения. Рузвельт полностью сохранил все свои умственные силы» [48, с.570]. Бывший в то время государственным секретарём Эдвард Стеттиниус после войны также отмечал, что «вопреки этим утверждениям, достигнутые в Ялте соглашения свидетельствуют о том, что Советский Союз сделал больше уступок Соединённым Штатам и Великобритании, чем эти державы – Советскому Союзу» [49, с.358]. Биограф Рузвельта Дж. Бернс пишет, что «русские не запрашивали в Ялте такого, чего их собственная мощь в Азии не позволила бы им получить собственными усилиями» [50, с.504].

Американские историки Е. Снелл, Ф. Погью, Д. Флеминг и др. так же считают подобного рода утверждения полностью абсурдными и ничем не подтвержденными [51, с.152-153]. Французский историк Пьер де Сенарклен отмечает в этом плане: «Черчилль и Рузвельт в ходе конференции не уступили ничего существенного, и Ялтинские соглашения были заключены в целом вполне в соответствии с целями Запада» [52, р.39-40]. Прежде всего, напомним, что данные договорённости не были секретными, за исключением обязательства Советского Союза о вступлении в войну против Японии.

С нашей точки зрения, Рузвельт вёл несравненно более реалистичную политику, чем его преемники. В своём послании конгрессу 6 января 1945 г. он отметил, что по мере приближения победы в войне «мы неизбежно больше осознаём разногласия между победителями». Вместе с тем, как здравомыслящий политик, он признавал, что сотрудничество с СССР соответствует интересам США и поэтому следует не обострять с ним разногласия, а идти на взаимные компромиссы: «США и Советский Союз, – говорил президент, – разделяет идеологическая бездна, но объединяет мост государственных интересов» [53, с.105, 112]. В Ялте президент очень умело и гибко, но одновременно энергично отстаивал интересы своей страны.

Правда, и в румынской исторической науке имеются исключения. Так, К. Попа, на примере американской и российской историографии подробно анализирует различные точки зрения по данному вопросу и отмечает, что по причине «раздела Европы», после войны политические противники Рузвельта и некоторые «ревизионистские» историки необоснованно обвинили его в «секретном сговоре» со Сталиным и «капитуляции» перед ним [54]. Также, отмечает Н. Ликсандру, был решен и вопрос об образовании ООН и её функционировании (в частности, о способе голосования в Совете Безопасности) [55, р.28].

Однако, по большей части тиражируется тезис о том, что Советский Союз согласился присоединиться к ООН лишь с (секретным) условием, что постоянные члены Совбеза получают право вето, получив, таким образом, больше полномочий для контроля над миром. Утверждается также, что «к удивлению Черчилля и Рузвельта Сталин согласился с правом „вето”, при условии приёма в ООН Украины и Белоруссии» [46, р.20].

Рузвельт принял условия Сталина [46, р.20], надеясь, что в будущем, посредством ООН, сумеет ограничить советские претензии. Господствуют утверждения, что Ялта означала предательство, так как нерешительность Америки и Великобритании поощрили расширение советской сферы влияния на Азию, а также по причине того, что Сталин нарушил соглашение, создав советский блок. В этом контексте, в румынской исторической литературе доминирует высказанный Г. Киссинджером тезис, что «Ялта стала символом позора с точки зрения формирования облика послевоенного мира» [56, с.369].

Также нередко утверждается, что большинство населения Востока Европы рассматривало Ялтинскую конференцию как предательство

со стороны Запада [57; 58]. Так как Красная Армия разгромила силы нацистов в большей части Восточной Европы, Сталин достиг того, к чему стремился – важнейшую сферу влияния, превратив её в буферную зону. В этом плане свобода малых наций была принесена в жертву стабильности. Это означало, что Литва, Латвия и Эстония были вынуждены остаться в составе СССР. Так, В. Пали уверен, что «англо-американцы пришли к парадоксальной ситуации, когда выиграв войну на поле боя, проиграли мир Советам» [59, р.544]. В действительности, парадоксальной выглядит позиция автора... Чем же тогда занимались русские в период 1941-1945 гг. и что значили Сталинградская, Курская и другие великие битвы? Или именно они три года затягивали с открытием Второго фронта?

Одним из наиболее известных проводников данной точки зрения являлся Георге Бузату, стоявший на крайне националистическом фланге румынской историографии. В одной из своих работ об участии Румынии во ВМВ он посвятил отдельную главу Ялтинской конференции, назвав её «Румыния в „тени” Ялты» [60, р.257-278]. Автор утверждал, что победители (имея ввиду западные страны) победили фашистские государства, но «упустили возможность выиграть мир» [60, р.257-278].

В другой его работе Крымской конференции также посвящён отдельный параграф: «Ялта и Румыния: мифы и реалии» [45, р.497-502]. Ссылаясь на ряд американских историков, Бузату отмечает, что Ялта означала раздел мира между победителями и представляла собой решающий шаг к «холодной войне». Он был уверен, что мнение о том, что данная конференция являлась благом для мира – это миф [45, р.497].

Первоначально, отмечает автор, румынское общество и правые политические партии с энтузиазмом восприняли «Декларацию об освобождённой Европе». Левые же силы во главе с коммунистами поняли конференцию как сигнал к захвату власти. Однако, в конечном итоге, что касается Румынии, «Ялта способствовала установлению сталинского правительства П. Гроза» и имела тяжелейшие отрицательные последствия [45, р.498, 502].

Иногда румынские историки позволяют себе совершенно непонятные вещи. Так Виорика Мойсук пишет, что «восточные границы Польши были нарезаны в результате секретного советско-американского соглашения, заключённого в Ялте: в обмен на участие в войне против Японии, в качестве компенсации, СССР получал границу 1904 г., юг острова Сахалин и Курильский архипелаг, брал в аренду Порт-Артур и Маньчжурскую ж/д». «„Декларация об освобож-

дённой Европе” предусматривала „свободные выборы”, однако эта идея вступала в противоречие с принципом раздела сфер влияния и господства между великими, по той простой причине, что в „советской зоне” не ставился вопрос свободных выборов и соблюдения воли избирателей» [61, p.288].

Л. Мирон также уверен в том, что территория Польши была в Ялте разрублена [46, p.19]. И даже больше: оказывается, что «в обмен лишь на простое обещание вступления в войну против Японии, Рузвельт отблагодарил Сталина возможностью господства на Азиатском континенте (будто бы гегемонии в Европе ему было мало)». «Невероятно, но Рузвельт подарил Красному Зверю южную половину острова Сахалин, Курилы, порты Дайрен и Порт-Артур, всю ж/д сеть Маньчжурии... Триумф Сталина достиг апогея». И далее автор выражает недоумение столь серьёзными уступками, которые невозможно ничем оправдать, так как Япония находилась на пороге капитуляции [46, p.20].

А Корнелий Влад убеждает читателя, что на конференции Сталин «обещал Рузвельту, что после войны обеспечит свободу религии, частной собственности и большую демократию в СССР, которому вернёт имя: Россия. Опьянённый этими невиданными обещаниями, Рузвельт позволил Сталину установить послевоенные границы Польши и восстановить контроль над прибалтийскими странами». Далее можно прочесть о совсем удивительном: В составе американской делегации в Крыму находился советский агент Alger Hiss и, хотя ФДР знал об этом, ничего не предпринял. Более того, оказывается «НКВД считало Г. Гопкинса чем-то вроде своего добровольного агента» [47, p.67, 68].

Все эти мифологические конструкции, можно завершить некоторыми утверждениями Л. Мирона. Он не сомневается, что хотя раздел Европейского континента произошёл ранее, но «создание этих пространств, а также территориальные уступки, сделанные в пользу СССР, были узаконены ялтинскими секретными соглашениями. Более того, эти два видных представителя западной демократии „узаконили” советские аннексии 1939-1940 гг., строго соблюдая даже русско-нацистские протоколы!.. Ялтинскими соглашениями Черчилль и Рузвельт широко открыли большевизму путь в Центральную и Восточную Европу, способствовав этим не только ликвидации свободы, но и грубейшей советизации целых народов... Секретные соглашения от 11 февраля 1945 г. легли в основу раскола Германии и раскололи Европу и мир на Восток – Запад» [46, p.21].

Вот что ответил в полемике со своими западными коллегами на подобные утверждения крупнейший английский историк международных отношений XX в. А. Дж. П. Тейлор: «Впоследствии Ялтинская конференция характеризовалась отрицательно. Сталин якобы обманул западные державы. Но вернее было бы сказать, что они сами себя обманули. Они воображали, что Советская Россия разгромит Германию для них, а затем отступит в пределы собственных границ – на худой конец тех, какие существовали в 1941, а не в 1939 г. Но у СССР были другие намерения. Когда рухнула власть немцев в Восточной Европе, в образовавшийся вакуум двинулась советская власть – это было неизбежным следствием победы. В политическом отношении русские во многом вели себя в Восточной Европе так же, как американцы и англичане на западе: сами заключали перемирие со странами-сателлитами, как поступили в Италии англичане и американцы. Они отстраняли от власти антикоммунистов, но англичане и американцы такие же меры принимали в Италии и Франции против коммунистов» [62].

С этих же позиций оценивают Крымскую конференцию и некоторые румынские историки. Так, академик Фл. Константиу считал идею о разделе Европы на сферы влияния на Ялтинской конференции мифом [63, Nr.9, p.2]. Д. Замфиреску замечает по этому поводу: «Прочтение документов заставляет нас с обыкновенной интеллектуальной порядочностью утверждать, что в Ялте не произошло никакого раздела мира или даже Европы». Автор приписывает распространение мифа о разделе мира в Ялте частично французской доктрине и в ещё большей степени – официальной советской, а впоследствии, российской [52, p.37].

Если в сущности можно согласиться с Замфиреску, то его утверждение по поводу советской/российской доктрины элементарно не соответствует действительности, так как в СССР/России и официальные власти, и большинство исследователей именно то и делали, что опровергали тезис о «разделе мира». Указанный автор, в подтверждение своего тезиса, приводит мнения ряда французских специалистов. Так, Жан Елейнштейн пишет, что «Ялта не лежит в основе раздела мира. Она узаконила лишь то, что сила оружия и перипетии войны в действительности уже установили».

Елен Каррер д'Энкосс раскрывает следующие логические аргументы: «Учитывая ход военных действий и ялтинский политический диалог, разве можно всерьёз утверждать, что Запад сдал восток Европы

СССР?». Её идеи поддержаны Пьером де Сенаркленом: «Раздел Европы и мира не вытекает из решений Ялтинской конференции, а из несоблюдения достигнутых на ней договорённостей... Он является следствием идеологических и политических антагонизмов» [52, р.39].

И в виде заключения к данной статье, приведём слова Филиппа Моро Дефоржа, мнение которого разделяет и Д. Замфиреску: «Вопреки специфически французскому мифу о том, будто бы в Ялте делили мир, данное собрание вне сомнений является последним событием, пронизанным духом Великого Союза» [52, р.39].

Библиография

1. Baciu N. Yalta și crucificarea României. – Buc., 1996. – 298 P.
2. Бивор Э. Падение Берлина. 1945. – М., 2004. – 528 С. (<http://militera.lib.ru/research/beeovor2/06.html>).
3. Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. Istoria României. – Buc., 1998. – 618 P.
4. Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. – Buc., 1998. – 368 P.
5. Boldur A. Imperialismul rusesc în Balcani. – Chișinău, 1937. – 32 P.
6. Stan A. Protectoratul Rusiei asupra Principatelor române. 1774-1856. Între dominație absolută și anexiune. – Buc., 1999. – 286 P.
7. Micu G. Basarabia între obiect și subiect al geopoliticii rusești // Destin românesc. 2006. Nr. 3-4. – P. 31-47.
8. Попа И., Попа Л. Румыны, Бессарабия и Приднестровье. – Кишинев, 2010. – 268 С.
9. Gogun A. 1941. URSS ca agresor. Receptarea tezei în Europa de Est // Magazin Istoric. 2011. Nr. 6. – P. 5-8.
10. Denize E. România, Rusia bolșevică și problema Basarabiei (1917-1919) // Destin românesc. 2006. Nr. 3-4. – P. 48-61.
11. Bold Em., Locovei R.O., Ioniță A. Relațiile româno-sovietice (1918-1941). – Iași, 2008. – 378 P.
12. Скурту И., Алмаш Д., Гросу А., Павлеску И., Ионицэ Г.И., Шишкану И., Енчу Н., Кожокару Г.И. История Бессарабии (От истоков до 1998 года). – Кишинэу, 2001. – 358 С.
13. Lupan N. Mareșalul Ion Antonescu, soldat martir. – București, 1991. – 32 P.
14. Magherescu Gh. Adevărul despre Mareșalul Antonescu. În 3 volume. – Buc., 1991. – 496+368+448 P.
15. Rotaru J., Burcin O., Zodian V. Mareșalul Ion Antonescu: am făcut „războiul sfânt” împotriva bolșevismului. Campania anului 1941. – Oradea, 1994. – 204 P.
16. Nistor I.S. României în al doilea război mondial. – Cluj-Napoca, 1996. – 264 P.
17. Buzatu Gh. „Dacă mor, este pentru Bucovina și Basarabia. De ar fi să reîncep, aş face la fel!” // Dosarele istoriei. 2000. Nr. 12. – P. 32-36.

18. Goma P. Săptămâna Roșie (28 iunie – 3 iulie 1940) sau Basarabia și evreii. – Chișinău, 2003. – 140 P.
19. Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. – Buc., 1995. – 250 P.
20. Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. – Iași, 1991. – 388 P.
21. Duțu A., Retegan M. România în război. 1421 zile de încleștare. – Buc., 1992. – 248 P.
22. Duțu A.D. Între Wehrmacht și Armata Roșie // Dosarele istoriei. 1999. Nr. 2. – P. 47-51.
23. Duțu A.D. Între Scilla brună și Charibda roșie (1941-1945) // Dosarele istoriei. 2002. Nr. 5. – P. 38-40.
24. Buzatu Gh. România între dictat și tratat // Dosarele istoriei. 2000. Nr. 6. P. 61-64.
25. Calafeteanu C. România, 1940: urmările unei nedreptăți // Historia. Revistă de istorie. 2008. Nr. 6. – P. 16-23.
26. Țurlea P. Basarabia și nordul Bucovinei sub regim sovietic // Historia. Revistă de istorie. 2009, Nr.9. – P. 8-12.
27. Otu P. Eroii mareșalului Antonescu se întorc acasă // Historia. Revistă de istorie. 2012, Nr.4. – P. 46-49.
28. Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est // Dosarele istoriei, 1999, Nr.7. – P. 53-55.
29. Anton M. Războiul sfânt // Dosarele istoriei. 2001, Nr. 7.
30. Hentea C. Propaganda la Stalingrad // Historia. Revistă de istorie. 2012, Nr.11. – P. 46-49.
31. Buzatu Gh. 23 august 1944: Metamorfozele unei lovituri de stat // Dosarele istoriei. 1999. – P. 35-40.
32. Corneanu C. Un alt 23 august 1944. Cum s-a ajuns la „Stalingradul de pe Dunăre” // Dosarele istoriei. 2004. Nr. 9. – P. 31-38.
33. Oșcă Al. Protagonistii actului de la 23 august 1944. Destăinuirii contemporane // Revista istorică. Academia Română. 2004. Nr. 5-6. – P. 27-42.
34. Scurtu I. Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri // Historia. Revistă de istorie. 2004. Nr. 10. – P. 12-17.
35. Moisuc V. Blestemul lui 23 august 1939. Premisele sale // Historia. Revistă de istorie. 2009, Nr.9. – P. 51-64.
36. Constantin I. Basarabia sub ocupație sovietică de la Stalin la Gorbaciov. – Buc., 1994. – 202 P.
37. Dobrinescu V.-Fl., Tompea D. România la cele două Conferințe de Pace de la Paris (1919-1920, 1946-1947). – Focșani, 1996. – 206 P.
38. Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). – Iași, 1995. – 374 P.
39. Calafeteanu I. România, 1944-1947: de la armistițiu la pace // Historia. Revistă de istorie. 2008. Nr. 5. – P. 20-26.
40. Manafu A. F.D. Roosevelt pregătea bomba atomică pentru scurtarea războiului // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr.10.

41. Constantinescu Ș. Se duc nemții, vin sovieticii // *Historia. Revistă de istorie*, 2005, Nr. 5. – P. 70-78.
42. Loghin L. Al doilea război mondial. Acțiuni militare, politice și diplomatice. Cronologie. – Buc., 1984. – 624 P.
43. Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). – Buc., 1989. – 552 P.
44. Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 2. – Buc., 1996. – 406 P.
45. Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX (1918-1948). – București, 1999. – 596 P.
46. Miron L. Cum l-a târât Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta // *Historia. Revistă de istorie*, 2005, Nr.7.
47. Vlad C. Franklin Roosevelt cade în capcana lui Stalin // *Historia. Revistă de istorie*, 2003, Nr.12. – P. 65-69.
48. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. – М., 1958. – 680 С.
49. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. – М., 1988. – 462 С.
50. Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. – Свердловск, 1990. – 544 С.
51. Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. – М., 1984. – 333 С.
52. Zamfirescu D. Ialta și debutul exilului românesc // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr.11. – P. 37-42.
53. Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. – М., 1978. – 692 С.
54. Popa C. Instaurarea regimurilor comuniste în Europa Centrală și de Sud-Est (1944-1947). Curente în istoriografia americană și rusă // *Revista istorică. Academia Română*, 2000, Nr.3-4.
55. Lixandru N. Cum s-au născut Națiunile Unite // *Historia. Revistă de istorie*, 2005, Nr.7. – P. 28.
56. Киссинджер Г. Дипломатия. – М., 1997. – 848 С.
57. http://ro.wikipedia.org/wiki/Conferin%C8%9Ba_de_la_Ialta.
58. http://ro.wikipedia.org/wiki/Tr%C4%83darea_occidental%C4%83.
59. Pali V. România la Conferința de pace de la Paris // *Revista istorică. Academia Română*. 2008, Nr.5-6. – P. 527-545.
60. Buzatu Gh. România și războiul mondial din 1939-1945. – Iași, 1995. – 476 P.
61. Moisuc V. Istoria relațiilor internaționale până la mijlocul secolului al XX-lea. – Buc., 2007. – 320 P.
62. Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война: Два взгляда. – М., 1995. – 556 С. (militera.lib.ru/h/taylor/index.html).
63. Constantiniu Fl. Acordul de procentaj și Ialta. (O lămurire pentru dl. Gabriel Andreescu) // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 9. – P. 1-3.
64. Zamfirescu D. Ialta și debutul exilului românesc // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr.11. – P. 37-42.

EXPERIENȚA APLICĂRII ANALIZEI RISCURILOR SOCIALE ÎN TEORIA COMUNICĂRII LUI J. HABERMAS ȘI N. LUMAN

Sveatoslav ȘACIN, doctor în filosofie, Universitatea Arctică de Stat din
Murmansk, Federația Rusă

Rezumat

În articol este argumentată ideea despre necesitatea susținerii echilibrului între subsistemele sociale de bază - condiția prioritară a stabilității în societate. Actualmente, are loc denaturarea celor mai importante procese comunicaționale și suntem martorii dezechilibrării totale între subsisteme, ceea ce produce cauza principală a riscurilor. O soluție ar fi schimbarea esenței comunicației (*Verkehr*) și răspîndirea masivă a noilor modele organizaționale, ce corespund tendinței tranziției de la capitalism la un sistem social mai perfect.

Cuvinte-cheie: *subsistemul social, forma de comunicare, echilibru, dezechilibru, riscuri, creatosfera*

THE EXPERIENCE OF SOCIAL RISK ANALYSIS APPLICATION IN J. HABERMAS AND N. LUMAN'S THEORY OF COMMUNICATION

Abstract

The article explains the idea of the need to maintain equal-struck between the major social subsystems as a basic condition for social stability. Currently, there is a violation of fundamental communicative processes and the sharp imbal-

ance between subsystems, which are the main causes of social risks. The solution may be changing the very essence of communication (Verkehr) and the mass distribution of new institutional order; the corresponding trend for the transition from capitalism to a more perfect social order.

Keywords: social subsystems, forms of communication, balance, impaired balance, risks, creatosphere

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ Ю. ХАБЕРМАСА И Н. ЛУМАНА

Аннотация

В статье обосновывается идея о необходимости поддержания равновесия между основными социальными подсистемами как основного условия стабильности в обществе. В настоящее время имеет место нарушение основных коммуникативных процессов и резкое неравновесие между подсистемами, в чём и состоит основная причина рисков. Выходом может быть смена самой сущности коммуникаций (Verkehr) и массовое распространение новых организационных порядков, соответствующих тенденции к переходу от капитализма к более совершенному общественному строю.

Ключевые слова: социальные подсистемы, формы коммуникации, равновесие, нарушение равновесия, риски, креатосфера

«Нет ничего более практичного, чем хорошая теория», – говорят немцы. В социальных науках, чтобы разговор был осмысленным, необходимо не предлагать предварительное определение предмета исследования (всё равно это определение будет неполным и недиалектичным, а также не свободным от поверхностности и пристрастности обыденного здравого смысла), а *найти основание* для такого теоретического понимания, чтобы оно описывало бы *ключевое противоречие*, благодаря которому реальность предстаёт перед нами в состоянии незавершённого становления. Именно это противоречие

реализуется в становлении и рассыпается на множество конфликтов, каждый из которых несёт в себе множество рисков – выхода исследуемого социального объекта из стабильного состояния в состояние хаоса.

Однако то, что стабильно, не представляет большого теоретического и практического интереса, так как стабильным в мире в соответствии с системной теорией может быть только максимум энтропии, т.е. для живого существа это будет – смерть. Остальное же поддерживает в себе определённый порядок, но только в динамике непрерывных изменений – в этом, кстати, и состоит одно из положений системной теории общества Н. Лумана¹. Что же касается людей, то они должны понять не просто законы этих изменений, но и понять смысл социального бытия для самих себя, то есть достигнуть самореализации в нравственных отношениях взаимного признания с другими людьми, чтобы не воспринимать свою жизнь как неудачную – добавил бы Ю. Хабермас.² Луман бы с этим не согласился, так как он подчёркивает, что самосознание субъекта и общественная система – это две разные области бытия, которые взаимодействуют друг с другом не напрямую, а косвенно, причём социальная система разделена на множество автономно функционирующих подсистем, из которых самые важные – экономика, право, политика, образование, искусство, идеология, и каждая из подсистем стремится к максимальной автономии, но достигнуть её она может только в состоянии неравновесия с другими подсистемами.³ Но Хабермас настаивает на том, что мы должны всё-

¹ На русском языке имеются следующие публикации Н. Лумана: Луман Н. Решения в информационном обществе. / Пер. с нем. А.Н. Беляева и Н.А. Головина. // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Под ред А.О. Бороноева. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2000. – С. 23–42; Луман Н. Невероятность коммуникации. / Пер. с нем. А.М. Ложеницына и Н.А. Головина. // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Под ред А.О. Бороноева. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2000. – С. 43–54; Луман Н. Что такое коммуникация? / Пер. с нем. Н.А. Головина. // Проблемы теоретической социологии. Вып. 4. / Под ред А.О. Бороноева. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2003. – С. 24–36.

² Ю. Хабермасом автор занимается с 1993 г., поэтому, чтобы не ссылаться на самого себя, ему остаётся только указать основные работы немецкого мыслителя, в которых он заимствовал излагаемые дальше в данной статье идеи: Habermas, Jürgen (1987). *Theorie des kommunikativen Handelns*. – 4 Aufl. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. – Bd. 2. – S. 265–267; Habermas J. Habermas Jürgen. *Faktizität und Geltung: Beiträge zu einer Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates*. – 4., erw. Aufl. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1994. – S. 155–157.

³ Луман Н. Что такое коммуникация? – С. 33 – 34.

таки усмотреть смысл во всех процессах функционирования этих подсистем, смысл, возвращающий нас к самим себе, к фундаментальным ценностям Просвещения, то есть к росту разумности в социальном мире. И этот разум – *разум коммуникативный* – есть предпосылка согласия между людьми, которые ставят перед собой целью улучшение мира, чтобы стать по-настоящему свободными в отношениях солидарности друг с другом.⁴

Однако в условиях выхода всей социальной системы из положения равновесия людям не представляется возможным увидеть какие-то смыслы; они воспринимают социальное бытие как то, что несёт в себе множество угроз, пока не найдут новые ориентиры. Пока динамика глобальных изменений в социальной системе не пришла к определённом стабильному состоянию, смысл этих изменений найден быть не может. Так как же познавать нестабильное общество, которое не просто несёт в себе множество угроз, а само представляет собой экзистенциальную угрозу для всех людей, в нём живущих?

Спросить так означает спросить, нет ли единого основания всех социальных рисков – с чего мы и начали этот текст. У нас нет времени описывать один за другим разные социальные риски или уделять внимание некоторым наиболее вопиющим социальным реальностям; могут ли они быть сведены к ключевому состоянию, откуда уже возникают конкретные проявления *рисковости* как таковой?

Этим состоянием предлагается считать незавершённость социальной коммуникации вследствие дезинтеграции привычных социальных связей, причём в состоянии нестабильности должны возникнуть новые социальные связи и соответственно – новые социально-коммуникативные формы. Однако рисковость как таковая заключается в том, что этот период нестабильности всегда требует мобилизации максимума сил от социальной системы в целом и от каждого из субъектов в частности, а также потери части этих сил и ресурсов, что воспринимается как страдания в разных формах. Хватит ли у социальной системы в целом и у каждого из субъектов в частности этих ресурсов, чтобы пройти стадию хаоса в течение *того короткого времени, пока не начнутся необратимые изменения деградации*? Или на ней общество

---

⁴ Об этом Хабермас пишет в «критической теории современности» в «Теории коммуникативного действия»: Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. – Bd. 2. – S. 509–593.

в целом и каждый человек в частности задержатся в течение более долгого времени, чтобы *успеть* перейти на качественно иной уровень, более прогрессивный, чем предыдущий, который породил кризисное состояние? Приведёт ли кризис к такому прогрессу, что ключевые конфликты предыдущей формы общественного развития найдут наконец своё разрешение (чтобы породить новые конфликты, но они уже будут иметь качественно новую природу, поэтому будут рассматриваться и разрешаться в другие исторические эпохи), или к настолько необратимому регрессу, что социальная система выпадет из потока исторического времени, стабилизируется на примитивном основании и тем самым перестанет быть субъектом, то есть перестанет управляться сама, а превратится в беспомощное орудие для других социальных систем, уже смирившееся с такой незавидной ролью? И какими при этом будут конкретные люди, её образующие: смогут ли они на базе *новых смыслов*, которые им открываются в ходе их духовного развития, найти *новые интересы* из тех новых социальных сил, что образуются в результате кризиса, то есть может ли произойти *соединение идей и интересов*, которое всегда предшествует прогрессивному эволюционному переходу, как это показал Макс Вебер⁵?

Было бы наивно решить эти вопросы на нескольких страницах текста, достаточно их постановки и описания подступов к их разрешению. И для этого мы делаем следующий шаг в наших рассуждениях: чтобы социальная система была бы в состоянии преодолеть хаос и перейти к более прогрессивному состоянию, она должна полностью изменить характер своей коммуникации. Но что это такое? В немецком языке есть богатейшее по своим значениям слово *Verkehr*, которое обозначает социальные связи в самом широком смысле, причём не статичные, а динамичные: начиная от половых связей, то есть способов продолжения человеческого рода, включая движение товаров, уста-

⁵ См. напр.: Lepsius, M.R. *Interessen und Ideen: Die Zurechnungsproblematik bei Max Weber*. // Lepsius, M.R. *Interessen, Ideen und Institutionen*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2009. – 2. Aufl. – S. 31 – 34: https://books.google.ru/books?id=9BIPqvglf0C&pg=PA31&lpg=PA31&dq=max+Weber+ueber+die+Verbindung+zwischen+Ideen+und+Interessen+und+Institutionen+von+Max+Weber+und+Lepsius+M.R.+2009&hl=ru&sa=X&ved=0hUKEwif59cPRAHBy_KHZICCoYQ6AEQAA#v=onepage&q=ma%20Weber%20Ideen%20Verbindung%20zwischen%20Ideen%20und%20Interessen&file
Также: Хабермас Ю. Теория рационализации М. Вебера (отрывок из «Теории коммуникативного действия»). / Пер. с нем. Т. Тягуновой. Особ с. 53 – 55: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ratsionalizatsii-maksa-vebera>

новление функциональных связей и деловых отношений (т.е. включая сделки), движение транспорта по улице и по мировым торговым путям (на суше, в океане или в воздухе), включая общение во всём его всеобъемлющности, и заканчивая чем-то, что вообще сложно уловить: превратности мировосприятия и миропонимания, как будто бы на подлинную реальность наброшено нечто напоминающее ведическое покрывало Майи, так что люди, вовлечённые в эту *Verkehr*, никогда по-настоящему не понимают бытие, а видят только то, что соответствует их изначальной настроенности на определённые смыслы, определяемые их местом в этом глобальном движении.⁶ Вот именно это-то *Verkehr* и надо понимать в качестве выражения коммуникативных связей в универсальном смысле слова, и никогда не сбрасывать со счетов богатство уровней и содержания социальной коммуникации, чтобы нам не впасть в мелочное описание внешних социальных феноменов. Если общество входит в состояние тотальной нестабильности, то будет происходить именно смена характера всего этого *Verkehr*, и не нужно при этом думать, что мы найдём себе некое место под тентом, где мы сможет отсидеться и переждать грозу: тент унесёт ветром или в него ударит молния, а земля уйдёт из-под ног от землетрясения. То есть когда качественный переход завершится, то изменится всё, начиная от половых связей и заканчивая новыми вариантами разрешения основного вопроса философии (не говоря уж о характере деловых связей и движения товаров). Поэтому давайте поймём, а в каком направлении происходят изменения в этом самом *Verkehr*, чтобы понять, что же со всеми нами будет.

И тут перед нами как раз две методологии исследования коммуникации, разработанные Хабермасом и Луманом. Каждая из методологий будет буквально на одной странице воспроизведена, указано на их различия, а потом пояснено, какие подступы к решению этой проблемы они нам могут предложить. Но сначала отметим, что же в них общего.

Оно заключается в идее о том, что в тот момент, когда изолированные субъекты вступают в коммуникацию друг с другом, они оказываются в особой реальности, которая уже развивается по своей собственной логике, причём она настолько преобразует содержание их самосознания, что они перестают считать себя центром бытия. Это

⁶ Об этом см. в лекции о Марксе Вальтраут Шелике: https://www.youtube.com/watch?v=gmiH-SzZEM8&list=PLeJM38WCNIVoUCB3_qrOMnSkBkfc-jvUJ

означает не то, что им открывается доступ к содержанию самосознания друг друга, а то, что само это содержание самосознания настолько синхронно изменяется, что у всех членов коммуникативного сообщества возникают схожие содержания (помимо тех, которые были у них до коммуникации). Другими словами, нам необходимо не субстанциональное, а функциональное понимание соотношения субъекта и коммуникативного сообщества: не важно, каким ты был до начала коммуникации, но каким ты станешь после этого – это определяется теми процессами, что происходили в ходе общения.

Далее, разные субъекты по-разному вносят вклад в коммуникативные процессы, но как только происходит некий качественный переход, то эти процессы как бы замыкаются в самих себе, то есть начинают ссылаться на самих себя, спонтанно порождать смыслы на базе тех, что уже были внесены ранее, так что возникает эффект, выраженный Фёдором Тютчевым: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся».

Проблема состоит в том, каким образом ставшей автономной коммуникативной системе перестать быть замкнутой, а коммуникативным субъектам – перестать «вариться в своей собственной каше». Ведь любая коммуникативная система, чтобы не оторваться от подлинного бытия, должна оставаться открытой миру, должна установить органичные связи с более объёмной реальностью, т.е. реальностью, которая по своей насыщенности смыслами как продуктами духовной переработки бытия превосходит изолированную коммуникативную систему. Когда-то в этой реальности встретились изолированные субъекты, начали друг с другом общаться и создали автономную коммуникативную систему, но после этого процессы в более широкой реальности продолжают происходить, и участники коммуникации должны быть открыты к новым состояниям бытия (а не опираться исключительно на уже осмысленный ими прошлый опыт). Тут есть два пути: либо начать бесконечно длящуюся коммуникацию с другими социальными сообществами, находящимися в другом уровне реальности, либо замкнуться в самих себе и подробно разработать какой-либо вопрос для того, чтобы прийти наконец к взаимопониманию друг с другом по какой-то узкой проблеме, пренебрегая всем остальным, что происходит в мире, и также другими способами интерпретации мира, что могут быть даны за пределами узкого коммуникативного сообщества.

Однако в самой жизни всегда происходит взаимодействие между

этими обоими вариантами. Прежде всего, каждый человек как носитель самосознания вовлечён одновременно в несколько коммуникативных процессов и потому естественным образом может использовать опыт, полученный в одном сообществе, для обогащения коммуникативных процессов в другом сообществе – для внесения в него новых смыслов, которые включатся в циркуляцию уже имеющихся смыслов, и тем самым в коммуникации могут произойти непредвиденные события, которые будут особенно интересны социальному аналитику.

Однако этот вариант с изолированными индивидами, так сказать, ненадёжен, так как участники какого-то сообщества могут просто не воспринять эти новые смыслы или их по-своему переинтерпретировать, чтобы не допустить коммуникативного события. Гораздо глубже лежат отношения косвенного взаимного влияния различных коммуникативных сообществ друг на друга. И тут для понимания сути дела придётся ввести уже сложнейшую классификацию коммуникаций, основанную либо на теории действий (что делает Хабермас), либо на теории социальных подсистем, которую разработал Луман.

По Хабермасу, в зависимости от цели коммуникативно действующих они стремятся либо к *формированию планов совместной деятельности в природном мире* (при этом они опираются на естественнонаучные или технические знания), либо к *выработке социальных и более глубоко – моральных норм*, для чего они формируют солидарный интерес и образуют отношения взаимного признания, основанные на взаимопомощи и взаимной поддержке, либо к *самореализации и самопредставлению*, для чего они должны выразить какой-то эстетический или – более глубокий уровень – личностный опыт на языке, понятном сообществу, а другие члены сообщества могут этот опыт одобрить, либо дополнить своим собственным, либо отвергнуть как не-аутентичный (в этом случае коммуникация незаметно превращается уже в терапевтический разговор, который ставит перед собой целью вскрытие ложных форм в сознании отдельных участников дискурса, мешающих им раскрыть свою самость). Уже это краткое описание позволяет выделить целый ряд дискурсов, которые Хабермас в своих трудах рассмотрел в разной степени подробности: теоретический, действенно-практический, морально-практический, эстетическая критика, терапевтический дискурс, объясняющий дискурс.⁷ При этом в зависимости

⁷ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. – Bd. 1. – S. 67–71, 144–148.

от темы обсуждения и характера проблемной ситуации в мире (которую надо преодолеть путём выработки плана совместной деятельности) происходит специализация дискурсивных сообществ, однако все они так или иначе продолжают друг на друга влиять – чрезвычайно перспективная тема для продолжателей Хабермаса.

Впрочем, в системе Хабермаса чёткой и навсегда законченной модели дискурсов не было никогда, исследователи изучают эволюцию различных способов понимания этих дискурсивных форм на протяжении всего творчества немецкого мыслителя, насчитывающего уже 5 десятилетий.⁸ Нам важнее то, что у Хабермаса имеется методологический подход как бы снизу, исходя из самосознания участников коммуникации, которые вступают в неё в определённой ситуации, воспринимаемой ими как проблематичной, а завершают после выработки плана совместной деятельности (в зависимости от сферы их действий) и формируют тем самым сообщество, объединённое ненасильственной солидарностью. Хабермас при этом всегда понимал возможность установления разногласий и не-достижения взаимопонимания, но он настаивает на том, что всё-таки телос к формированию неограниченного коммуникативного сообщества заложен в самом языке, в его так называемой формально-прагматической структуре, и потому если коммуникацию проводить достаточно долго, то всё равно рано или поздно чаемая левой мыслью ненасильственная intersубъективность обрывается в реальном социальном мире.

А вот Луман исходит из методологически иной позиции, как бы сверху – не с точки зрения изолированных субъектов, действующих в мире, а с позиции дифференцированной на подсистемы общественной системы, которые описывает и изучает учёный, как бы обзревая их всех как единое целое.⁹ Каждая из подсистем стремится к двум диалектически-противоположным процессам: *стать автономной* по

---

⁸ Gottschalk-Mazouz, Niels. Begründungsfragen. // Gottschalk-Mazouz, Niels. Diskursethik: Theorien, Entwicklungen, Perspektiven. Berlin: Akademie-Verlag, 2000. – S. 27 – 108.

⁹ Идеи Н. Лумана излагаются на основе лекции о нём его ученика и исследователя его творчества, записанной на DVD: Horster, Detlef. Luhmann: Eine kurze Einführung. – Berlin: Argon-Verlag, 2008. Также см. материалы о Н. Лумане на немецком языке, находящиеся в открытом доступе в Интернете (что для Германии с её Законом об авторских правах – редкость): http://www.systemmagazin.de/beitraege/luhmann/links_zu_luhmann.php

отношению к другим системам, самоподдерживающейся и самовозрождающейся в череде непрерывных изменений – это с одной стороны, и к *экспансии* в другие подсистемы, чтобы повлиять на логику их функционирования и *подчинить их себе* – то есть, в пределе стремится превратиться в общество в целом, что невозможно, так как на самом деле это привело бы только к уменьшению внутреннего разнообразия и тем самым информационной насыщенности социальной системы в целом – это с другой стороны. Луману не хватило жизни, чтобы описать все подсистемы общественной системы, к тому же Бог отпустил ему намного меньше срока на этой Земле, чем Хабермасу (они – почти ровесники, Луман родился в 1927 г., а Хабермас – в 1929-м, но Луман умер от рака, к сожалению, уже в 1998 г.). Но впечатляет уже то, что успел сделать этот один из самых выдающихся теоретических социологов Европы – фактически написав энциклопедию трудов, представляющих общество как единое целое: есть труды по экономической подсистеме, по политико-правовой, по подсистеме искусства и художественного сообщества, интереснейший труд по педагогике и системе образования, по социологии организаций, даже труд по религии как одной из социальных подсистем, а завершает эту череду обобщающий труд «Общество общества» про согласование всех подсистем в единое целое, который учёный писал из последних сил и опубликовал сразу же перед смертью. Тем самым Луман задал большую задачу русским учёным, которые хотели бы стать его последователями: одно прочтение его трудов в оригинале потребует подвижнической жизни в течение десятилетий, не говоря уже о попытках его творческого продолжения в условиях всемирного кризиса и радикального изменения мировой социальной сверхсистемы, трансформирующей логику каждой из подсистем... Мы, русскоязычные, сейчас можем только испытывать чувство возвышенного благоговения перед величием теоретического проекта немецкого социолога, а также хотя бы постигать некую ключевую методологическую идею, что поможет нам в анализе социальных рисков – пусть эта идея будет для нас хотя бы предварительным пониманием для более глубокого усвоения его системы...

Но прежде чем мы подойдём к практическим выводам, используем ещё одну мысль Лумана. Мы уже упоминали два противоположных процесса общественного развития, порождаемые взаимовлиянием разных подсистем и в то же время их совместным стремлением к автономизации, к опоре только на свои собственные ресурсы. Если

мы вернёмся к коммуникации, то получится, что у каждой из подсистем – своя собственная коммуникация, происходящая по своей собственной логике! И тут нам уже вместо короткого текста потребуется целая книга, чтобы описать своеобразие различных коммуникативных сообществ и неповторимость даже не просто смыслов, циркулирующих в разных коммуникативных пространствах, а самих способов осмысления бытия в каждом из них: у экономики он будет свой, у политико-правовой системы – свой, у науки – свой, у педагогики – также свой и т.д. . . .

Но вот какая мысль самого Лумана позволит нам выбраться из естественно возникшего тупика изложения: рано или поздно любая социальная подсистема и любой социальный субъект должны провести так называемую *редукцию комплексности*, то есть как бы свести всё многообразие внешних влияний на неё на некие ключевые параметры, которые надо поддерживать во что бы то ни стало. Например, придя в магазин, мы рано или поздно должны редуцировать всё многообразие товаров и разнообразие их полезных и не очень полезных свойств к их цене (точно так же выступление на конференции – к простому выводу, ради которого докладчик берёт слово). При этом всё, что будет происходить за пределами этой редукции, уйдёт как бы в потенциальное состояние, и к нему можно будет применить хорошо разработанную в кибернетике модель взаимоотношения стабильной системы с внешней средой. И вот именно в пространстве внешней среды происходит обмен такими смыслами, которые оказываются общими для различных подсистем, но по-разному интерпретируются каждой из них в силу того, что у каждой из подсистем разная логика развития, разные темпы развития, и разные стадии, на которых они находятся в своём развитии! Более мощная подсистема, дальше всех продвинувшаяся в реализации принципов своего функционирования, может оказывать влияние на менее развитые подсистемы, навязывая им свою логику, порождая во внутренней среде этих подсистем свою собственную квази-среду. Вот и получается, что в образовании всё будут определять деньги, а деньги всё больше будут отрываться от ценностной основы товара, то есть от процесса материального производства, в котором создаются продукты, удовлетворяющие человеческие потребности, и превращаться в виртуальные деньги – а ими никто не умеет управлять в интересах не кучки финансовых олигархов, а общества в целом, а потому они могут породить только хаос в материальном производстве; круг замыкается – и в образовании

начинают властвовать формальные показатели, относительно которых никто не знает, какое реальное наполнение они могут иметь, потому что никто не знает, какие профессии будут нужны через несколько лет, потому что никто не знает, какие хаосогенные процессы будут происходить в мировом хозяйстве из-за того, что виртуальные деньги оторвались от стоимости товаров, то есть от их ценности... И люди не могут получить за свои деньги реальные ценности, совсем как в эпоху тотального дефицита, только теперь уже этот дефицит становится скрытым, но оттого не менее действенным: мы едим такую пищу, которая только забивает наш организм шлаками, но оставляет его голодным; покупаем автомобиль и потом встаём в безнадёжных многочасовых пробках, совсем как покупатели в очередях в СССР; переезжаем от бесперспективности жизни в столицу и там начинаем вести такой образ жизни, который забирает все наши силы, так что приходится возвращаться в провинцию, чтобы отдохнуть (например, в форме экологического туризма); в то же время мысль о том, чтобы уехать из столицы жить в провинцию, кажется большинству граничащей с сумасшествием... А в столице ты встретишь таких же кочевников, как и ты, по сути дела – неукоренённых маргиналов, у каждого из которых имеются свои изолированные жизненные проекты, но они обречены на то, чтобы оставаться в обозримое время в одиночестве – а как же при этом создание семьи и воспроизводство хотя бы будущей рабочей силы, так нужной экономике, чтобы она окончательно не запуталась бы в виртуальных финансовых схемах, которым суждено в будущем только обрушиться... И о каком праве и о какой политике можно говорить в условиях, когда межличностные отношения всё больше принимают сетевую форму во всех смыслах этого слова, а сети невозможно до конца просмотреть, потому люди настолько научаются обходить какие-то распоряжения руководства, которые не соответствуют их интересам, что можно вообще поставить вопрос о смысле существования организаций, как это и сделали новые институционалисты в экономике...

И так далее: подобные цепочки рассуждений можно множить и множить. Нам же надо сделать вывод, а он прост: этот мир вывихнут, говорил Гамлет, и потому быть или не быть – вот в чём вопрос. *Для нормального существования общества нужно поддержание некоего равновесия между различными подсистемами, обусловленного универсальной логикой бытия в целом и бытия социальной системы в частности. Это равновесие всегда понятно людям, т.е. они сами*

осознают, что при движении к этому состоянию на смену усилению хаоса приходит увеличение порядка, а на смену враждебности социального мира человеку приходит ощущение гармоничности и защищённости. Выразаться эта ориентация общества на описанное равновесие может в новых ценностях, что будут близкими самой жизни, поддерживать эту жизнь в её многообразии, способствовать развитию личностей и в то же время сохранять социальную солидарность. Нельзя допустить, чтобы одна бы из подсистем, в данном случае – экономическая, настолько быстро развивалась бы и подчиняла себе все остальные, чтобы смыслопорождение не поспевало за этим процессом. Иначе сама экономика потеряет ориентиры и не сможет отделить друг от друга реальные ценности и виртуальные – следовательно, сфера устроенной человеческой жизни, порождённой коллективным человеческим трудом, будет всё больше сокращаться, а сфера рисков неподконтрольно увеличиваться...

Как же запустить эти процессы порождения смыслов, которые могут начаться только в сфере культуры и духовности? Как пройти по хаосу так быстро, чтобы новая общественная форма успела бы возникнуть до тех пор, пока уходящая не оставила бы после себя необратимую деградацию и апокалиптические масштабы разрушений? Видимо, только одним путём: изменения сознания субъектов. А оно может быть совершено только в коммуникациях. И не таких, которые так подробно описывали Хабермас и Луман: они правы, но правы для своего времени. Это будут коммуникации, которые по-новому открывают мир, которые порождают в результате новые способы управления, новую экономику, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех, экономику, состоящую из организаций, которых Фредерик Лалу назвал бирюзовыми и которая как раз и будет соответствовать новому технологическому укладу NBICS.¹⁰ Вот этому-то мы и должны учить в университетах, то есть учить соединению разума и сердца, знания и интуиции. А коммуникативный разум,

---

¹⁰ Лалу Ф. Открывая организации будущего. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 405 с. См.: <http://www.mann-ivanov-ferber.ru/books/novyj-vzglyad-na-organizacii/> Компактное изложение: Шумаков А. Люди и организации будущего: <https://habrahabr.ru/post/297590/> Критика (в немецком смысле, т.е. как определение границ и поиск возможностей для дальнейшего развития): Баляев А. О чём умолчал Ф. Лалу: <http://spiralldynamics.ru/o-chyom-umolchal-frederik-lalu/>

который разовьётся в таких сообществах, сам начнёт постепенно реализовывать свой потенциал и покажет нам всем свет в конце туннеля... Либо мы всем человечеством изменимся, а эти изменения уже происходят, либо пространство рисков станет угрожающим для нашего существования. Теоретическая социология вместе с философией может выработать для этого только методологическую идею. А реализовать её смогут только будущие исследования и социальные практики над построением бирюзовых организаций (или как их там потом назовут, когда терминология в науке устоится), или практики порождения «креатосферы» как диалектического отрицания капитализма, как об этом пишут А.В. Бузгалин и А.И. Колганов¹¹.

Библиография

1. Баляев А. О чём умолчал Ф. Лалу: <http://spiral-dynamics.ru/o-chyom-umolchal-frederik-lalu/>
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – Т.т. 1, 2. – М.: Эдиториал УРСС, 2015.
3. Лалу Ф. Открывая организации будущего. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 405 с.
4. Луман Н. Решения в информационном обществе. / Пер. с нем. А.Н. Беляева и Н.А. Головина. // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Под ред А.О. Бороноева. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2000. – С. 23–42.
5. Луман Н. Невероятность коммуникации. / Пер. с нем. А.М. Ложеницына и Н.А. Головина. // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Под ред А.О. Бороноева. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2000. – С. 43–54.
6. Луман Н. Что такое коммуникация? / Пер. с нем. Н.А. Головина. // Проблемы теоретической социологии. Вып. 4. / Под ред А.О. Бороноева. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2003. – С. 24–36.
7. Хабермас Ю. Теория рационализации М. Вебера (отрывок из «Теории коммуникативного действия»). / Пер. с нем. Т. Тягуновой. Особ с. 53 – 55: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ratsionalizatsii-maksa-vebera>
8. Шачин С.В. Опыт синтеза некоторых идей А.В Бузгалина и А.И. Колганова (по книге. «Глобальный капитал») и мыслителей Франкфуртской

¹¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – Т.т. 1, 2. См. об этом: Шачин С.В. Опыт синтеза некоторых идей А.В Бузгалина и А.И. Колганова (по книге. «Глобальный капитал») и мыслителей Франкфуртской школы. С. 232 – 265 См.: http://rodina21.ivvu.ru/wp-content/uploads/2016/03/Almanah_Filosofiya_hozyajstva._Spets.vypusk._Mart_2016_-_vychitka_.pdf

школы. С. 232 – 265 См.: http://rodina21.ivvu.ru/wp-content/uploads/2016/03/Almanah_Filosofiya_hozyajstva._Spets.vypusk._Mart_2016_-_vychitka_.pdf

9. Шелике, Вальтраут. Лекция о Марксе: https://www.youtube.com/watch?v=gmiH-SzZEM8&list=PLeJM38WCNIVoUCB3_qrOMnSkBkFC-jvUJ

10. Шумаков А. Люди и организации будущего: <https://habrahabr.ru/post/297590/>

11. Gottschalk-Mazouz, Niels. Diskursethik: Theorien, Entwicklungen, Perspektiven. Berlin: Akademie-Verlag, 2000. – S. 27 – 108.

12. Habermas, Jürgen (1987). Theorie des kommunikativen Handelns. – 4. Aufl. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. – Bd. 2. – S. 265–267.

13. Habermas J. Habermas Jürgen. Faktizität und Geltung: Beiträge zu einer Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates. – 4., erw. Aufl. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1994. – S. 155–157.

14. Horster, Detlef. Luhmann: Eine kurze Einführung. – Berlin: Argon-Verlag, 2008.

15. Lepsius, M.R. Interessen und Ideen: Die Zurechnungsproblematik bei Max Weber. // Lepsius, M.R. Interessen, Ideen und Institutionen. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2009. – 2. Aufl. – S. 31 – 34.

VALORI POLITICE EUROPENE VERSUS ”PRINCIPII ȘI VALORI” ALE CLASEI POLITICE DIN REPUBLICA MOLDOVA: DE LA DEMOCRAȚIE AUTENTICĂ LA PSEUDODEMOCRAȚIE

Natalia CIOBANU, *doctorandă, IRIM*

Rezumat

În acest studiu sunt redimensionate valorile politice prin prisma aplicării lor de către liderii instituțiilor și partidelor politice în procesul apropierii, asocierii la instituțiile europene. Potrivit Tratatului de la Maastricht valorile politice promovate de către comunitatea europeană sunt fondate pe respectul pentru demnitatea umană, libertate, democrație, egalitate, stat de drept și respectarea drepturilor omului. Republica Moldova și-a exprimat intenția de aderare la aceste valori în anul 1994 prin Declarația de politică externă, adoptată de Parlament, prin care s-a consemnat faptul că semnarea Acordului de Parteneriat și Cooperare dintre Uniunea Europeană și Republica Moldova constituie un prim-pas spre integrarea europeană a țării noastre. Compromiterea procesului de aderare la valorile europene a fost determinată în mare parte de lipsa voinței politice și a unei politici interne generatoare de stabilitate și prosperitate politică, economică, juridică și socială.

Cuvinte-cheie: *comunitate europeană, Republica Moldova, valori politice europene, elita politică moldovenească, democrație, demnitate umană, libertate, egalitate, respectarea drepturilor omului*

EUROPEAN POLICY VALUES VERSUS “PRINCIPLES AND VALUES” OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA’S POLITICAL ELITE: FROM AUTHENTIC DEMOCRACY TO PSEUDO-DEMOCRACY

Abstract

This article resizes political values through their application by leading institutions and political parties in the process of adhesion, joining the European institutions. Under the Treaty of Maastricht political values promoted by the European community are founded on respect for human dignity, freedom, democracy, equality, the rule of law and respect for human rights. The Republic of Moldova expressed intention of accession to these values in 1994 Declaration of foreign policy adopted by the Parliament, which noted that the signing of the Agreement on Partnership and Cooperation between the European Union and the Republic of Moldova is a first step towards European integration of our country. Compromising the process of accession to European values was driven largely by a lack of political will and an internal policy generating stability and political, economic, legal and social prosperity.

Keywords: *European community, the Republic of Moldova, European political values, Moldovan political elite, democracy, human dignity, freedom, equality, respect for human rights*

Introducere. Comunitatea politică europeană este fondată pe respectul pentru demnitatea umană, libertate, democrație, egalitate, stat de drept și respectarea drepturilor omului - valori consemnate în toate tratatele europene. Orice “stat european” poate deveni membru, însă trebuie să îndeplinească Criteriile de la Copenhaga: să aibă instituții stabile și democratice, economie de piață funcțională, structuri administrative adecvate. Republica Moldova și-a definit obiectivul prioritar al politicii interne și externe: aderarea la structurile europene, crearea condițiilor favorabile ce ar susține acest proces, l-ar orienta către finalitate. Anume în Programul de Acțiuni, adoptat de Guvernul Republicii Moldova, axat pe orientarea către integrarea europeană, rezidă **actualitatea și semnificația practică** a acestui studiu. Schimbarea mentalității cetățenilor Republicii Moldova este dictată de necesitatea asimilării conceptelor de: europenizare, europenitate, integrare regională,

integrare europeană. Reieșind din faptul că decizia aderării la structurile europene o adoptă poporul, iar, la moment, societatea moldovenească este divizată și după vectorul geopolitic al integrării regionale, considerăm actuală activitatea orientată către formarea orientărilor valorice a tinerilor, a cetățenilor adulți din Republica Moldova. Asimilarea rezultatelor investigației, concluziilor formulate de autor, în opinia noastră, ar trebui să fie realizată, în primul rând, de liderii partidelor politice parlamentare și extraparlamentare, organizațiilor neguvernamentale, conducătorilor instituțiilor politice și socio-culturale care, în mod conștient sau inconștient, prin acțiunile și declarațiile lor participă la aprofundarea diviziunii societății moldovenești în adepții integrării europene și euroasiatice. Autorul consideră că pentru dezvoltarea durabilă a economiei Republicii Moldova, pentru fortificarea poziției statului în calitatea sa de actor al relațiilor internaționale, este necesar de aplicat abordarea sistemică, structural – funcțională a oportunităților deschise de avansare a globalizării. Cele două modele de integrare regională: UE și UEA trebuie analizate *sistemic*, de aplicat *analiza factorială și de capacitate*, așa încât propunerea președintelui Republicii Belarus Alexandr Lucașenco, despre trecerea la alt nivel de integrare regională să fie modelată și respectiv aplicabilă în practica social-politică. În opinia autorului, Republica Moldova ar putea oferi acest model, pentru a fi dezbătut la nivelul structurilor europene și euroasiatice, fiind argumentat de politologi și prezentat de diplomați. Evenimentele din Ucraina ne conving că integrarea regională este un proces dificil, complex, care trebuie bine gândit, organizat, iar, în condițiile actuale, însuși conceptul trebuie revizuit în baza pluralismului metodologic. Un prim-pas în realizarea acestui obiectiv îl constituie studiul valorilor politice europene, pe care autorii le redimensionează în contextul comparației cu formula clasei politice din Republica Moldova – *principii și valori*.

Metodele aplicate sunt: analiza sistemică, analiza de conținut, analiza de capacitate, studiul comparat. *Analiza sistemică* a permis descifrarea conținutului noțiunilor: *valori, valori politice, identitate europeană*. *Analiza de conținut* oferă posibilitatea de a justifica unele afirmații, utilizând articole, dispoziții din documentele: *Constituția Republicii Moldova, Acordul de Parteneriat și Cooperare dintre Uniunea Europeană și Republica Moldova, Tratatul de la Maastricht*. *Analiza de capacitate* este aplicată cu scopul de a răspunde la întrebarea: Are Republica Moldova instituții adecvate și politicieni cu voință de stat care să respecte domnia legii și supremația Constituției?

Rezultatele investigației. Drepturile fundamentale sunt garantate la nivel național de legea supremă în articolul 1, în care se menționează: “Republica Moldova este un stat de drept, democratic, în care demnitatea omului, drepturile și libertățile lui, libera dezvoltare a personalității umane, dreptatea și pluralismul politic reprezintă valori supreme și sînt garantate”.¹

Dar oare are Republica Moldova instituții adecvate și politicieni inteligenți, înțelepți, curajoși și cu voință de stat, capabili să respecte dominația legii și supremația Constituției – principii politice autentice ce asigură cetățenilor siguranță, prosperitate și un viitor în familia europeană? Potrivit „Dicționarului de analiză politică”, noțiunea de valoare reprezintă un concept despre ceea ce este dezirabil sau bun ori, în unele situații, chiar lucrul bun sau dezirabil. Valorile pot reflecta dorința unei persoane – un scop, o predilecție, o consecință – sau concepția cuiva despre ceea ce este bun și drept, despre ceea ce cineva trebuie să realizeze, mai puțin despre ceea ce dorește să facă. Valorile sunt concepte interne, subiective ce postulează standarde de moralitate, etică estetică și preferință personală.²

Valorile politice constituie acele relații, instituții, idei, idealuri politice specifice progresului social, fiind o corelație a idealului și realului. Ca elemente ale realității social-politice, valorile sunt componente ale contextului situațional al acțiunii politice. Ca idealuri, ele orientează activitatea și comportamentul politic al grupurilor sociale și indivizilor. Interiorizate, devin orientări valorice, prin care individul se raportează la diverse aspecte ale politicului, în propria sa activitate. „Valorile politice: libertatea, democrația, pluralismul, statul de drept etc, vizează relațiile omului cu statul, cu instituțiile sociale, cu partidele, cu ONG-urile... exprimă finalitățile sistemului social-politic, mecanismul exercitării puterii de stat, drepturile, libertățile, obligațiunile politice ale cetățenilor, se referă la stat, la formele de organizare a vieții în comun, a vieții sociale”.³

De asemenea, valorile politice reprezintă norme și principii de organizare și funcționare a sistemului politic, reguli de activitate, obținute prin consens sau autoritate în timpul manifestării politice a indivizilor, grupurilor

¹ http://lex.justice.md/document_rom.php?id=44B9F30E:7AC17731, vizualizat la 24 martie 2016.

² Jack C. Plano, Robert E. Riggs, Helenan S. Robin. Dicționar de analiză politică. - București: Editura Ecce Homo, 1993. p.176.

³ Ludmila Roșca. Filosofia. Ghidul afacerii de succes. Manual. - Chișinău: Tipografia Print-Caro, 2013. 324 p., P. 287.

și organizațiilor politice, pentru influențarea și consolidarea controlului asupra puterii politice.⁴

Conceptele de valori europene, identitate europeană au devenit mai evidente în anii 1990, o dată cu destrămarea marilor entități fondate pe criterii ideologice, reinventarea democrației în statele post-comuniste, presiunile asupra cetățeniei din partea imigranților și a refugiaților, globalizarea economică, erodarea statului-națiune, agravarea „deficitului democratic” al instituțiilor democratice și reducerea progresivă a ratei de participare la alegeri sau la dezbaterile civice⁵.

În studiile de profil, noțiunea de „valori europene” are o diversitate de semnificații, printre care:

- valori fundamentale, de bază ale Comunității Europene, care au o valoare politică și sunt legiferate în tratate;
- diverse poziții ideologice, care adesea constituie subiectul unor dezbateri privind identitatea europeană. Acestea, fiind convingeri individuale, doar uneori au statut de valoare legală.
- valorile aflate la baza acquis-ului comunitar: domnia legii și statul de drept, separarea puterilor, protecția drepturilor omului și a libertăților fundamentale etc. – piloni ai unei democrații autentice.⁶

Diversitatea privind valorile este definitorie în comunitatea europeană, adesea fiind considerată ea însăși valoare, prin viziunea sa policentrică, în calitate de garant al democrației.

Care sunt valorile care stau la baza democrației europene?

Articolul 2 al Tratatului de la Maastricht afirmă că: ”Uniunea se întemeiază pe valorile respectării demnității umane, libertății, democrației, egalității, statului de drept, precum și pe respectarea drepturilor omului... Aceste valori sunt comune statelor membre într-o societate caracterizată prin pluralism, nediscriminare, toleranță, justiție, solidaritate...”⁷

Principiile fundamentale identificate din discursul european (limbajul tratatelor, a reprezentanților instituțiilor europene etc.) constituie: pacea, prosperitatea și solidaritatea, unitatea, egalitatea, libertatea, statul de drept, păstrarea identității și tradițiilor naționale, toleranța, și pluralismul.

⁴ <http://www.rasfoiesc.com/legal/administratie/stiinte-politice/Cultura-politica16.php>, vizualizat la 24 martie 2016.

⁵ Cezar Bîrzea, *Cetățenia europeană*, Editura Politeia, SNSPA, 2005. – p.7.

⁶ <http://www.apd.ro/files/publicatii/Valori%20Europene>, vizualizat la 24 martie 2016.

⁷ <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2008:115:0013:0045:RO:PDF>, vizualizat la 24 martie 2016.

Este discutabil modul în care aceste valori sunt respectate de către statele ce intenționează să adere la marea comunitate europeană inclusiv Republica Moldova.

În percepția cetățeanului simplu, democrația este expresia unui regim politic generator de stabilitate, prosperitate, este forma de guvernământ care garantează separarea puterilor în stat, suveranitatea națională, egalitatea tuturor în fața legii, precum și posibilitatea de a acționa după propria voință.

Clasa politică din Republica Moldova se află în opoziție cu dorința cetățeanului, democrația fiind mimată de o guvernare ce se pretinde garant al europenității, deși prin politicile interne promovate - compromite procesul de aderare la valorile politice europene. Actualmente, în societatea moldovenească domină un paradox: de ce poporul trăiește în sărăcie și insecuritate, dacă guvernarea are o activitate politică concepută pe “valori și principii” democratice? Avem o pseudodemocrație? Sunt doar declarații populiste, în a căror paravan se ascund interese proprii?

Uniunea Europeană, potrivit celor mai importanți exegeți ai ideii europene, precum Jean-Baptiste Duroselle, Federico Chabod, Denis de Rougement ș.a. reprezintă o comunitate întemeiată pe valori, obținute printr-un consens politic la nivelul principalelor forțe politice și civice (ONG-uri, biserici, lideri de opinie) europene, dar dintre acestea contează, la nivelul deciziilor executive, mai cu seamă cele codificate în acte juridice (tratate, declarații de principiu, directive etc.). Această opinie susține faptul că în acest moment, cei care decid asupra europenității valorilor sunt birocrații care servesc aparatul unional: juriști, tehnicieni, purtătorii lor de cuvânt, membrii organelor și organismelor de control, aleșii din Parlamentul European și liderii politici ai Europei Comunitare.⁸

Pentru a ajunge la un consens politic, trebuie să existe un dialog. Reieșind din opinia savanților sus-menționați anume lipsa dialogului politic dintre guvernarea unei țări și cetățenii ei rezultă într-o criză de valori.

Deși, urmare a protestelor stradale a existat o tentativă de dialog, membrii Președinției, Parlamentului și Guvernului au organizat convorbiri cu reprezentanții societății civile, în vederea semnării unui pact social „Pentru Moldova”, s-a creat impresia doar a unui exercițiu de imagine, deoarece acel pact social nu s-a semnat, iar dialogul a eșuat.

Acțiunile ce au urmat au fost la limita unei democrații: modul cum a fost instaurat noul guvern și prestația sa în “recuperarea miliardului furat”, modul

⁸ <http://www.romanalibera.ro/opinii/comentarii/valori-europene>, vizualizat la 24 martie 2016.

în care se soluționează anumite dosare publice de rezonanță, politicile sociale neconforme cu asentimentul populației, promovarea în funcții a persoanelor cu suspiciuni de corupție, cu probleme de integritate, mimarea reformelor din sectoarele: justiție, agricultură, sectorul bancar și financiar, sănătate, educație, transport, administrare publică etc. De această opinie sunt atât liderii de opinie de la noi, cât și reprezentanții instituțiilor internaționale.

Potrivit declarațiilor Ambasadorului Marii Britanii în Republica Moldova, Phil Batson, făcute într-un interviu pentru emisiunea radio „Sinteze și Dezbateri de Politică Externă”: „cel mai mare risc îl reprezintă pentru Moldova faptul că guvernarea de la Chișinău nu învață din propriile greșeli și continuă să mimeze reformele”.⁹

Ambasadorii SUA și cel al Marii Britanii în Republica Moldova au criticat justiția moldovenească. Ambasadorul SUA, James D. Pettit, pe o rețea de socializare a scris: „cum e posibil să organizezi un concurs cu un singur pretendent la funcția de președinte al CSJ”, iar ambasadorul britanic în Republica Moldova, Phil Batson, a menționat: „a fost creat un sistem distrugător, care protejează interesele unei elite, atât pe interiorul sistemului cât, într-o măsură oarecare, și în afara lui. El are o rezistență ereditară la reforme”.¹⁰

În același context, într-un interviu acordat pentru Europa Liberă, șeful Delegației Uniunii Europene la Chișinău Pirkka Tapiola a declarat: „Colaborarea noastră ține de relația cu cetățenii din Republica Moldova, iar guvernul este responsabil pentru a îndreptăți așteptările cetățenilor Republicii Moldova și a le asigura o viață mai bună. Este foarte important să se înțeleagă că e vorba despre o relație dintre Europa și oamenii din Republica Moldova... Guvernul, în primul rând, trebuie să fie un guvern pro-Moldova. Dacă vă uitați atent peste lista de cerințe pe care le-am inclus noi în această rezoluție, veți vedea... depolitizarea instituțiilor de stat, combaterea corupției, necesitatea promovării reformei administrației publice, rolul de supraveghere al Băncii Naționale, al Comisiei pentru piața financiară, independența sistemului judecătoresc, independența sistemului de ocrotire a organelor de drept, o precondiție este existența unui program cu Fondul Monetar Internațional care oferă cadrul necesar pentru ca aceste cerințe să fie realizate... toată asistența, tot sprijinul nostru va veni doar în cazul în care aceste cerințe vor fi realizate.”¹¹

⁹ <http://stiri24.md/ambasadorul-marii-britanii-riscul-major-pentru-moldova-e-mimarea-reformelor-de-catre-guvernare/>, vizualizat la 24 martie 2016.

¹⁰ www.dw.com/ro/lipsa-reformelor...moldova/a-19191609, vizualizat la 15 aprilie 2016.

¹¹ <http://www.europalibera.org/a/27556136.html>, vizualizat la 10 mai 2016.

Sunt aceste cerințe realizate, răspund cu reciprocitate guvernării noastre la suportul partenerilor de dezvoltare sau Republica Moldova doar acumulează beneficii de pe urma cooperării?

După cum am menționat mai sus, exigențele comunității europene sunt în corelație cu respectarea valorilor promovate de aceasta și nu este suficient a exprima intenția de aderare la aceste valori, ci a realiza procesul respectiv prin pași concreți, atât a aspectului politico-legal, dar și al asimilării și integrării cetățenilor simpli la legitățile morale.

În acest context, menționăm faptul că implementarea reformelor într-un stat este determinată de cine deține puterea. Instituțiile de stat sunt rezultatul acțiunii cetățenilor, exprimate prin vot. Deci, atât direcția reformelor, cât și eficiența lor, depinde în mare măsură și de cetățeni. Astfel, cu cât cetățenii au cultură politică, cunosc valorile și principiile fundamentale de funcționare a statului, cu atât acțiunea lor de vot este mai conștientă, implicarea mai activă în monitorizarea efectuării reformelor și, în consecință, schimbările se produc rapid, eficient și în favoarea poporului. Cultura politică însă constituie o parte indispensabilă a culturii ca fenomen și întrucât Republica Moldova încă se mai confruntă cu un handicap la acest capitol – instaurarea unei democrații autentice în toate dimensiunile politice, geopolitice, sociale, culturale etc. stagnează.

Sunt mecanismele care stau la baza funcționării statului Republica Moldova democratice?

Potrivit “Declarației Universale a Drepturilor Omului”: “Toate ființele umane se nasc libere și egale în demnitate și în drepturi. Ele sunt înzestrate cu rațiune și conștiință și trebuie să se comporte unele față de altele în spiritul fraternității”.¹²

Conform definiției oferite de DEX, demnitatea umană întrunește caracterul, atitudinea și comportamentul uman față de doleanțele celorlalți, dar și o funcție înaltă în stat, deținută de o persoană, ce presupune un comportament onest și integru, ce activează cu devotament și dăruire față de oameni.

Libertatea (lat. *libertas*, -atis) întrunește posibilitatea de a acționa după propria voință sau dorință; posibilitatea de acțiune conștientă a oamenilor în condițiile cunoașterii (și stăpânirii) legilor de dezvoltare a naturii și a societății.¹³

Aspirația oamenilor de a fi liberi nu reprezintă o trăsătură doar a societății europene, este un drept prin natura sa definitoriu pentru toți și

¹² <http://www.lexilogos.com/declaration>, vizualizat la 12 mai 2016.

¹³ <http://www.webdex.ro/online/dictionar/>, vizualizat la 13 mai 2016.

orice națiune care luptă pentru valori democratice, o face, în primul rând, pentru libertate.

O societate democratică este întemeiată pe libertatea de alegere a persoanei, în care cetățeanul nu este captiv în propria țară, își poate gestiona viața personală și drepturile legitime.

În cadrul sistemului politic moldovenesc însă se observă o izolare socială, lipsa încrederii între diferite grupuri și categorii sociale, între elite și mase, ce generează stări evidente de conflict și de mari tensiuni sociale care produc instabilitate politică în societate. Potrivit analiștilor în domeniu, această situație ia naștere într-o societate caracterizată printr-o cultură politică fragmentară și conflictuală. Fragmentarea excesivă este creată uneori intenționat de anumite grupuri politice, membri ai societății civile sau ai mediului academic, prin ignorarea constantă a adevărului, utilizând aceste instrumente de exprimare și funcționare, drept strategie potrivită de manipulare a indivizilor ancorați în limitele unei culturi politice de indiferență, cu o viziune minimală asupra fenomenelor politice și sociale din societate.

Tergiversarea implementării valorilor europene este determinată în mare parte și de lipsa voinței politice univoce privitor la vectorii orientării strategice ai statului nostru, societatea și clasa politică fiind divizată în: adeptii și oponenții integrării europene și a aderării la Uniunea Vamală. Această scindare a sistemului politic are un impact negativ asupra societății și funcționării instituțiilor democratice.

Statul, fiind principalul deținător și exponent al puterii politice, deține principala responsabilitate pentru elaborarea și implementarea strategiilor, obiectivelor prioritare de dezvoltare, pentru buna orînduire a comunității. Însă, uneori acestea pot fi neglijate, abuziv încălcate chiar de unele instituții ale însuși statului, sau de unii înalți demnitari de stat. În astfel de cazuri, semne de alarmă trebuie să vină din partea organizațiilor nonguvernamentale, din partea presei libere etc., preocupate de menținerea ordinii sociale.

Republica Moldova se confruntă, cu regret, cu grave dificultăți pe dimensiunea garanției libertății și demnității umane, reieșind și din multiplele cazuri de trafic de ființe umane, traficul de organe, violență în familie, tortură și rele tratamente în penitenciare, încălcarea libertății de exprimare și dreptul la protest, libertatea presei etc.

Republica Moldova a ratificat Convenția Europeană privind lupta împotriva TFU la 19 mai 2006, după care au urmat conferințe, reuniuni ale experților de profil, un șir de vizite de studii cu scopul schimbului de experiență și bune practici cu omologii din țările UE și alte regiuni.

Și cadrul legal a fost îmbunătățit prin adoptarea unor acte normative, au fost inițiate unele modificări de acte legislative, exemplul fiind Hotărârea Guvernului nr. 898 din 30 decembrie 2015 cu privire la aprobarea Regulamentului-cadru și standardele minime de calitate ale Serviciului de asistență și protecție a victimelor traficului de ființe umane, în scopul ajustării cadrului normativ național în domeniu, eficientizând sistemul de asistență și protecție socială a victimelor TFU, cu scopul prevenirii și combaterii fenomenului.

Statistica ultimilor 10 ani atestă că în total au fost asistate 6209 potențiale victime ale TFU, după cum urmează: 2006 – 19, 2007 – 52, 2008-203, 2009-308, 2010-328, 2011- 651, 2012-1214, 2013-1403, 2014-854, 2015-1177.¹⁴

Cu toate acestea, potrivit datelor MAI al RM indicele criminalității se menține în creștere: trafic de ființe umane: 2013-130, 2014 -143, 2015-145, pentru luna septembrie 2016 - 90 de cazuri înregistrate; contra familiei și minorilor (violența în familie, traficul de copii, scoaterea ilegală a copiilor): 2013-1389, 2014-2212, 2015-1943, pentru luna septembrie 2016-1432 de cazuri înregistrate etc.¹⁵

De asemenea, Republica Moldova este parte a Convenției europene pentru prevenirea torturii și a pedepselor sau tratamentelor inumane sau degradante, ce a intrat în vigoare la 1 februarie 1998.

La nivel național infracțiunea de tortură și rele tratamente este reflectată într-un articol ce a fost introdus prin Legea Nr. 252 din 08.11.2012 în vigoare 21.12.2012 art.1661 din Codul penal al Republicii Moldova, care definește tortura, tratamentul inuman sau degradant. Aderarea la conveții europene și existența legilor naționale nu au contribuit la eradicarea acestor încălcări, înregistrându-se în continuare cazuri pierdute de Moldova la CEDO, cauzate atât de incompatibilitatea legislației noastre cu standardele europene în domeniul drepturilor omului, dar și eșecurile justiției naționale.

Potrivit Ministerului Justiției, din 2014 pînă în prezent, Moldova a plătit peste un milion 990 de mii de lei pentru 11 cazuri în care a fost condamnată la CEDO. Mai mult, țara noastră a mai pierdut la CEDO alte 26 de cazuri, iar despăgubirile abia urmează să fie achitate. În ianuarie 2016, guvernarea a declarat că 37 de judecători și procurori care au examinat dosare pierdute de Moldova la CEDO vor fi acționați în judecată și puși să

¹⁴ http://antitrafic.gov.md/public/files/Raport_naional.pdf, vizualizat la 11 iunie 2016.

¹⁵ <http://www.mai.gov.md/ro/advanced-page-type/date-statistice>, vizualizat la 10 noiembrie 2016.

plătească despăgubiri, în aceste condiții, societatea civilă și cetățenii trebuie să țină sub control realizarea acestei inițiative, să nu constituie iarăși doar o lustruire de imagine a guvernării.

Unul din principiile esențiale ale democrației autentice legiferat în Articolul 10 din Convenția pentru apărarea drepturilor omului și a libertăților fundamentale este pluralismul de idei valorificat prin intermediul libertății cuvântului sau a exprimării. Monopolul asupra surselor mediatice din Republica Moldova și a informației ca atare, oferă oportunitate elitelor politice să-și garanteze participarea la procesul de producere a raționamentelor artificiale, a miturilor de către membrii electoratului. Miturile reprezintă cu adevărat un pericol pentru o societate democratică în devenire, precum este cea moldovenească, cu valori politice defectuoase și vulnerabile la fluxurile de informație cu încărcătură politică.

În lipsa unei garanții solide a dreptului la libertatea de exprimare, protejat de instanțele judecătorești independente și imparțiale, nu există o țară liberă și, respectiv, un regim democratic. Calitatea unei democrații poate avea de suferit atunci când calitatea informației mediatice scade și pericolul dezorientării cetățeanului crește, în condițiile în care nici legile concurenței pe piața liberă nu îl mai apără pe consumatorul de presă.¹⁶

Dacă pînă în 2009 deținea monopolul asupra mass-media o singură forță politică – Partidul Comunist, în prezent, în Republica Moldova, deși există mai multe centre politice care dețin multiple, diverse și importante instituții de presă, avem puțină presă independentă, iar monopolul asupra mass-media îl deține o singură persoană (Vlad Plahotniuc oficial deține 4 televiziuni cu acoperire națională din cele cinci existente – Publica TV, Prime, Canal2 și Canal3 și 3 posturi de radio – Publika FM, Muz FM și Maestro FM. Presa din Republica Moldova și-a păstrat statutul de parțial liberă în Raportul Freedom House, iar în clasamentul întocmit de Organizația Reporteri fără Frontiere, țara noastră a cedat patru poziții față de anul precedent, situându-se pe locul 76 în lista celor 180 de țări analizate.).¹⁷

În Declarația Reprezentanților Societății Civile cu prilejul celei de-a 2-a Reuniune a Comitetului de Asociere Parlamentară UE-Republica Moldova, semnată la 16 mai 2016, au fost trasate cele mai importante restanțe ce trebuie soluționate de către elita politică, la aspectele ce vizează: implementarea Acordului de Asociere EU-RM; reforma justiției; combaterea

¹⁶ <http://www.fisd.ro/art/Massmedia.html>, vizualizat la 16 iunie 2016.

¹⁷ <http://ipn.md/infoprim/UserFiles/Image/PDF/DeclaratieSocietateCivilaComitetParlamentar.pdf>, vizualizat la 2016 iunie16.

corupției; drepturile omului și libertatea mass-media; alegeri libere și corecte; drepturile omului și libertatea mass-media; domeniul financiar; transparență și implicarea societății civile în realizarea agendei de asociere. Potrivit acestor instituții semnatare, rata generală de realizare a reformelor prioritare este sub pragul de 50%.¹⁸

Concluzii. Criteriile de la Copenhaga sunt des identificate în discursurile oficialilor europeni ca fiind valori supreme în procesul aderării țării noastre la comunitatea europeană, și trebuie să constituie obiective strategice ale politicii interne și externe ale clasei politice moldovenești. Se propune ca în procesul de adoptare al legilor, dar și în procesul de negocieri al Agendei de Asociere să se efectueze consultări atât cu reprezentanții societății civile, cât și cu partenerii de dezvoltare. În vederea unei implicări eficiente a societății civile în realizarea Agendei de Asociere RM-UE este importantă participarea organizațiilor societății civile în cadrul reuniunilor, transparență în luarea deciziilor în cadrul acestora, prin publicarea rapoartelor, notelor de poziții, declarațiilor.

La nivel teoretic se impune necesitatea unei revizuirii a conceptului de integrare regională, de integrare europeană, de integrare euroasiatică, corelarea acestora cu avansarea globalizării. Republica Moldova ar putea oferi instituțiilor cu drept de decizie la nivel regional, cum ar fi: UE și UEA, un model consensual al integrării.

Pentru a asigura o compatibilitate a societății moldovenești cu standardele comunității europene sunt necesare reforme în cele mai importante sectoare, care prin definiție respectă valorile fundamentale, analizate în acest studiu. În acest context, evidențiem faptul că fenomenul de “justiție selectivă” din ultimii ani a afectat grav imaginea Republicii Moldova în exterior. În opinia majorității experților, dar și a reprezentanților instituțiilor internaționale, dosarele de mare rezonanță au avut conotație politică, mai mulți funcționari au fost arestați, li s-au deschis dosare penale pe criterii politice, nu li s-a asigurat o investigație decentă, parțială și publică.

Un element indispensabil pentru o țară cu valori democratice constituie respectarea drepturilor omului și a libertății mass-media (autoritățile din Moldova trebuie să întreprindă măsuri eficiente în vederea identificării și soluționării principalelor probleme ale mass-media, expuse în Foaia de Parcurș, să nu utilizeze presa în interese de partid sau personale, prin implicarea în politicile editoriale ale instituțiilor media pe care le finanțează în calitate de patroni; sancționarea de către Consiliul Coordonator al Audiovizualului a radiodifuzorilor care încalcă grav principiile pluralismului de opinii și idei).

¹⁸ Ibidem.

De asemenea, instituțiile statului trebuie să fie garantul libertății și demnității cetățenilor, fapt încălcat grav potrivit studiilor efectuate de mai multe organizații nonguvernamentale (Centrul de Resurse Juridice din Moldova, Institutul pentru Politici și Reforme Europene, Centrul Analitic Expert-Grup, Centrul pentru Jurnalism Independent, Asociația Promo-Lex, Transparency International, IDIS Viitorul, Institutul pentru Drepturile Omului etc). Exemplu în acest sens sunt acțiunile autorităților în urma protestelor stradale, inclusiv a celui din 24 aprilie 2016, când au încercat să limiteze nejustificat desfășurarea evenimentului prin sistarea transportului de pasageri, actele de huliganism a fost calificate ca dezordini în masă, fiind reținute patru persoane de către forțele de ordine).

Soluționarea problemelor din sectorul bancar ce includ printre altele: consolidarea independenței Băncii Naționale a Moldovei, care ar avea un drept de acces mai mare privind monitorizarea și supravegherea băncilor comerciale, sporirea transparenței privind beneficiarii finali ai acțiunilor bancare; „de-offshorizarea” sectorului bancar ș.a. ar contribui la consolidarea încrederii cetățenilor privind asigurarea securității sectorului bancar de către instituțiile statului.

Obținerea statutului de țară europeană, nu doar ca amplasare geografică, ci ca membru cu drepturi egale; de asemenea, aderarea la valorile supreme ale Uniunii Europene reprezintă un proces complex, care presupune asimilarea și integrarea politică, economică, juridică și socio-culturală a Republicii Moldova, dar acest deziderat va fi realizat în exclusivitate dacă va exista un dialog între aceste “două societăți” – clasa politică și cetățenii organizați.

Referințe bibliografice

1. Ludmila Barbă, Valeriu Gheorghiu, Alina Felea, Lilia Zabolotnaia. Uniunea Europeană: istorie, instituții, politic. Republica Moldova în noua arhitectură europeană. – Chișinău: CEP USM, 2007. – 179 p.
2. Valentin Beniuc, Ludmila Roșca, Nicolai Afanas. Uniunea Europeană – Uniunea Euroasiatică: studiu comparat. - Chișinău: Tipografia Print-Caro, 2015. – 155 p.
3. Cezar Bîrzea, Cetățenia europeană, Editura Politeia, SNSPA, 2005. – 272 p.
4. Domenico Fisichella. Știința politică, probleme, concepte, teorii. Iași: Polirom, 2007. – 406 p.
5. Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingermann. Manual de știință politică. Chișinău: Polirom, 2005. – 734 p.
6. Heather Grabbe. Puterea de transformare a UE. Europeanizarea prin intermediul condițiilor de aderare în Europa Centrală și de Est. Chișinău: Epigraf SRL, 2008. – 248 p.
7. Oana-Andreea Ion. Guvernanța Uniunii Europene, abordări actuale. – Iași: Polirom, 2013.- 238 p.

8. Nicolae Ecobescu, Anda Filip, Nicolae Micu, Mirella Hahiopol, Mariana Niștelea, Sandra Ecobescu. Manualul Consiliului Europei. București, 1999. – 499 p.
9. Ghid European/ Victoria Bucătaru, Victor Chirilă. Chișinău: Cartier, 2013. – 172 p.
10. Adrian Neculau, Noi și Europa. Iași: Polirom, 2002. – 336 p.
11. Chantal Millon-Delsol. Ideile politice ale secolului XX. Iași: Polirom, 2001. – 201 p.
12. Jack C. Plano, Robert E. Riggs, Helenan S. Robin. Dicționar de analiză politică. București: Editura Ecce Homo, 1993. – 195 p.
13. Ralf Rogowski, Charles Turner. Forma noii Europe. Chișinău: Cartier, 2009. – 220 p.
14. Ludmila Roșca. Știința politică. Chișinău: Centrul Editorial al UASM, 2005. – 310 p.
15. Ludmila Roșca. Filosofia. Ghidul afacerii de succes. Manual.- Chișinău: Tipografia Print-Caro, 2013. – 324 p.
16. Stelian Scăunaș. Uniunea Europeană, construcție, reformă, instituții, drept. București: Editura C.H. Beck, 2008. – 313 p.
17. Tratatul fundamental ale Uniunii Europene/ ed. Coord. de judecător Diana Ungureanu. București: Editura C.H. Beck, 2010. – 354 p.
18. Unificarea europeană: filosofie, politică, mentalitate (materialele conferinței internaționale, 2-3 iunie, 2003), Chișinău, 2003. – 221 p.
19. http://lex.justice.md/document_rom.php?id=44B9F30E:7AC17731, vizualizat la 24 martie 2016.
20. <http://www.rasfoiesc.com/legal/administratie/stiinte-politice/Cultura-politica16.php>, vizualizat la 24 martie 2016.
21. <http://www.apd.ro/files/publicatii/Valori%20Europene>, vizualizat la 24 martie 2016.
22. <http://eur-ex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2008:115:0013:0045:RO:PDF>, vizualizat la 24 martie 2016.
23. <http://www.romanalibera.ro/opinii/comentarii/valori-europene>, vizualizat la 24 martie 2016.
24. <http://stiri24.md/ambasadorul-marii-britanii-riscul-major-pentru-moldova-e-mimarea-reformelor-de-catre-guvernare/>, vizualizat la 24 martie 2016.
25. www.dw.com/ro/lipsa-reformelor...moldova/a-19191609, vizualizat la 15 aprilie, 2016.
26. <http://www.europalibera.org/a/27556136.html>, vizualizat la 10 mai 2016.
27. <http://www.lexilogos.com/declaration>, vizualizat la 12 mai 2016.
28. <http://www.webdex.ro/online/dictionar/>, vizualizat la 13 mai 2016
29. http://antitrafic.gov.md/public/files/Raport_naional.pdf, vizualizat la 11 iunie 2016.
30. <http://www.mai.gov.md/ro/advanced-page-type/date-statistice>, vizualizat la 14 iunie 2016.
31. <http://www.fisd.ro/art/Massmedia.html>, vizualizat la 14 iunie 2016.

PROCESELE INTEGRAȚIONISTE ȘI DEZVOLTAREA SOCIAL – ECONOMICĂ

TENDINȚELE DEZVOLTĂRII ȘI PRINCIPALELE CARACTERISTICI ALE POLITICII DE STAT CU PRIVIRE LA ÎNȚREPRINDERILE MICI ȘI MIJLOCII ÎN CONTEXT NAȚIONAL ȘI INTERNAȚIONAL

Vitalie CAZACU, *doctor în științe economice, conferențiar universitar,
IRIM*

Rezumat

Cercetarea activității întreprinderilor mici și mijlocii în ultimele decenii atrage atenția nu doar a savanților, ci și a funcționarilor de stat, implicați în procesul reglementării și susținerii afacerilor, precum și a reprezentanților comunității de afaceri. Importanța IMM este determinată, în primul rând, de importanța sarcinilor, pe care acestea sunt capabile de a le soluționa în economie și în alte sfere ale activității sociale. În particular, IMM contribuie la dezvoltarea concurenței; reacționează flexibil la cererea ce se schimbă rapid; asigură, în mare măsură, ocuparea forței de muncă, inclusiv în condițiile de criză; oferă oportunități pentru autorealizarea cetățenilor; creează premise pentru formarea clasei de mijloc, care asigură stabilitate în societate. Concomitent IMM contribuie la crearea proprietății private, elaborează și implementează inovații, participă la export și atrag investiții.

Cuvinte-cheie: întreprinderi mici și mijlocii, Parlamentul European, programul Orizont 2020, Corporații financiare a IMM

THE TRENDS OF DEVELOPMENT AND THE MAIN FEATURES OF STATE POLICY ON SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN NATIONAL AND INTERNATIONAL CONTEXT

Abstract

The research activity of small and medium enterprises in recent decades gains not only scientists' attention but also government officials' views involved in the regulation and business support, as well as business community representatives. The importance of SMEs is determined, firstly, by the importance of the tasks that they are able to resolve in the economy and other spheres of social activity. In particular, SMEs contribute to the development of competition; react flexibly to rapidly changing demand; provide, largely, employment, including in crisis conditions; provide opportunities for citizens' self-realization; create pre-requisites for the formation of the middle class, which ensures stability in society. Simultaneously SMEs contribute to the creation of private property, develop and implement innovations, participate in export and attract investment.

Keywords: *small and medium enterprises, European Parliament, Horizon 2020 program, SMEs' financial corporations*

Uniunea Europeană consideră că întreprinderile sunt cel mai important factor de creștere economică și de aceea politica UE se adresează întregului mediu de afaceri și are ca scop încurajarea și facilitarea înființării de noi întreprinderi pe fondul unui mediu de afaceri cât mai dinamic, în care fiecare întreprindere să beneficieze de acces efectiv la piețele de produse și servicii din Europa și din afara Europei. Urmărind cronologia evenimentelor, sunt evidențiate programele inițiate de UE pentru sprijinirea IMM începând cu primul Program comunitar de acțiune în domeniul IMM (1983), parcurgând câteva aspecte legate de Strategia de la Lisabona, momentul Small Business Act și încheind cu Strategia Europa 2020.

Încă din 1983, Parlamentul European a proclamat „Anul întreprinderilor mici și mijlocii și al artizanatului”, lansând o serie de inițiative pentru a încuraja dezvoltarea acestora. De atunci, Parlamentul și-a demonstrat în mod constant angajamentul față de încurajarea dezvoltării IMM europene. De exemplu:

În iunie 2010, Parlamentul a adoptat o rezoluție referitoare la politica comunitară în materie de inovare într-o lume în schimbare. În această rezoluție, Parlamentul subliniază nevoia de a crea condiții pentru o mai bună disponibilitate

a capitalului de risc pentru IMM. Parlamentul solicită dezvoltarea unor instrumente de finanțare a IMM, cum sunt microcreditele, capitalul de risc pentru cei dornici să investească în întreprinderi inovatoare, precum și „investitorii providențiali” dornici să sprijine proiecte de afaceri concepute de tineri cercetători. Parlamentul a invitat statele membre și Comisia să creeze stimulente fiscale, financiare, economice și administrative pentru investiții.

În martie 2011, Parlamentul European a adoptat o Rezoluție referitoare la o politică industrială pentru era globalizării. Printre altele, Parlamentul invită Comisia să continue aplicarea Small Business Act pentru a reduce sarcinile administrative impuse IMM și pentru a asigura un acces la finanțare mai bun al acestora. Parlamentul solicită și o actualizare a definiției IMM pentru a se asigura o mai mare flexibilitate în sectoarele industriale specifice. De asemenea, Parlamentul invită Comisia să sporească participarea IMM la programele-cadru pentru cercetare și dezvoltare.

În mai 2011, Parlamentul European a adoptat o Rezoluție referitoare la revizuirea „Small Business Act”. În aceasta, printre altele, Parlamentul solicită statelor membre să adopte fără întârziere ultima propunere care a rămas referitoare la statutul societății private europene. De asemenea, Parlamentul își exprimă preocuparea cu privire la faptul că testul IMM nu a fost aplicat în mod corespunzător și consecvent în toate noile propuneri legislative, în special la nivel național. În plus, Parlamentul atenționează statele membre cu privire la pericolul supra-reglementării, care se traduce printr-o depășire a cerințelor legislației UE la transpunerea directivelor europene în dreptul intern.

În octombrie 2012, Parlamentul a adoptat o „Rezoluție referitoare la întreprinderile mici și mijlocii: competitivitate și oportunități de afaceri”. În această rezoluție, Parlamentul evidențiază o serie de domenii, inclusiv reducerea sarcinilor administrative, sprijinirea competitivității și a creării de noi locuri de muncă, înființarea întreprinderilor noi și accesul la informație și la finanțare.

În ianuarie 2014, Parlamentul a adoptat o Rezoluție referitoare la reindustrializarea Europei în vederea promovării competitivității și a durabilității, în care subliniază importanța IMM în economia UE și solicită sprijin și asistență specifice pentru IMM.

Programul pentru competitivitatea întreprinderilor și a întreprinderilor mici și mijlocii (COSME) a fost propus de Comisie în noiembrie 2011. În noiembrie 2013, Parlamentul European a aprobat cadrul financiar multianual, alocând programului COSME un buget de 2,3 miliarde EUR (la prețurile din 2013). COSME își desfășoară majoritatea activităților în cadrul actualului program CIP și urmărește, așadar, următoarele obiective generale:

· Îmbunătățirea accesului ÎMM la finanțarea sub formă de capitaluri proprii și datorii; un mecanism de capitaluri proprii pentru investițiile din faza de creștere, precum și un mecanism de garantare a împrumuturilor, care va oferi ÎMM servicii directe sau indirecte de partajare a riscurilor cu intermediari financiari pentru a acoperi împrumuturile; o contribuție de 1,4 miliarde EUR din bugetul COSME este destinată instrumentelor financiare.

· Îmbunătățirea accesului la piețe, atât pe teritoriul Uniunii, cât și la nivel mondial; furnizarea unor servicii de sprijin pentru întreprinderi orientate înspre creșterea economică prin intermediul Rețelei întreprinderilor europene pentru a facilita extinderea activității atât pe piața unică, cât și în afara UE.

· Promovarea antreprenoriatului: activitățile vor include dezvoltarea competențelor și a atitudinilor antreprenoriale, în special în rândul noilor antreprenori, al tinerilor și al femeilor.

Potrivit Comisiei, se preconizează că programul va ajuta anual 39000 de întreprinderi să creeze sau să păstreze 29500 de locuri de muncă și să lanseze 900 de noi produse, servicii sau procese comerciale.

Cercetarea și inovarea sunt cruciale pentru succesul durabil și pentru dezvoltarea sustenabilă a ÎMM în UE. Programul Orizont 2020 pentru perioada 2014-2020 urmărește crearea unui mediu mai bun și mai complet de sprijin al activităților de cercetare și inovare ale ÎMM. Ar trebui să se poată obține o simplificare semnificativă printr-un singur set de norme. Ca parte a acestei abordări, ÎMM vor fi încurajate să participe printr-un nou instrument specific pentru ÎMM care vizează acoperirea deficiențelor de finanțare pentru activitățile de cercetare și inovare timpurii și de mare risc ale ÎMM. Programul Eurostars, gestionat de EUREKA, asigură și el sprijin pentru ÎMM europene care pun un accent puternic pe cercetare și inovare.

În majoritatea țărilor dezvoltate, activitatea de succes a ÎMM din întreaga lume se datorează suportului din partea statului.

Spre exemplu, în SUA sistemul de suport de stat al ÎMM include suport financiar: prezența a diverselor surse disponibile de capital de risc. Conținutul de bază al politicii inovării de stat cu privire la micul business este reglementarea fluxurilor financiare, menite să faciliteze accesul firmelor mici la sursele de finanțare. Pot fi evidențiate două domenii: subvenții direcționate de la buget (prin intermediul agențiilor și departamentelor federale), precum și atragerea capitalului privat la finanțarea activităților de inovare a firmelor mici. Finanțarea direcționată de la buget este realizată sub formă de subvenții nerambursabile prin furnizarea de credite preferențiale, cât și a contractelor de dezvoltare a noilor produse și tehnologii. Circa o treime din

cheltuielile firmelor mici și mijlocii pentru dezvoltare și cercetare într-o formă sau alta este finanțată de către stat.

Programul de subvenții nerambursabile este realizat în general de două agenții federale: Administrarea Micului Business (Small Business Administration - SBA) și Fondul Național a Științei (National Science Foundation - NSF). Programul de acordare a creditelor concesionale este realizat de SBA sub forma împrumuturilor directe, cote de participare în împrumuturi de la băncile comerciale și garantarea împrumuturilor băncilor comerciale. Împrumuturile directe se realizează de SBA din surse proprii de creditare. Mărimea împrumutului nu depășește 150 000 USD, rata maximală a dobânzii constituie 7%. Împrumuturile se acordă pe un termen de: până la 6 ani pentru cheltuielile curente, până la 20 ani pentru achiziționarea echipamentului, terenurilor și construcțiilor, până la 30 ani pentru restabilirea întreprinderilor afectate de calamități naturale.

Al doilea domeniu de bază a politicii de inovare de stat în ceea ce privește micul business de inovare, realizat la nivelul guvernului federal, este atragerea capitalului privat pentru finanțare. Acesta este realizat în mare parte prin companiile de capital de risc, care au cunoscut o răspândire largă la sfârșitul secolului XX. În prezent, în SUA activează trei tipuri de companii de capital de risc: corporative (filiale ale corporațiilor mari); independente și companii private de inovare ale micului business, care activează sub auspiciile SBA. Capitalul de risc este plasat sub forma capitalului statutar. Acest lucru înseamnă că investitorii devin acționarii întreprinderilor mici și mijlocii de inovare, și în funcție de cota de participare au drept la profit. Cota de participare a companiilor de capital de risc în firme mici și mijlocii rareori depășește 50%.

În SUA se utilizează condiții preferențiale de impozitare a micului business (în special cel de inovare), luând în considerare necesitățile specifice ale acestuia. În ceea ce privește prestațiile de amortizare, firmele mici și mijlocii sunt autorizate să utilizeze metoda amortizării accelerate (deducerea costului capitalului propriu în rate inegale sau simultan pe parcursul perioadei de amortizare).

În Japonia există patru centre de reglementare și stimulare a IMM: guvernul central; autoritățile locale; businessul mare; asociații independente a micului business. Pentru suportul de stat al micului business a fost creat Oficiul întreprinderilor mici și mijlocii în cadrul Ministerului Comerțului Extern și a Industriei. Atât autoritățile administrației publice centrale, cât și autoritățile locale promovează formarea și dezvoltarea MB prin intermediul împrumuturilor, garanții de creditare, stimulente fiscale, training-uri pentru

personal și facilitarea accesului la informație. În afară de aceasta, ÎMM beneficiază de ajutor financiar nerambursabil numai la realizarea programelor tehnico-științifice, cum ar fi:

- ridicarea nivelului tehnic al producției (finanțate de către guvernul central și autoritățile locale);
  - perfecționarea tehnologiei de producție în industria alimentară (finanțată de către guvernul central);
  - dezvoltarea tehnicii și tehnologiilor noi, în comun cu universități și instituții științifice și de cercetare de stat (finanțată de către guvernul central).
- Într-un sens mai larg, cu o rată preferențială a dobânzii, se pot acorda împrumuturi pentru următoarele proiecte:
- dezvoltarea a noi tipuri de bunuri și tehnologii (finanțat de către autoritățile locale);
  - dezvoltarea a noi tipuri de producție și tehnică (finanțate de către guvernul central);
  - revigorarea întreprinderilor mici și mijlocii pentru dezvoltarea economică a unor regiuni individuale (finanțate de către guvernul central);
  - promovarea cooperării de producție și tehnice între întreprinderile MB (finanțat de către guvernul central).

Un rol major în furnizarea asistenței financiare ÎMM îi revine Corporației financiare a ÎMM în Japonia. Aceasta oferă acestor întreprinderi împrumuturi (pe un termen mai mare de un an) în condiții preferențiale pentru majorarea capitalului de bază și cel curent. Pentru creditarea companiilor mici și mijlocii este creată Corporația financiară națională a Japoniei. Cu o rețea extinsă de camere de comerț (peste 500 la nivel național), ea oferă anual împrumuturi de aproape 500 mld yen. În Japonia mai există încă o instituție specializată - banca „Soko-Chukin”, care finanțează activitatea cooperativelor și ÎMM. În cele din urmă, pentru finanțarea unor programe prioritare în domeniul restructurării ÎMM, protecția mediului înconjurător, dezvoltarea industriilor de economisire a energiei, Corporația financiară a Japoniei și Corporația financiară națională acordă credite în condiții și mai favorabile.

Se poate menționa, că statul asigură garantarea și asigurarea creditelor acordate ÎMM prin intermediul „sistemului de creditare publică suplimentară”. Cu ajutorul acestui sistem este asigurat fluxul de capital de la instituții financiare comerciale către companiile ÎMM. Un element important în suportul financiar al ÎMM îl constituie împrumuturile și creditele, acordate pentru asistență direcționată, care se află într-o situație financiară nefavorabilă din cauza unor factori obiectivi.

În țările europene, interesele IMM sunt reprezentate, de regulă, de către secții sau departamente speciale în incinta ministerelor economiei sau ministerelor comerțului și a industriei. În așa mod, spre exemplu, în Marea Britanie pe lângă Ministerul comerțului și a industriei a fost creat „Serviciul firmelor mici și mijlocii”. Ea acordă asistență întreprinzătorilor mici și mijlocii în organizarea unei afaceri proprii, obținerea creditelor, încheierea contractelor, trainingul personalului și servicii de consultanță. Acest serviciu deține filiale locale pe tot teritoriul țării. O atenție sporită se acordă la pregătirea cadrelor pentru IMM, sunt create numeroase școli de business, unde participanții studiază problemele generale ale economiei și elementele de bază în crearea de afaceri personale.

În Germania IMM obțin asistență financiară prin intermediul Băncii garanțiilor de credite și corporațiile creditare regionale. Din anul 1990, cu scopul de a revigora MB pe teritoriul fostei RDG se realizează Programul federal de subvenție a firmelor mici și mijlocii, care prevede creșterea cotei mijloacelor proprii în capitalul statutar.

Europa 2020 reprezintă strategia UE de creștere economică pentru următorii zece ani.

Într-o lume aflată în permanentă schimbare, UE dorește să devină o economie inteligentă, durabilă și favorabilă incluziunii. Aceste trei priorități se sprijină reciproc și sunt în măsură să ajute UE și statele membre să obțină un nivel ridicat de ocupare a forței de muncă, de productivitate și de coeziune socială. În practică, Uniunea a stabilit cinci obiective majore – privind ocuparea forței de muncă, inovarea, educația, incluziunea socială și mediul/energia - care urmează să fie îndeplinite până în 2020. Statele membre au adoptat propriile lor obiective naționale în aceste domenii. Diverse acțiuni la nivel european și național vin în sprijinul Strategiei.

Europa 2020 propune trei priorități care se susțin reciproc:

- creștere inteligentă: dezvoltarea unei economii bazate pe cunoaștere și inovare;
- creștere durabilă: promovarea unei economii mai eficiente din punctul de vedere al utilizării resurselor, mai ecologice și mai competitive;
- creștere favorabilă incluziunii: promovarea unei economii cu o rată ridicată a ocupării forței de muncă, care să asigure coeziunea socială și teritorială.

UE trebuie să definească direcția în care vrea să evolueze până în anul 2020. În acest scop, Comisia propune următoarele obiective principale pentru UE:

- 75% din populația cu vârsta cuprinsă între 20 și 64 de ani ar trebui să aibă un loc de muncă;

- 3% din PIB-ul UE ar trebui investit în cercetare-dezvoltare (C-D);
- obiectivele „20/20/20” în materie de climă/energie ar trebui îndeplinite (inclusiv o reducere a emisiilor majorată la 30%, dacă există condiții favorabile în acest sens);
- rata abandonului școlar timpuriu ar trebui redusă sub nivelul de 10% și cel puțin 40% din generația tânără ar trebui să aibă studii superioare;
- numărul persoanelor amenințate de sărăcie ar trebui redus cu 20 de milioane.

Aceste obiective sunt interconectate și sunt cruciale pentru reușita generală. Pentru a garanta că fiecare stat membru adaptează strategia Europa 2020 la situația sa specifică, Comisia propune ca aceste obiective ale UE să fie transpuse în obiective și traiectorii naționale.

Obiectivele sunt reprezentative pentru cele trei priorități – o creștere inteligentă, durabilă și favorabilă incluziunii - dar nu sunt exhaustive: pentru a sprijini realizarea acestora, va fi necesară întreprinderea unei game largi de acțiuni la nivelul național, al UE și internațional. Comisia prezintă șapte inițiative emblematice pentru a stimula realizarea de progrese în cadrul fiecărei teme prioritare:

- „Uniune a inovării” pentru a îmbunătăți condițiile-cadru și accesul la finanțările pentru cercetare și inovare, astfel încât să se garanteze posibilitatea transformării ideilor inovatoare în produse și servicii care creează creștere și locuri de muncă.
- „Tineretul în mișcare” pentru a consolida performanța sistemelor de educație și pentru a facilita intrarea tinerilor pe piața muncii.
- „O agendă digitală pentru Europa” pentru a accelera dezvoltarea serviciilor de internet de mare viteză și pentru a valorifica beneficiile pe care le oferă o piață digitală unică gospodăriilor și întreprinderilor.
- „O Europă eficientă din punctul de vedere al utilizării resurselor” pentru a permite decuplarea creșterii economice de utilizarea resurselor, pentru a sprijini trecerea la o economie cu emisii scăzute de carbon, pentru a crește utilizarea surselor regenerabile de energie, pentru a moderniza sectorul transporturilor și a promova eficiența energetică.
- „O politică industrială adaptată erei globalizării” pentru a îmbunătăți mediul de afaceri, în special pentru IMM, și a sprijini dezvoltarea unei baze industriale solide și durabile în măsură să facă față concurenței la nivel mondial.
- „O agendă pentru noi competențe și noi locuri de muncă” pentru a moderniza piețele muncii și a oferi mai multă autonomie cetățenilor, prin

dezvoltarea competențelor acestora pe tot parcursul vieții în vederea creșterii ratei de participare pe piața muncii și a unei mai bune corelări a cererii și a ofertei în materie de forță de muncă, inclusiv prin mobilitatea profesională.

· „Platforma europeană de combatere a sărăciei” pentru a garanta coeziunea socială și teritorială, astfel încât beneficiile creșterii și locurile de muncă să fie distribuite echitabil, iar persoanelor care se confruntă cu sărăcia și excluziunea socială să li se acorde posibilitatea de a duce o viață demnă și de a juca un rol activ în societate.

Aceste șapte inițiative emblematică vor angaja atât UE, cât și statele membre. Instrumentele UE, în special piața unică, ajutoarele financiare și instrumentele de politică externă, vor fi mobilizate pentru eliminarea blocajelor și îndeplinirea obiectivelor strategiei Europa 2020. Ca prioritate imediată, Comisia identifică măsurile care trebuie luate pentru a defini o strategie credibilă de ieșire din criză, pentru a continua reforma sistemului financiar, pentru a asigura consolidarea bugetară pentru o creștere pe termen lung și pentru a întări coordonarea în cadrul Uniunii economice și monetare.

Ce ține de sprijinul instituțional și guvernamental privind programele de asistență a IMM, precum și instituțiile ce oferă asistență IMM în unele țări putem menționa:

România: Agenția Națională pentru Întreprinderi Mici și Mijlocii și Cooperatie (ANIMMC) înființată prin Hotărârea de Guvern nr. 753 din 3 iulie 2003, preluând întreaga structură organizatorică, atribuțiile și funcțiile Ministerului pentru Întreprinderile Mici și Mijlocii și Cooperatie. Alte ministere și agenții care influențează direct sau indirect sectorul IMM sunt Ministerul de Afaceri Străine și Centrul Român de Comerț Exterior, Agenția de Investiții Străine (AIS), Ministerul Dezvoltării și Prognozării (MDP).

Consiliul Național pentru Întreprinderi Mici și Mijlocii din România (CNPIMMR) este singura organizație pentru IMM ce activează prin întreaga țară. Fondată în 1992, are peste 60000 companii membre, 75 filiale și 23 organizații asociate la nivel local. Camera de Comerț și Industrie a României joacă un rol important în sectorul IMM din România, prin oferirea unui spectru larg de servicii de instruire și asistență atât pentru IMM, precum și pentru angajații din cele peste 41 de birouri din țară.

De asemenea există o rețea extensivă de prestatori de servicii de afaceri în România care a fost creată în mare parte din fondurile organizațiilor internaționale Programul Națiunilor Unite de Dezvoltare, UE etc. care prestează o gamă mare de servicii, printre care: servicii de consultanță pentru întreprinderi, asistență pentru întreprinderi în pregătirea planului de afaceri,

furnizarea de servicii, instruire, seminare, servicii aferente investițiilor și comerțului, servicii de consultanță pentru generarea veniturilor etc.

Totodată, putem menționa programele finanțate de stat și alți finanțatori din România: Programul pentru informarea și educarea comercianților, Programul de instruire profesională, Programul CURAS de creștere a nivelului calitativ al asigurărilor din sectorul IMM, Programe naționale multianuale pentru constituirea și dezvoltarea incubatoarelor de afaceri și tehnologie, Programul de asistență pentru dezvoltarea IMM din industria alimentară în cooperare cu Organizația de Dezvoltare Industrială a Națiunilor Unite.

Ucraina: Comitetul de stat privitor la politicile de reglementare și antreprenoriat; Ministerul Economiei și Integrării responsabili de politicile economice, precum și de sectorul IMM; Consiliul Public de pe lângă Comitetul de Stat privitor la politicile de reglementare și antreprenoriat; consiliul de organizare a antreprenoriatului pe lângă Comitetul de Stat de Dezvoltare Economică și Consiliul Antreprenorial pe lângă Cabinetul Miniștrilor, precum și alte organizații și instituții care sunt implicate direct sau indirect în susținerea micului business, printre care Camera de Comerț și Industrie a Ucrainei, Fondul de Stat Ucrainean pentru Asistență Antreprenorială, Liga Ucraineană a Antreprenorilor și Industrialiștilor.

În Ucraina există programe anuale de dezvoltare a IMM. Ele conțin mai multe măsuri organizatorice și logistice aproape fără alocări financiare de la bugetul de stat. Principalele obiective ale programelor sunt îmbunătățirea cadrului reglator infrastructurii de susținere a businessului mic. Principalele documente de susținere a IMM sunt Programul Național de Susținere a Micului Business și Programe regionale. Aceste programe sunt mai mult niște instrumente cadru în care se stabilesc principalele direcții de acțiune: perfecționarea legilor și reglementărilor care sunt aplicate în activitățile antreprenoriale, sporirea asistenței financiare de împrumut și investiționale pentru IMM, facilitarea dezvoltării infrastructurii IMM, implementarea politicilor de asistență regională pentru IMM.

Slovacia: Agenția Națională pentru Dezvoltarea IMM, care a fost fondată ca o inițiativă comună a programului PHARE a UE și a Guvernului Republicii Slovace, cea mai importantă misiune a agenției fiind inițierea dezvoltării și creșterii întreprinderilor mici și mijlocii existente și noi formate din Slovacia. Agenția coordonează toate activitățile orientate spre oferirea asistenței IMM, inclusiv și financiară la nivel local, național și internațional. Agenția Slovacă de Dezvoltare a Comerțului și Investițiilor este responsabilă de îndeplinirea nemijlocită a activităților legate de

promovarea investițiilor și a exportului. De asemenea, putem specifica Banca de Garantare și Dezvoltare, Instituțiile de Stat Financiare, Fondul de Promovare a Comerțului Exterior și o rețea de centre antreprenoriale care constau din 13 centre de informare și consultanță regională (CICR), 5 centre de afaceri și inovații (CAI), 9 centre de contact (CC), 3 business incubatoare (BI) și 2 centre europene de informare.

Printre programele de asistență putem menționa: Programul de Consiliere pentru IMM, Programul de Instruire pentru IMM, Programul de instruire și consiliere pentru grupe selectate de indivizi interesate în afaceri, Business Incubatoare, Program de Asistență prin Împrumuturi, Programe de Microcredite etc. Principalele direcții ale Guvernului de sprijinire a IMM sunt axate pe informare și consultanță, transferul de tehnologii, pregătirea cadrelor, creșterea competitivității, facilitarea accesului la credite și susținerea noilor afaceri. O bună parte din programe se efectuează împreună cu programele UE și alte instituții internaționale.

Lituania: Ministerul Economiei a Republicii Lituaniene care este responsabil de sectorul IMM, Agenția de Dezvoltare a Lituaniei pentru IMM (SMEDA) care a fost fondată în 1996 ca o organizație non-profit ce are ca scop să creeze condiții favorabile pentru dezvoltarea IMM, în 1997 fiind recunoscută ca o instituție publică, cu misiunea de a dezvolta businessul mic și mijlociu prin promovarea și încurajarea întreprinderilor competitive. Alte organizații cu responsabilități ce afectează direct sau indirect IMM sunt Agenția Lituaniană de Dezvoltare (ALD), INVEGA – instituția garant, cu scop de a rezolva problemele legate de finanțarea a dezvoltării afacerilor, Agenția de asigurare a creditelor Asigurarea Importului și Exportului Lituaniene (LEID), Consiliul Permanent al IMM, care a fost fondat în 2001 pentru a asigura un dialog deschis între Guvern și reprezentanții mediului de afaceri în ceea ce privește măsurile de asistență a afacerilor. Guvernul lituanian implementează programe de suport pentru IMM din resursele proprii pe lângă resursele UE și altor finanțatori.

În *Bulgaria* cea mai importantă instituție în domeniul IMM este Agenția pentru IMM, ce are ca scop implementarea politicii de stat în ceea ce privește dezvoltarea IMM, iar programele de susținere din bugetul statului sunt insuficiente și au o pondere mică în comparație cu fondurile internaționale.

Concluzii: Experiența țărilor dezvoltate demonstrează avantajele incontestabile de dezvoltare a businessului mic și mijlociu, în comparație cu întreprinderile mari. Printre acestea pot fi menționate: proximitatea față de piețele locale și adaptarea la cererea consumatorilor (atât piața de consum,

cît și piața producătorilor, dar și pe cele străine), producția bunurilor în loturi mici (pentru întreprinderile mari acest fapt nu este rentabil), eliminarea nivelurilor suplimentare de conducere ș. a. În plus, dezvoltarea procesului de producție a întreprinderilor MB creează condiții favorabile pentru consolidarea economiei: dezvoltarea unui mediu de afaceri, crearea unor noi locuri de muncă, dezvoltarea sectorului de consum. În consecință, extinderea și dezvoltarea IMM contribuie la saturarea pieței cu mărfuri, creșterea capacității de export, utilizarea eficientă a materiei prime autohtone.

Referințe bibliografice

1. Date ale Organizației pentru Dezvoltarea Sectorului Întreprinderilor Mici și Mijlocii // <http://www.odimm.md/> (accesat 28.10. 2016)
2. Date oficiale ale Bancii Naționale a Moldovei // <https://www.bnm.md/> (accesat 03. 11. 2016)
3. Date oficiale ale Ministerului Finanțelor al R. Moldova // <http://www.mf.gov.md/> (accesat 15. 11. 2016)
4. Date statistice în Europa // <http://ec.europa.eu/eurostat> (accesat 01. 11. 2016)
5. Date statistice privind activitatea întreprinderilor mici și mijlocii în R. Moldova// www.statistica.md (accesat 26. 11. 2016)
6. Datele oficiale ale Ministerului Economiei al R. Moldova // <http://www.mec.gov.md/> (accesat 15. 11. 2016)
7. Landström H. 1997 Award Winner. Arnold C. Cooper's Contributions to Entrepreneurship and Small Business Research. Global Award for Entrepreneurship Research. Disponibil: http://www.e-award.org/web/1997_Arnold_C_Cooper.aspx. (accesat 20. 11. 2016)
8. Studiului Enterprise Surveys (Sondaje ale întreprinderilor), realizate de către Banca Mondială și CFI, <http://www.enterprisesurveys.org/> (vizitat 21. 11. 2016)
9. World Bank. Doing Business 2014. Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2014>. (vizitat 25. 11. 2016).

ASISTENȚA MISIUNII EUBAM ÎN IMPLEMENTAREA CONCEPTULUI DE MANAGEMENT INTEGRAT AL FRONTIEREI LA NIVEL NAȚIONAL ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Ludmila GOLOVATAIA, *doctor în științe economice, conferențiar
universitar, IRIM*

Rezumat

Articolul este dedicat interacțiunii dintre Moldova și Ucraina în domeniul securității frontierelor, cu asistența UE în punerea în aplicare a conceptului de management integrat al frontierei. De asemenea, în articol sunt reflectate rezultatele Misiunii Uniunii Europene de Asistență la Frontieră în Moldova și planurile pentru noua etapă a activităților misiunii în regiune.

Cuvinte-cheie: *Misiunea de Asistență la Frontieră a Uniunii Europene în Moldova și Ucraina, cooperare transfrontalieră, securitate națională, reglementări de frontieră, reglementări vamale, norme de comerț transfrontalier*

THE ASSISTANCE OF EUBAM MISSION TO MOLDOVA IN THE IMPLEMENTATION OF THE INTEGRATED BORDER MANAGEMENT CONCEPT AT NATIONAL LEVEL

Abstract

The article is devoted to the interaction of Moldova and Ukraine in the field of border security, with the assistance of the EU in the implementation of the Integrated Border Management concept. In addition, the article reflects the results of the European Union Border Assistance Mission to Moldova; outlines plans for new phase of the Mission's activities in the region.

Keywords: *European Union Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine, cross-border cooperation, security, border regulations, customs regulations, trade rules*

СОДЕЙСТВИЕ МИССИИ EUBAM МОЛДОВЕ ВО ВНЕДРЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ ГРАНИЦАМИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация

Статья посвящена взаимодействию Молдовы и Украины в обеспечении безопасности границ, при содействии Европейского Союза в реализации концепции интегрированного управления границами. Кроме того, в статье отражены результаты помощи Миссия Европейского Союза по приграничной помощи Молдове и планы на следующий этап деятельности миссии в регионе.

Ключевые слова: *Миссия Европейского Союза по приграничной помощи Молдове и Украине, трансграничное сотрудничество, национальная безопасность, пограничные нормы, таможенные нормы, правила трансграничной торговли*

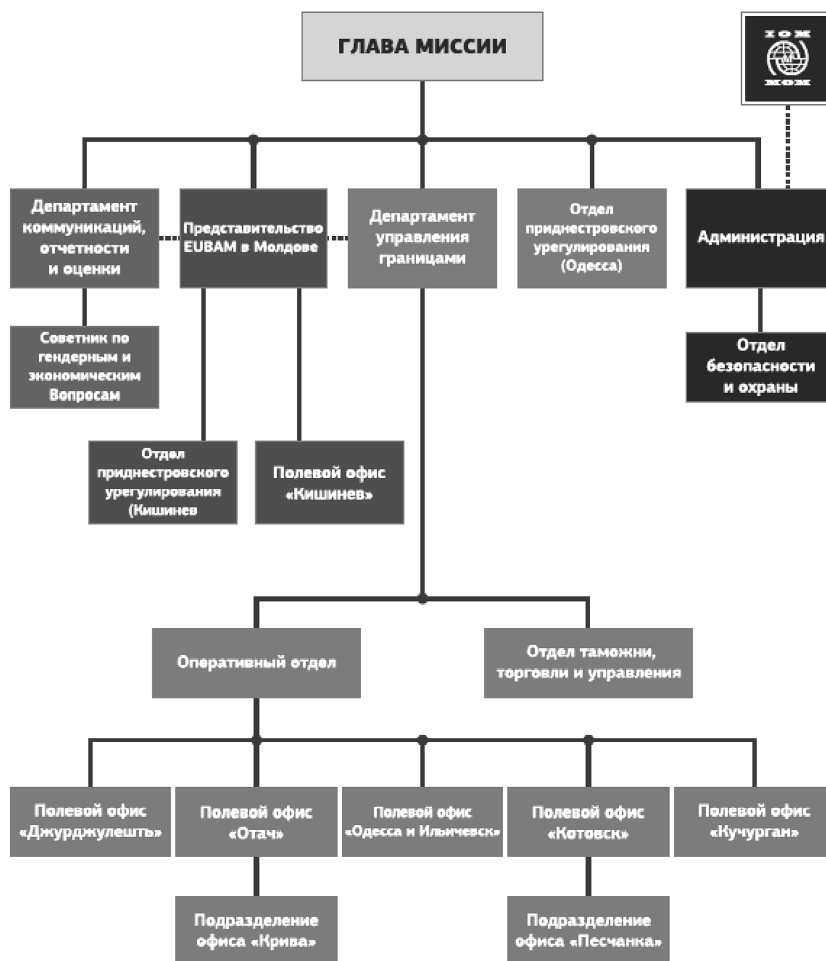
Ни одна страна не может обеспечить безопасность без сотрудничества с соседями и другими странами региона. Это понимают, как руководители Молдовы и Украины, так и Европейского Союза. Именно по этому, по приглашению двух стран в 2005 году Европейский Союз направил в Молдову и Украину большую группу экспертов. Они должны были помочь обеим странам обеспечивать безопасность и экономическое развитие региона, применяя европейские стандарты в управлении границами. Так появилась Миссия Европейского Союза по приграничной помощи Молдове и Украине. Перед Миссией также стояла задача способствовать международным усилиям по мирному разрешению Приднестровского Конфликта.

Это консультативная техническая Миссия со штаб-квартирой в Одессе (Украина) и шестью полевыми офисами в зоне ответственности. Миссия начала свою работу в соответствии с Меморандумом о Взаимопонимании, подписанном 7 октября 2005 г. В этом документе описаны условия сотрудничества Миссии с ее партнерами из Молдовы и Украины. Миссия содействует внедрению пограничных, таможенных и торговых норм и практики, которые соответствуют стандартам ЕС и потребностям Молдовы и Украины. Мандат миссии продлевался в 2007, 2009, 2011, 2015 гг. и ныне действителен до конца 2017 г.

Цели Миссии заключаются в следующем:

- работать вместе с соответствующими ведомствами в Молдове и Украине над приведением их стандартов и процедур управления границами, таможенного дела и торговли в соответствие с теми, которые действуют в государствах-членах ЕС;
- улучшать трансграничное сотрудничество между пограничными и таможенными ведомствами и с другими правоохранительными органами, а также содействовать координации международного сотрудничества;
- оказывать своим партнерам помощь в подготовке к реализации требований Соглашений об Ассоциации между ЕС и Молдовой, а также ЕС и Украиной и к созданию в будущем Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли;
- вносить свой вклад в мирное урегулирование приднестровского конфликта с помощью мер по укреплению доверия и своего присутствия на приднестровском участке молдавско-украинской границы с целью мониторинга. [VVV]

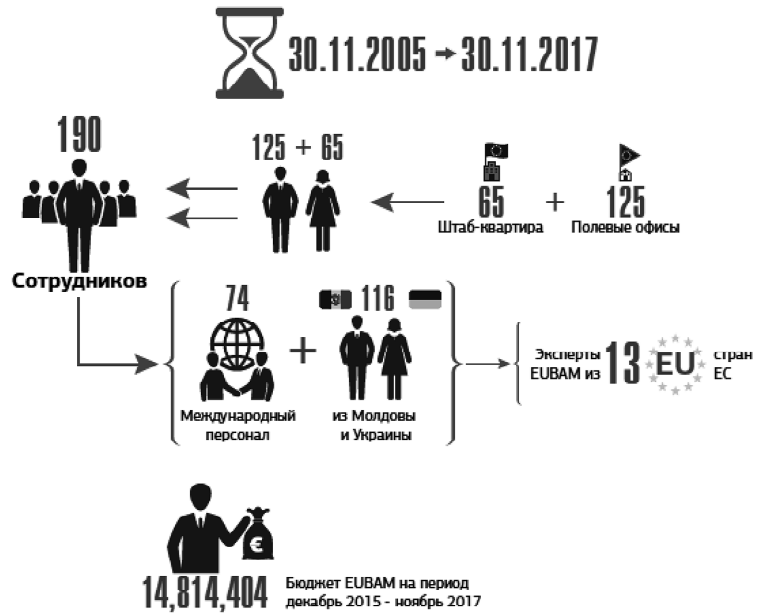
СТРУКТУРА МИССИИ,
ДЕКАБРЬ 2015 – НОЯБРЬ 2016

В 2014 году Молдова и Украина подписали Соглашения об Ассоциации с ЕС. С этого момента началась новая стадия развития двухсторонних отношений ЕС с этими двумя странами. Стадия, направленная на политическую ассоциацию и экономическую интеграцию.

Помощь Миссии распространяется на требованиях, связанных с вопросами управления границами. Это и формирование правовой базы и институциональные возможности для борьбы с таким трансграничным правонарушением, как контрабанда, а также сотрудничество с ЕС в сфере миграции, предоставления убежища и управления границами.

EUBAM В ЦИФРАХ НА 1 ДЕКАБРЯ 2015³

Для достижения Интегрированного управления границами Молдове необходимо активно участвовать во всех процедурах внутриведомственного, межведомственного и международного сотрудничества.

Миссия EUBAM оказывает помощь РМ в согласовании законодательства, обеспечивает передачу навыков специалистам, работающим на границе, помогает ведомствам в разработке процедур, в развитии инфраструктуры. Все это способствует борьбе с трансграничной преступностью, связанной с миграцией, предоставлением убежища и др.

В рамках Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (УВЗСТ) Миссия EUBAM является частью объединенных усилий ЕС по оказанию помощи двум странам в выполнении обязательных требований (правил), связанных с торговлей и бизнесом, указанных в разделе IV Соглашения об Ассоциации («Торговля и вопросы, связанные с торговлей»).

В 2015 году была учреждена Рабочая группа Миссии по содействию торговле (РГСТ). Эта группа создана в качестве платформы для связи и сотрудничества между соответствующими национальными правительственными органами, национальными бизнес-структурами и ключевыми международными партнерами по развитию, такими как USAID, АТП, Европейская Бизнес Ассоциация и Одесский Бизнес

Форум. С ее помощью Миссия EUBAM содействует Молдове и Украине (особенно таможенным ведомствам) в создании правовых инструментов, институциональной инфраструктуры и административных возможностей для выполнения изменений, обеспеченных высоким уровнем профессиональной честности. Это позволяет внедрять правовые инструменты, которые являются частью свода правил об УВЗСТ.

Хорошим примером работы по содействию торговле явился решительный шаг Молдовы (в мае 2015 года) сократить количество обязательных сопроводительных документов, необходимых для таможенного оформления импортных и экспортных грузов (с около 11 до трёх). Такая мера сокращает затраты субъектов экономической деятельности, улучшает международную торговую среду в соответствующей стране, усиливает конкурентоспособность и повышает рейтинг страны в Индексе легкости ведения бизнеса Всемирного банка. Она помогает подвигать отдельные страны как более привлекательные для ведения бизнеса.

Руководящим органом EUBAM является Консультативный Совет. Совет возглавляет Глава представительства ЕС в Украине, а состоит он из представителей Министерства иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова, Министерства иностранных дел Украины, таможенных и пограничных ведомств Молдовы и Украины, Европейской службы внешней деятельности, Европейской Комиссии, Международной организации по миграции (МОМ) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Некоторые учреждения имеют статус наблюдателей: Министерства внутренних дел и Министерства юстиции Молдовы и Украины, Служба информации и безопасности Молдовы, Служба безопасности Украины, Генеральные прокуратуры обеих стран, ПРООН и Консультативная Миссия ЕС по реформированию сектора гражданской безопасности в Украине (EUAM).

Главой Представительства ЕС в Украине является посол Ян Томбински. Под его председательством в 2015 году состоялись два заседания Консультативного Совета.

Первое заседание проходило в апреле в Одессе. На этом заседании была отмечена позитивная оценка помощи, которая была оказана двум правительствам в их подготовке к реализации Соглашений об Ассоциации и требований ЕС относительно Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (УВЗСТ). Кроме этого, была одобрена поддержка EUBAM обоим государствам, в сферах охраны границы,

либерализации визового режима и укрепления их институциональных и оперативных возможностей.

В ноябре 2015 года состоялось второе заседание. На нем Консультативный Совет поприветствовал назначение Эндрю Тесорьера на пост Главы EUBAM. Было отмечено, что обе страны направили в ЕС официальный запрос на продление Миссии. Совет утвердил план действий на следующую фазу (2015-2017). В ходе этого заседания Молдова и Украина подписали два важных соглашения о трансграничном сотрудничестве, инициатором которых выступила Миссия. Первым соглашением устанавливается совместный контроль в ППП «Первомайск-Кучурган» на приднестровском участке молдавско-украинской границы; второе соглашение касается автоматизированного обмена данными о пересечении границы между Молдовой и Украиной. Ожидается, что эти соглашения будут способствовать улучшениям в сфере торговли, безопасности и перемещения граждан в данном регионе в будущем. В следствие этих соглашений Пограничная Полиция Молдовы и Таможенная служба Молдовы оценили свои возможности для борьбы с контрабандой и незаконной миграцией с помощью совместных мобильных подразделений при поддержке надежной структуры и процедур анализа рисков как ключевых инструментов. Также была начата работа над созданием правовой базы, что поможет Молдове выполнять требования Плана действий по либерализации визового режима и ее Национальной стратегии по интегрированному управлению границами на 2015–2017 годы.

Углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли требует выполнение Таможенной службой Молдовы ряда требований. На втором совещании было подчеркнuto что, в течение года работа службы была отмечена стабильным прогрессом.

Миссия в Молдове тесно сотрудничает с проектом «BRITE», финансируемым США (регулирование предпринимательской деятельности, инвестирование и торговая среда в Молдове). За год в результате такого сотрудничества удалось оказать практическое содействие в проведении реформ, связанных с реализацией СоА/УВЗСТ. Конкретно, была внедрена концепция уполномоченных экономических операторов, пост-таможенных аудита и контроля, а также осуществлены другие меры по содействию торговле. Оказывая помощь Таможенной Службе Молдовы, EUBAM рекомендовала, а Правительство РМ постановило сократить количество обязательных сопроводительных

документов, необходимых для таможенного оформления с одиннадцати до трех. Эта мера резко улучшит условия для международной торговли в Молдове, снизит расходы на ведение бизнеса, позволив, при этом, повысить международную конкурентоспособность страны, и сделает таможенное оформление более предсказуемым.

Таможенная Служба Молдовы разработала пятилетнюю Стратегию по информационным технологиям (ИТ). Ощутимую помощь в этом оказала Миссия EUBAM, прикрепив к этой работе на три месяца, с августа по октябрь старшего консультанта по информационным технологиям. Задача заключалась в том, чтобы подготовить такую стратегию по ИТ, которая даст возможность Таможенной службе Молдовы достигать стратегических целей посредством спланированной и хорошо организованной модернизации. Кроме того, такая стратегия по ИТ создаст основание для развития принципов улучшения управления средой ИТ в целом, а также позволит сократить возможности коррупции внутри таможенной администрации и повысить эффективность благодаря снижению оперативных расходов. Не оставлена в стороне и борьба с контрабандой, и в особенности контрабандой табачной продукции. Выполняя требования УВЗСТ, борьба с контрабандистами обеспечивается путем усиления оперативных возможностей по проведению расследований и расширения необходимых межведомственных и международных сетей с целью достижения более эффективного противодействия. Борьба с контрабандой табачных изделий стала для Миссии одной из ведущих инициатив. Эта инициатива призвана наращивать и укреплять текущие усилия, направленные против незаконной торговли табачной продукцией. Основное внимание уделяется контрабанде сигарет, поскольку она представляет главный вызов для экономики и безопасности обеих стран и в то же время вызывает серьезные опасения в Европейском Союзе и его странах-членах. Совместно создан механизм обмена информацией, который позволит лучше противодействовать контрабанде табачных изделий в регионе и за его пределами. Этот механизм связывает таможенные администрации Беларуси, Грузии, Венгрии, Литвы, Молдовы, Польши, Румынии и Украины, а также SELEC и OLAF. В центре внимания будут находиться подозрительные перевозки сигарет, которые могут направляться на нелегальные табачные рынки стран-членов ЕС, Украины, Молдовы и государств Балканского региона.

Совместными усилиями правоохранительных органов Молдовы,

в частности Службы информации и безопасности РМ (СИБ РМ) и при поддержке EUBAM была ликвидирована в конце прошлого года международная сеть контрабанды табачных изделий. Уже в феврале общественности были предоставлены результаты. Контрабандная сеть, которая сформировалась вокруг табачной фабрики в Турине, оформляла фиктивные экспортные операции табачных изделий в Молдову с целью уклониться от уплаты таможенных пошлин и налогов. По подсчетам, данная схема стоила бюджету Италии более 90 миллионов евро. Были арестованы двадцать человек, принимавших участие в этой контрабандной схеме. Этот случай показал значимость сотрудничества в борьбе с организованной преступностью в европейском масштабе. Теперь между молдавским ведомством и их итальянскими партнерами и Европейским бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF) налажены тесные контакты, установлено сотрудничество и обмен информацией.

Свод таможенных стандартов ЕС, применение которого является одним из элементов Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли, включает в себя пять стратегических целей прав интеллектуальной собственности (ПИС). Они охватывают законодательство, функционирование, организацию и методы.

Молдова приняла План действий по реализации своей Национальной стратегии по защите ПИС до 2020 года и EUBAM будет продолжать работать с задействованными молдавскими ведомствами. Через регулярные и специализированные мероприятия Миссия доводит до партнеров новые практические умения, совершенствует их навыки и повышает уровень знаний, помогая тем самым партнерам создавать национальные, двухсторонние и международные сети, необходимые для защиты ПИС.

При участии всех партнеров на национальном уровне, представительств Международной организации по миграции в Молдове и Украине и Агентства Frontex, EUBAM подготовила «Совместный отчет о нелегальной миграции и торговле людьми на молдавско-украинской границе 2015 года». В отчете отражены обзоры нелегальной миграции и торговли людьми в Молдове и Украине в национальном и более широком, региональном, масштабах, а также выделяются новые тенденции. В отчете отмечается общая устойчивая тенденция нелегальной миграции. Соглашениями об Ассоциации предусмотрено, что Молдова и Украина должны продемонстрировать свои способности сотрудничать с ЕС в вопросах миграции, беженцев и управления границами.

В течение 2015 года Миссия реализовывала обширную программу по передаче партнерским службам знаний о профилировании потенциальных жертв торговли людьми. У Молдовы с Украиной теперь есть доступ к соответствующим базам данных ЕС, который позволяет им лучше противодействовать торговле людьми (например, к базе данных о поддельных проездных документах). Вместе с представителями Швеции Миссия работала над проектом по улучшению оперативных возможностей партнеров в борьбе с нелегальной миграцией.

В течение года EUBAM оказывала целенаправленную помощь в усилении мер безопасности и проведении операций по защите границы между Молдовой и Украиной с целью предотвратить контрабанду химических, биологических, радиоактивных и ядерных материалов, а также оружия и боеприпасов.

Риски незаконного перемещения оружия и боеприпасов, связанные с Приднестровьем, отслеживались службами, работающими на границе, при поддержке Европола, Национального агентства по регулированию ядерной и радиологической деятельности Молдовы и Государственной инспекции ядерного регулирования Украины в рамках Специальной группы по оружию под руководством EUBAM.

Миссия EUBAM постоянно отслеживает тенденции во внешней торговле Приднестровья. Ее эксперты обеспечивают мониторинг процедур таможенного оформления товаров, ввозимых в Приднестровье и вывозимых из него, и предоставляют таможене Молдовы рекомендации относительно таких процедур, обеспечивая при этом соблюдение международных обязательств, в том числе касающихся правил происхождения товаров.

Когда в сентябре 2014 года на территории Республики Молдова начала применяться УВЗСТ, распространение действовавшего до этого режима автономных торговых преференций (АТП) на Приднестровье осталось в силе для того, чтобы регион имел возможность и дальше пользоваться преимуществами беспошлинного доступа к рынку ЕС, даже не применяя положения УВЗСТ.

В следствие этих мер количество приднестровских экономических операторов, зарегистрированных в Кишиневе, возросло на 14% и достигло 1460. Стоимость товаров, экспортированных экономическими операторами Приднестровья в январе-ноябре 2015 года, снизилась на 23% (95 млн. долларов США) и составила 315,9 млн. долларов США

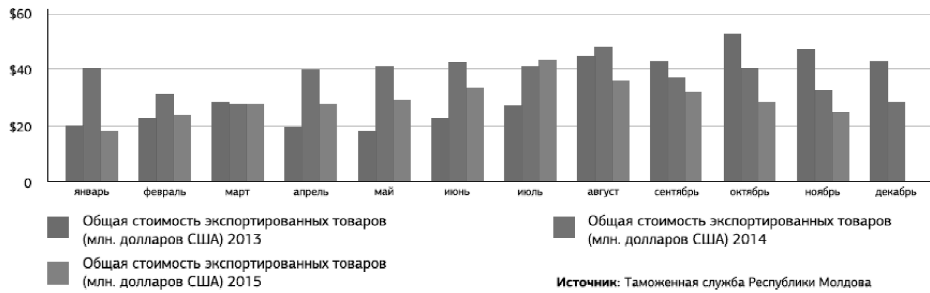

Диаграмма 3

Экспорт Приднестровья за 2013-2015 годы (млн. долл. США)

Данные предоставлены Таможенной службой Молдовы и не включают в себя внутренние торговые операции между двумя берегами Днестра. Все валютные конвертации из молдавских леев в доллары США рассчитываются на основе среднемесячного курса Национального банка Молдовы.

Экспорт Приднестровья в ЕС составил 204 млн. долларов США, то есть 65 % всего экспорта. С декабря 2014 года по ноябрь 2015 года 90% приднестровского экспорта составляли металл и металлоизделия, сельскохозяйственные продукты и продукты питания, текстиль, одежда и обувь.

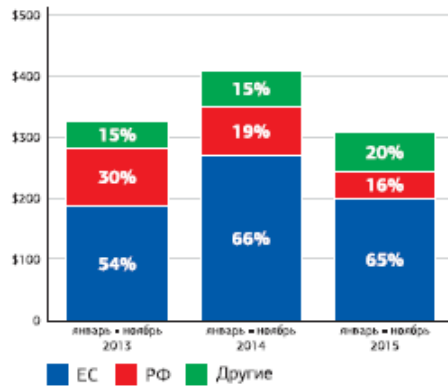

Диаграмма 4

Рынки для приднестровских экспортёров, процентная доля стоимости в долл. США

Источник: таможенная служба Республики Молдова

Диаграмма 5

Категории экспортируемых товаров и их доля за декабрь 2014 г. - ноябрь 2015 г.

Источник: таможенная служба Республики Молдова

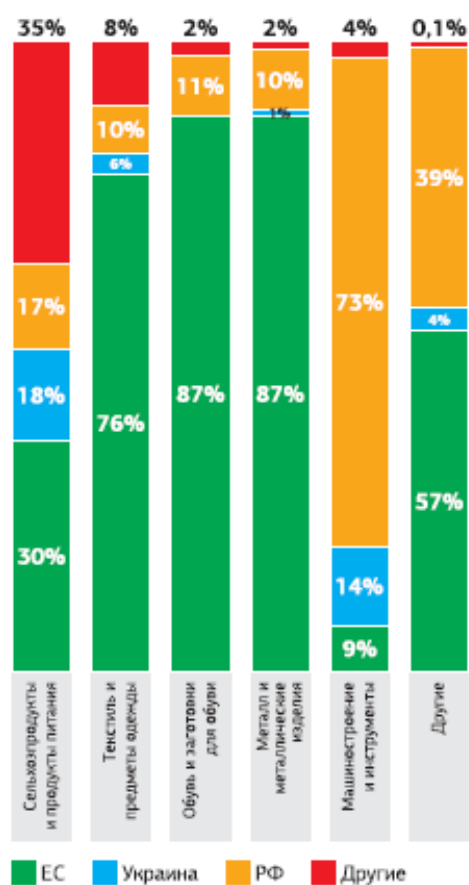
Приднестровье традиционно экспортирует металл и металлоизделия, текстиль и обувь. Основными его рынками сбыта являются Европейский Союз и Российская Федерация. Приднестровские сельскохозяйственные продукты в основном экспортировались в ЕС, Украину и Россию. Продукты машиностроения и инструменты главным образом экспортировались в Россию

Приднестровские компании могут пользоваться преимуществом тех же преференциальных тарифов на экспорт в ЕС и на другие рынки, что и молдавские компании, при условии, что они сотрудничают с признанными законными органами власти. Экспортные операции крупнейших одиннадцати приднестровских компаний составили 70 % всего экспорта, при этом половина их экспорта пришлась на рынок ЕС. Это говорит о производственных и стратегических возможностях Приднестровья

соответствовать требованиям рынка ЕС и подчеркивает необходимость поиска решения тех проблем, которые возникнут в связи с прекращением действия существующего режима, в условиях которого Приднестровье пользуется преимуществами автономных торговых преференций ЕС.

В ходе следующей 11 фазы Миссия все больше будет уделять внимание осуществлению мониторинга за приведением партнерскими службами своей работы в соответствие с нормами, процессами и стандартами ЕС и применением таковых, где это возможно.

Главными задачами на 11-ю фазу деятельности станут:

Источники: Таможенная служба Республики Молдова

Диаграмма 6

Ключевые категории экспортируемых товаров и их рынок за декабрь 2014 г. - ноябрь 2015 г процентная доля стоимости в долларах США

- Вопросы трансграничного сотрудничества.
  - Оперативный потенциал и принципы Интегрированного управления границами (ИУГ).
  - Приднестровский вопрос, вклад в урегулирование конфликта.
  - Торговля и реализация УВЗСТ.
  - Вопросы СФС (санитарные и фитосанитарные) на границе как часть соглашений с ЕС об УВЗСТ.
  - Визовые вопросы, как часть Планов действий по либерализации визового режима, которые составлены обеими странами совместно с ЕС.
- Стратегия постепенного прекращения деятельности, исходя из предположения, что это последние два года деятельности Миссии.

Библиография

1. Веб-сайт <http://eubam.org>
2. Годовой Отчет 1 Декабря 2014 - 30 Ноября 2015.
3. План действий EUBAM на 11 фазу деятельности (2015 - 2017).
4. http://www.enpi-info.eu/maineast.php?id=21289&id_type=1&lang_id=471
5. <https://ava.md/2016/07/25/vneshnyaya-politika-moldovy-chast-ii-otnosheniya/>

ECONOMIA INOVAȚIONALĂ - BAZĂ A DEZVOLTĂRII PROGRESIVE A STATULUI ÎN CONTEXTUL INTEGRĂRII ECONOMICE REGIONALE

Tatiana ANDREEVA, *doctor în științe economice, conferențiar
universitar, IRIM*

Rezumat

În prezentul articol este analizat procesul de formare a unei economii inovatoare în condiții moderne de dezvoltare a societății și a economiei, este fundamentat acest concept ca bază pentru dezvoltarea progresivă a țării și a competitivității acesteia în contextul integrării economice. În plus, a fost luat în considerare un set de activități interdependente, concepute pentru a oferi o modalitate inovatoare de dezvoltare, ceea ce îmbunătățește eficiența funcționării producției sociale. Au fost expuse direcțiile de bază ale strategiei economiei inovatoare și s-a conchis că modul inovator de dezvoltare devine linia dominantă în dezvoltarea civilizației moderne, asigurând creșterea competitivității economiilor naționale și accelerarea dezvoltării socio-economice.

Cuvinte-cheie: *economie inovatoare, dezvoltare inovativă, tehnologii inovatoare, strategia economiei inovatoare, politica de inovare*

FORMATION OF INNOVATIVE ECONOMY AS THE BASIS FOR THE PROGRESSIVE STATE DEVELOPMENT IN THE ECONOMIC INTEGRATION

Abstract

The present article describes the formation process of an innovative economy in modern development of society and economy; it gives a substantiation of this concept as the foundation of progressive country development and its competitiveness in the context of economic integration. In addition, it regards a set of interrelated activities to provide an innovative way of development, which improves the efficiency of the social production functioning. It describes the main directions of the innovative economy strategy and it concludes that innovative way of development is becoming the dominant line in the modern civilization development, ensuring the national economies' competitiveness, the acceleration of socio-economic development.

***Keywords:** innovative economy, innovative development, innovative technology, strategy of innovation economy, innovation policy*

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ОСНОВА ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация

В представленной статье дано описание процесса формирования инновационной экономики в современных условиях развития общества и экономики, дано обоснование данному понятию как основе прогрессивного развития государства и его конкурентоспособности в условиях экономической интеграции. Кроме этого, рассматривается комплекс взаимосвязанных мероприятий по обеспечению инновационного пути

развития, который позволяет повысить эффективность функционирования общественного производства. Описаны основные направления стратегии инновационной экономики и сделано заключение, что инновационный путь развития становится доминирующей линией в развитии современной цивилизации, обеспечивая конкурентоспособность национальных экономик, ускорения социально-экономического развития.

Ключевые слова: *Инновационная экономика, инновационное развитие, инновационные технологии, стратегия инновационной экономики, инновационная политика*

Введение. В связи с происходящими в современных условиях социально-экономическими изменениями, революционным развитием экономики, мир вступил в новую стадию своего развития – стадию становления постиндустриального, информационного общества, стадию построения инновационной экономики. Соответственно для обеспечения инновационного пути развития необходимы определенные специфические технологии, производственно-технологические системы и производственные отношения, прежде всего, это информационные технологии и компьютеризированные системы, высокие наукоемкие технологии, являющиеся результатом новых физико-технических и химико-биологических принципов, и основанные на них инновационные технологии, инновационные системы и инновационная организация различных сфер человеческой деятельности. Безусловно, итогом такого развития в мире, а соответственно и главным стратегическим направлением в Республике Молдова, станет создание новой формы организации экономики – инновационной экономики. Все чаще звучат заявления исследователей и ученых-экономистов, что инновационная экономика – это современная и востребованная форма развития экономики в XXI веке.

Кроме того, в основу инновационного пути развития заложен целый комплекс взаимосвязанных мероприятий: целенаправленный поиск, подготовка создания и реализации наукоемких нововведений, позволяющих повысить эффективность функционирования общественного производства, уровень удовлетворения потребностей общества и его членов, обеспечить улучшение жизнедеятельности общества, включая высокую степень социальной защищенности личности. Инновационный путь развития становится доминирующей линией в развитии современной цивилизации, обеспечивая конкурентоспособность

национальных экономик, ускорения социально-экономического развития. Сохранение природной среды и подъем жизненного уровня населения, повышение общей производительности экономики, создание новых отраслей промышленного производства, сферы услуг, улучшение качества обслуживания и рост конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке, сокращение торгового и товарного дефицита должны стать следствием формирования и развития инновационной экономики.

Таким образом, инновационная экономика – это экономика общества, основанная на знаниях, инновациях, доброжелательном восприятии новых идей, машин, систем и технологий, готовности их практической реализации в различных сферах человеческой деятельности. Она выделяет особую роль знаний и инноваций, прежде всего научных знаний [1].

Основной текст. Вступление мировой экономики в стадию глобализации производства позволяет развивать инновационную сферу как одно из главных условий конкурентоспособности национальных экономик в соответствии с принципом хозяйственной целесообразности и наибольшей эффективности. Поэтому при интегрировании Республики Молдова в международное экономическое пространство одними из ключевых критериев становятся построение экономики инновационного типа и приток иностранных инвестиций, которые одновременно способствуют экономическому росту страны. В инновационной экономике под влиянием научных и технологических знаний традиционные сферы материального производства трансформируются и радикально меняют свою технологическую основу, т.к. производство, не опирающееся на новые знания и инновации, в инновационной экономике оказывается нежизнеспособным. Базовыми системами инновационной экономики можно считать информационные технологии, компьютеризированные системы и высокие производственные технологии, которые соответственно радикально трансформируют производственные системы и технологии, все средства получения, обработки, передачи и производства информации, технологизируют интеллектуальную деятельность.

Инновационная экономика социума может быть при следующих условиях [2]:

- любой индивидуум, группа лиц или предприятий в любой точке страны и в любое время могут получить на основе автоматизирован-

ного доступа и систем телекоммуникаций любую необходимую информацию о новых или известных знаниях, инновациях, инновационной деятельности, инновационных процессах и т.д.;

- производятся доступные любому индивидууму, группе лиц и организациям современные информационные технологии и компьютеризированные системы, обеспечивающие выполнение предыдущего пункта;

- имеются развитые инфраструктуры, обеспечивающие создание национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для поддержания постоянно убыстряющихся научно-технического прогресса и инновационного развития, и общество в состоянии производить всю необходимую многоплановую информацию, прежде всего научную информацию для обеспечения динамически устойчивого социально-экономического развития общества;

- происходят ускоренные комплексные автоматизация и компьютеризация всех сфер и отраслей производства и управления; осуществляются радикальные изменения социальных структур, следствием которых становятся расширение и активизация инновационной деятельности в различных сферах деятельности человека;

- доброжелательно воспринимают новые идеи, знания и технологии, готовы к созданию и внедрению в широкую практику в любое необходимое время инноваций различного функционального назначения;

- имеется развитая инновационная инфраструктура, способная оперативно и гибко реализовывать необходимые в данное время инновации, основанные на высоких производственных технологиях: она должна быть универсальной, конкурентоспособно осуществляющей создание любых инноваций и развитие любых производств, потребных заказчику и рынку;

- имеется четко налаженная гибкая система опережающей подготовки и переподготовки кадров-профессионалов в области инновационной деятельности, эффективно реализующих комплексные проекты динамичного развития отечественных производств и территорий[2].

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что важнейшим условием формирования эффективной инновационной экономики является усиление инновационной активности, помимо этого, эффективность инновационной деятельности во многом определяется инновационной инфраструктурой. Инновационная инфраструктура является основным инструментарием и механизмом инновационной экономики

и является совокупностью взаимосвязанных, взаимодополняющих производственно-технических систем, организаций, фирм и соответствующих организационно-управляющих систем, необходимых для эффективной инновационной деятельности и реализации инноваций, обладающих следующими свойствами [3, 4]:

- распределенностью по всем регионам в виде инновационно-технологических центров, инновационно-производственных центров, научно-технологических центров или инжиниринговых фирм, которые на местах могут решать задачи обслуживания заказчика или потребителя;
- возможностью осуществления на местах функционально полного инновационного цикла;
- универсальностью, которая позволяет конкурентоспособно обеспечить реализацию инновационного проекта в любой области производственного или обслуживающего секторов экономики;
- профессионализмом, который базируется на добросовестном и качественном обслуживании заказчика или потребителя;
- конструктивностью, которая обеспечивается ориентацией на конечный результат (реализация инновационного проекта должна сопровождаться непрерывным анализом промежуточных и конечных результатов; наличие достоверной обратной информации по достигаемым промежуточным и конечным результатам позволяет выработать конструктивные приоритеты непосредственно в ходе развития инновационного процесса и тем самым обеспечить замкнутую систему управления инновациями);
- высоким уровнем научно-технического и производственно-инновационного потенциала;
- кадровой обеспеченностью, в первую очередь инновационных проектов, инновационных структур и подразделений предприятий, и возможностью постоянного обновления и совершенствования персонала инновационных инфраструктур;
- финансовой обеспеченностью (наличием оборотного капитала);
- высоким уровнем автоматизированных средств и информационных технологий, ускоряющих получение конечного результата;
- гибкостью, обеспечивающей адаптацию инновационной инфраструктуры к изменениям требований рынка и внешней конъюнктуры.

В процессе формирования и развития эффективной инновационной экономики актуальной проблемой является решение научно-методических и организационно-технологических вопросов, связан-

ных с разработкой, созданием и освоением автоматизированных интегрированных проектно-производственных систем, осуществляющих в единой цепочке инновационно-направленные научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские разработки, процессы технологической подготовки и планирования производства, ориентированные на создание инновационной продукции. Соответственно главной проблемой, требующей своего актуального решения в условиях инновационной экономики, является опережающее создание эффективного механизма информационного обеспечения инновационной деятельности.

Успешному решению важнейшей задачи инновационной экономики – обеспечению конкурентоспособности страны будет способствовать создание принципиально новой информационной структуры – автоматизированной интегрированной информационной системы, ориентированной на комплексное информационное обеспечение инновационной экономики.

Безусловно, в современных условиях хозяйствования инновационная экономика формируется под влиянием двух основных групп факторов:

- группа факторов, ориентированных на создание определенных условий для перехода на инновационный путь развития;
- группа факторов, соответствующих созданию мотиваций у субъектов инновационной деятельности к обновлению и развитию научно-производственного потенциала, разработке и внедрению инноваций.

Таким образом, первая группа факторов предопределяет образование инновационной сферы как самостоятельной отрасли, перерабатывающей интеллектуальные идеи многих субъектов научной и изобретательской деятельности, в том числе академической, вузовской и прикладной науки. Для решения проблемы практического использования создаваемых, накопленных и не потерявших актуальность научных разработок, идей, изобретений, ноу-хау, следует создать сеть разнообразных предприятий, специализирующихся на инновационной деятельности. А вторая группа факторов отождествляется с развитием инновационного предпринимательства. Фактор предпринимательства инициирует инновации снизу как проявление заинтересованности в совершенствовании производства. Фактор предпринимательства может играть стимулирующую роль в инновационной сфере на предприятиях и в учреждениях различных форм собственности, создавая личную материальную ответственность и заинтересованность всех участников инновационной хозяйственной деятельности (ученых, специалистов,

предпринимателей). Однако решающую роль в проявлении восприимчивости к инновациям предпринимательский фактор должен сыграть на крупных предприятиях, составляющих основу экономики.

От эффективной практической реализации в регионах сложных инновационных систем зависит становление инновационной экономики. В данном случае необходима государственная поддержка инновационных процессов: активизация инновационной деятельности, финансовая и правовая поддержки науки и инноваций, переход на новые формы решения экономических, экологических и социальных проблем, характерных для инновационной экономики. Соответственно, требуется проведение ответственной политики по отношению к управлению и развитию инновационной деятельности, взаимодействия местных органов управления с государственными по проблеме формирования и развития инновационной экономики.

В условиях активного развития инновационной экономики необходимо кардинально изменить отношение к главной производительной силе общества – специалисту высокоинтеллектуального, высокопроизводительного труда. Роль высококвалифицированных специалистов в инновационной экономике очень велика и постоянно будет расти, поэтому подготовка кадров, способных эффективно руководить инновационными процессами, разрабатывать и внедрять инновационные проекты, должна стать приоритетной государственной программой.

Объективная потребность инновационного развития, становления инновационной экономики требуют разработки новой концепции подготовки кадров. В основу этой новой концепции должны быть положены такие принципы[1]:

- становление, развитие и самореализация творческой личности;
- постоянная нацеленность на генерацию перспективных научно-технических нововведений и изыскание путей и методов их практической реализации в инновации;
- ориентация на подготовку высококвалифицированных и высокоинтеллектуальных специалистов, системных менеджеров инновационной деятельности;
- рассмотрение обучения и подготовки кадров как составной части производственного процесса, а расходов на подготовку кадров – не как издержки на работников, а как долгосрочные инвестиции, необходимые для процветания предприятий, отраслей и регионов;
- обучение управлению социальными и психологическими ас-

пектами процессов создания наукоемких нововведений, использованию творческого потенциала коллектива для ускоренного широкомасштабного внедрения в практику инновационных разработок;

- создание системы непрерывного обучения и повышения квалификации кадров, интегрированной в систему производства инновационной продукции;

- сотрудничество университетов и других вузов с передовыми предприятиями, реализующими инновационные проекты, и их совместная деятельность в области разработки учебных программ, издания учебников и монографий по инновационным технологиям, системам машин и оборудования, нацеленных на подготовку специалистов высшей квалификации по новым профессиям и перспективным научно-инновационным направлениям.

При активном формировании инновационной экономики необходимо создание государственной инновационной, инжиниринговой и инвестиционной сетевой инфраструктуры.

Стратегической целью формирования инновационной экономики и развития инновационной деятельности в нашей стране на ближайшие годы должно быть комплексное динамически устойчивое прогрессивное социально-экономическое развитие отечественных производств, отраслей и территорий до уровня их конкурентоспособности на мировом уровне, следствием чего будет повышение уровня общего благосостояния общества и населения до уровня развитых стран мира. Главным ресурсом для достижения поставленной цели должна стать целенаправленная и согласованная работа высшей школы, учреждений АН РМ, государственных научных центров.

Инфраструктура системы высшего образования, обеспечивающей главную составляющую становления и развития инновационной экономики должна быть дополнена инновационно-инвестиционными структурами (центрами, комплексами, компаниями, институтами и т.п.) таким образом, чтобы на базе ВУЗОВ были основаны учебно-научно-инновационные комплексы.

Формирование инновационной экономики – это главное условие динамично устойчивого прогрессивного социально-экономического развития, это сложный многоплановый и длительный процесс, затрагивающий интересы большого количества предприятий и организаций, сотен тысяч специалистов, работающих на них. Лишь широкомасштабная государственная политика, строгое государственное регулиро-

вание в сочетании с механизмом цивилизованного рынка помогут осуществлению подобных сложных социально-экономических программ. Возможен весьма эффективный инновационный путь развития экономики, предполагающий взаимосвязанное прорывное развитие научно-технической, производственной, финансовой, социальной, институциональной и других сфер общества. При этом стержнем может стать государственный протекционизм научно-технического развития, обеспечивающий социально ориентированный инновационно-технологический прорыв. Понимая перспективность этого направления развития экономики, многие развитые страны мира целенаправленно осуществляют переход к непрерывному инновационному процессу в управлении экономическим ростом общественного хозяйства. Проведение НИОКР и инновационная деятельность занимают все большее место в инвестиционных расходах, значительно превышая в наукоемких отраслях расходы на приобретение оборудования и строительство. Одновременно повышается значение государственной научно-технической, инновационной и образовательной политики, определяющей общие условия научно-технического прогресса. Постоянно растет доля расходов на науку в ВВП развитых стран, интенсивность НИОКР и внедрение их результатов в реальное производство во многом определяют сегодня уровень экономического развития страны. На долю новых знаний и изобретений, воплощаемых в технологиях, оборудовании, системах машин, подготовке кадров, организации и планировании производства в развитых странах, приходится не менее 60...80 % прироста ВВП. Внедрение новых наукоемких технологий и систем машин стало ключевым фактором рыночной конкуренции, основным средством повышения эффективности общественного производства и улучшения качества товаров и услуг.

Огромное значение государственного стимулирования научно-технического прогресса и инновационной деятельности в обеспечении современного экономического роста определяется объективными свойствами инновационных процессов: высоким риском, связанным с внедрением инноваций; зависимостью от степени развития общей научной среды и инновационной инфраструктуры; значительной капиталоемкостью научных исследований и опытно-конструкторских работ по созданию инноваций; требованиями к научно-технической квалификации кадров; необходимостью правовой защиты интеллектуальной собственности и т.п. Поэтому успех в глобальной конкурен-

ции тех или иных фирм, предприятий, отраслей и регионов напрямую связан с государственной научно-технической и инновационной политикой. При этом важнейшими условиями этого успеха являются изучение и грамотное использование закономерностей современного экономического роста при формировании и проведении государственной социально-экономической политики [6].

Важной закономерностью современного экономического роста является его неравномерность, обусловленная периодическим процессом последовательного замещения целостных комплексов технологически сопряженных производств – технологических укладов. В ходе каждого структурного кризиса мировой экономики, сопровождающего замещение доминирующих технологических укладов, открываются новые возможности экономического успеха. Страны, лидировавшие в предшествующий период, сталкиваются с обесценением капитала и квалификации специалистов, занятых в отраслях устаревающего технологического уклада, в то время как страны, успевшие создать заделы в формировании производственно-технологических систем нового технологического уклада, оказываются центрами притяжения капитала, высвобождающегося из устаревших производств. Каждый раз смена доминирующих технологических укладов сопровождается серьезными сдвигами в международном разделении труда, обновлением состава наиболее преуспевающих стран [7].

Доминирующий сегодня технологический уклад начал складываться в целостную воспроизводственную систему в 1950 – 1960-е годы и составляет технологическую основу экономического роста после структурного кризиса 1970-х годов. Ядро этого технологического уклада составляют микроэлектроника, программное обеспечение, вычислительная техника и технологии переработки информации, производство средств автоматизации, авиакосмическая техника, системы космической и оптико-волоконной связи. Развитие данного технологического уклада сопровождается соответствующими сдвигами в энергопотреблении (рост потребления природного газа), транспортных системах (рост авиаперевозок), конструкционных материалах (рост производства комбинированных материалов с заранее заданными свойствами). Произошел переход к новым принципам организации производства, непрерывному инновационному процессу, гибкой автоматизации, индивидуализации спроса, организации материально-технического снабжения по принципу точно «вовремя», новым типам

общественного потребления и образа жизни. Последние характеризуются изменением ценностей и потребительских предпочтений в пользу образования, информационных услуг, качественного питания, здоровой окружающей среды [7].

Стереотипы «общества потребления» замещаются ориентирами качества жизни. Как следует из закономерностей долгосрочного технико-экономического развития, предел устойчивого роста доминирующего сегодня технологического уклада будет достигнут в третьем десятилетии XXI века. К этому времени сформируется воспроизводственная система следующего технологического уклада, становление которой происходит в настоящее время.

Во-первых, имеются в виду информационно-компьютерная индустрия, обеспечивающая реальную возможность перехода к высоким наукоемким технологиям, нано-технологиям и т.п. и организации производства на их основе в ближайшие 10-15 лет ряда принципиально новых материалов и инновационной продукции, и также создание искусственного интеллекта и интеллектуальных информационных технологий, позволяющих интегрировать и создать комплексно автоматизированные системы управления всеми социально-экономическими процессами и финансовыми потоками.

Во-вторых, имеются в виду прорыв в разработках качественно новых источников энергии. Вовлечение в экономический оборот возобновляемых и практически неисчерпаемых источников ядерной, солнечной энергии, а также использование энергии ветра, подъемных источников и морских приливов способны приостановить расточительное расходование уникальных природных запасов энергоресурсов и кардинальным образом изменить существующее производственно-экономическое разделение труда на мировом рынке.

В-третьих, имеется в виду прорыв в генной инженерии, медицине и сельском хозяйстве, который позволит клонировать высокопродуктивные растения и животных и обеспечить население питанием, а также выращивать и трансплантировать человеческие органы, значительно продлевая жизнь людей.

До 2025 годов необходимо не просто сохранить имеющиеся научные заделы в области перечисленных основных технологических прорывов, а использовать методы государственной поддержки инновационной деятельности и налогово-льготного стимулирования для осуществления эффективной инновационной политики в целях

обеспечения дальнейшего устойчивого роста экономики, в первую очередь, в приоритетных направлениях.

Более того, одновременно все направления технологического прорыва реализовать не удастся, поэтому необходима государственная избирательная инвестиционная поддержка технологий. Инвестировать следует, прежде всего, перспективные направления научно-технического прогресса с опережением на 20-30 лет вперед, отказываясь от прежней практики простого сокращения разрыва в уровне уже сложившихся технологий в промышленно развитых странах, которое обрекает любую экономику на технологическую деградацию.

Наиболее вероятными ключевыми сферами нового технологического уклада станут биотехнологии, системы и технологии искусственного интеллекта различного функционального назначения, глобальные и локальные информационные сети и телекоммуникационные системы, нанотехнологии, рациональное природопользование, энергосбережение, высокоскоростные транспортные системы. Дальнейшее развитие получат гибкая автоматизация производства на основе интеллектуальных систем, авиакосмические и морские технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, ядерная энергетика и нетрадиционные источники энергии. Рост потребления природного газа будет дополнен расширением сферы использования водорода в качестве экологически чистого энергоносителя. Произойдут еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий[5].

Прогресс в технологиях повлечет за собой дальнейшую глобализацию экономики, формирование единого мирового рынка товаров, капитала, труда. Среди определяющих национальные конкурентные преимущества факторов на передний план выйдут улучшение образования и охраны здоровья населения, развитие науки и инновационной деятельности, доступность и наполнение информационной среды, способность государственного управления поддерживать созидательные творческие возможности каждой личности, улучшение окружающей среды и повышение качества жизни, развитие ключевых производственно-технических систем нового технологического уклада. В геополитической конкуренции еще более усилится значение научно-технического прогресса, инновационной деятельности, создания и внедрения новых технологий, систем машин и услуг. Возрастет роль чело-

веческого фактора и организации творческого труда. Страны, неспособные обеспечить необходимый уровень образования населения, развития науки и промышленного производства, качества информационной среды, будут обречены на глубокую зависимость от внешних финансовых и информационных центров и сохранят за собой главным образом функции источники природного сырья и человеческого материала для транснациональных корпораций и развитых стран, концентрирующих у себя глобальный интеллектуальный потенциал. Соответственно страны, заблаговременно наращивающие свой научно-технический и инновационно-производственный потенциал в перспективных направлениях формирования нового технологического уклада, приобретают принципиальные конкурентные преимущества [5]. Их реализация в фазе структурного кризиса, сопровождающего в мировой экономике переход от устаревающего технологического уклада к новому, более прогрессивному технологическому укладу, позволяет выйти на опережающую траекторию экономического роста.

Вывод. Таким образом, прогрессивное развитие государства в условиях экономической интеграции возможно только при формировании экономики инновационного типа, которая и будет основой и залогом обеспечения конкурентоспособности на мировом рынке. Соответственно, экономическая политика государства на современном этапе будет заключается в актуализации и создании механизмов реализации возможностей в системе конкретных мер по повышению конкурентоспособности национальной экономики и переходу к динамически устойчивому прогрессивному экономическому росту. Проведение правильной экономической политики и наличие политической воли позволят в будущем обеспечить вывод экономики страны из кризиса на траекторию динамически устойчивого роста за счет: удвоения уровня инвестиционной активности; обновления и модернизации производства на основе широкого внедрения новых технологий и достижений научно-технического прогресса; полного использования имеющегося производственного и трудового потенциала; повышения эффективности государственного регулирования рыночной экономики и восстановления управляемости процессов социально-экономического развития страны.

Безусловно, решение этих задач зависит от того, насколько полно удастся задействовать научно-технические факторы на основе проведения инновационной политики. Обобщая, можно отметить, что глав-

ной составляющей инновационной политики является структурно-инвестиционная политика, которая предполагает: формирование технических предпосылок для поддержания достигнутого объема производства энергосырьевых ресурсов и ограниченного его расширения, чтобы обеспечить надежную и устойчивую базу долгосрочного экономического роста; прогрессивные изменения в технике, технологии и организации производства, обеспечивающие необходимые масштабы ресурсосбережения; создание современной технологической базы общественного производства.

Таким образом, целью инновационной политики является создание социально-экономических, научно-технических и организационно-хозяйственных предпосылок для прогрессирующего развития производительных сил общества. Здесь важным является:

- комплексный социально-экономический и научно-технический прогнозы развития страны на долгосрочную перспективу;
- долгосрочные прогнозы и перспективные научно-технические мероприятия общенационального масштаба;
- перечень стратегических (приоритетных) направлений и государственных программ, связанных с нововведениями в важнейших сферах общества;
- система органов регулирования инновационной деятельности на национальном уровне (национальные фонды, государственные программы и т.д.), включая органы, обеспечивающие контроль и реализацию соответствующих решений на всех уровнях управленческой иерархии;
- сеть научных учреждений и их распределение по всем сферам науки, отраслям народного хозяйства и стадиям инновационного цикла.

Результатами реализации такой инновационной политики должны стать:

- достижение высокого уровня социально направленного научно-технического прогресса на базе широкого распространения новых технологий, производственных систем, компьютеризации и интеллектуализации всех сфер человеческой деятельности, отвечающих самым высоким нормативным требованиям;
- качественно новый уровень жизни населения в результате роста продуктивности и эффективности общественного производства, совершенствования бытовой предметной среды обитания городского и сельского населения;

- качественно новый уровень ресурсосбережения, рост производительности труда, фондоотдачи, снижение материалоемкости, энергоемкости, капиталоемкости продукции, достижение ее высокой конкурентоспособности;

- реализация развитой системы социальных гарантий, базирующейся на новом, более высоком уровне экономического развития;

- компенсирование возрастающей в процессе нововведений нагрузки на человека путем коренной перестройки и переоснащения системы здравоохранения, сфера отдыха и досуга.

Разработка и реализация инновационной политики и формирование инновационной экономики должны быть важнейшей неотъемлемой составной частью долгосрочного социально-экономического развития страны в условиях интеграции в мировое экономическое пространство.

Библиография

1. Гамидов, Г. С. Инновационная экономика: стратегия, политика, решения/Г. С. Гамидов, Т.А.Исмаилов, И. Л. Туккель. СПб., «ИНТЕР», 2007.
2. Гамидов, Г.С. Инновационная экономика – стратегическое направление развития России в XXI веке. В: Инновации, 2013, № 1.
3. Гамидов, Г.С. Основы инноватики и инновационной деятельности. СПб., «ИНТЕР», 2010 .
4. Колосов, В.Г. Введение в инноватику: учебное пособие. СПб., 2012.
5. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы Российской экономики/ Под ред. Д.С.Львова. Москва, 2009.
6. Акимов, А.А. Системологические основы инноватики. СПб., 2012.
7. Туккель, И.Л. Управление инновационными проектами. СПб., 2011.

ALIANȚA PACIFICULUI – O NOUĂ ENTITATE ÎN LUMEA GRUPĂRILOR INTEGRAȚIONISTE

Veaceslav BÂRDAN, *doctor în științe economice, conferențiar
universitar, Universitatea Tehnică a Moldovei*

Rezumat

Proiectul cu numele de „Alianța Pacificului” a captat atenția guvernelor și economiștilor din întreaga lume. Evaluările activităților și a direcțiilor de dezvoltare nu sunt univoce. În statele Americii Latine unii politicieni și activiști civici au avut o atitudine reticentă față de crearea acestei grupări, văzând în ea implicarea SUA, care ar dori să creeze un bloc antagonist MERCOSUR-ului. Acest bloc în ultimii ani cunoscuse o dezvoltare fulminantă, fapt care a stârnit invidia multora, de aceea, pentru a exclude speculațiile și suspiciunile, ne-am propus în acest articol să elucidăm caracteristica și evoluția economică a acestui bloc.

Cuvinte-cheie: *integrare economică, grupări integraționiste, relații economice, comerț exterior*

PACIFIC ALLIANCE - A NEW ENTITY IN THE WORLD OF INTEGRATIONIST GROUPS

Abstract

The project named “Pacific Alliance” has captured the attention of governments and economists around the world. Guest activities and directions of development are not univocal. In Latin American countries some politicians and civic activists had a callous attitude towards the creation of this group, seeing US involvement in it, who would like to create a MERCOSUR’s antagonist bloc. This

block has also increased in recent years fulminantly, which aroused the envy of many, therefore, to exclude speculation and suspicions, we intend in this article to elucidate characteristics and economic development of this block.

Keywords: *economic integration, integrationist groups, economic relations, foreign trade*

„În pofida fantomelor dezintegrării suscitade de Brexit,
lumea tinde să se organizeze în blocuri mari.”
(Michelle Bachelet, Președintele Chile)

Integrarea economică reprezintă în sine un fenomen social-economic, politico-ideologic și spiritual-simbolic. Apărut, inițial ca un experiment, în statele Europei de Vest, la mijlocul secolului al XX-lea, acest fenomen demult a trecut frontierele continentului european. Experiența contemporană a trendului integraționist solicită o analiză corespunzătoare, care este imposibilă fără o analiză comparativă a proceselor integraționiste din diferite părți ale lumii. Un aport deosebit la această experiență și-o aduce dinamica integraționistă a statelor din America Latină. Din aceste considerente, ne-am propus să examinăm mai jos una dintre cele mai recente și mai dinamice grupări integraționiste de pe Glob – Alianța Pacificului.

Alianța Pacificului (span. *Alianza del Pacífico*) reprezintă un bloc comercial, în a cărui componență intră 4 state latino-americane: Mexic, Peru, Chile și Columbia. Costa-Rica a devenit membru cu drepturi depline după ratificarea acordului privind liberul schimb cu Columbia.

La 6 iunie 2012, în orașul chilian Antofagasta, a avut loc Summitul de constituire a Alianței Pacificului (AP), în componența Mexic, Peru, Chile și Columbia. La întrunirea de vârf au fost prezenți liderii tuturor celor 4 state și miniștrii afacerilor externe din Costa Rica, Canada și Panama, care au participat în calitate de observatori. Ca oaspete de onoare a fost invitat regele Spaniei.

Alianța Pacificului este, cronologic, ultima grupare economică subregională din America Latină, ai cărei membri au propus un nou model de integrare. Această grupare este orientată spre cucerirea în comun a piețelor din Regiunea Asia-Pacific (RAP), care se dezvoltă foarte dinamic, bazându-se o integrare profundă a economiilor statelor-membre ale alianței și valorificarea poziției geografice de la țărmul Oceanului Pacific. Aceasta reprezintă prima grupare integraționistă creată special pentru dezvoltarea relațiilor economico-comerciale cu una din regiunile lumii. Apariția acestei grupări este dictată de rolul deosebit pe care l-au căpătat statele din RAP în

economia mondială și în relațiile economice externe ale statelor latino-americe din ultimele decenii. Statele alianței, ce realizează modelul economiei de export, tind să dezvolte pe toate căile relațiile sale externe și să acapareze la maxim posibil piețe pentru mărfurile sale, prioritatea principală fiind apropierea de RAP.

Scopul acestei grupări integraționiste constă în asigurarea liberei circulații a capitalurilor, mărfurilor, serviciilor și persoanelor, fapt care încă n-a putut fi realizat de nicio grupare integraționistă din regiune. În această nouă grupare integrarea profundă este facilitată de politicile economice și legislațiile apropiate: toate țările între ele sunt legate de acorduri de comerț liber, care accelerează integrarea lor comercială. În plus ele sunt legate și de acordurile de comerț liber cu SUA și UE.

Crearea Alianței în America Latină în frunte cu Mexicul (acesteia revenindu-i 57% din populația Alianței, 61% din PIB și 70% din volumul exporturilor acestei grupări [1]) a provocat o reacție controversată. Presa de stânga, la fel și președinții Boliviei și Ecuadorului, au acuzat ideologii acesteia de tentativa de reanimare a proiectului ratat de creare a unei zone de liber schimb din întreaga Americă, dar sub egida Washingtonului și de a curma grupările regionale UNASUR și MERCOSUR. Cu toate acestea reticența vis-a-vis de aspectul politic al grupării este cam exagerat, dar nu fără temei [4].

Tab. Principali indicatori economici ai statelor Alianței Pacificului
(în 2015)

	Chile	Columbia	Mexic	Peru	Total AP	America Latină	AP în % din America Latină
Populația (milioane)	18	48	127	31	224	611	37%
PIB-ul nominal (miliarde dolari)	241	287	1 144	189	1 861	5 361	35%
PIB-ul nominal (miliarde dolari conform PPC)	411	666	2 202	349	3 628	9 605	38%
PIB-ul per capita (în PPC)	22 870	13 800	17 340	11 210	n.d.	n.d.	n.d.
Exporturile de bunuri și servicii (miliarde dolari)	72	40	373	41	526	1 148	46%
Importurile de bunuri și servicii (miliarde dolari)	68	67	428	46	609	1 212	50%

Sursa: M. Angeles Villarreal, The Pacific Alliance: A Trade Integration Initiative in Latin America, CRS Report, March 29, 2016, pag. 10.

Nu pot fi neglijate relațiile economice strânse și apropierea ideologică între țările Alianței Pacificului și vecinul din nord, însă în această alianță i-a unit, mai întâi de toate, dorința de a stabili relații strânse cu statele din RAP și de a-și diversifica relațiile economice externe, reducându-și dependența de SUA și UE. Aceste momente sunt foarte actuale pentru Mexic ale cărui 80% din exporturi sunt orientate spre SUA, ceea ce face economia ei extrem de vulnerabilă. Motivele economice și scopurile Alianței Pacificului predomină asupra celor politice și ideologice.

Statele Alianței promovează o politică moderată și pragmatică, orientată spre întărirea relațiilor între statele Americii Latine. Ele participă și în alte grupări (Comunitatea Andină, UNASUR, CELAC), acolo, însă, nu pot atinge o integrare mai profundă din cauza marilor divergențe privind scopurile membrilor acestora.

În privința relațiilor cu MERCOSUR-ul, încă de la momentul creării Alianței Pacificului între ele existau elemente antagoniste ale modelelor integraționiste – protecționismul Braziliei și Argentinei pe de o parte și concurența dintre Mexic și Brazilia pentru poziția de lider în regiunea latino-americană, pe de altă parte. Cu toate acestea, toți membrii alianței, inclusiv Mexicul, tind să întărească relațiile economice și politice cu Brazilia și să-și fortifice prezența pe piața braziliană. Președintele Chile, Michelle Bachelet, venind la putere în martie 2014, a început să promoveze cursul întăririi unității latino-americe. La summitul Alianței Pacificului din iunie 2014 a fost pusă problema unificării celor două grupări, idee susținută de guvernele tuturor statelor AP și MERCOSUR, precum și de alte organizații regionale. Ținând cont de diferența modelelor de integrare, se presupune că integrarea acestor două grupări va necesita o perioadă îndelungată de timp. Astfel sunt vădite diminuarea contradicțiilor dintre AP și MERCOSUR și apariția tendinței de întărire a cooperării.

Alianța Pacificului deja reprezintă unul din cele mai mari blocuri economico-comerciale din America Latină și din lume, având mari perspective de extindere.

În anul fondării a avut loc și instituționalizarea acestei grupări prin crearea Consiliului de Miniștri, grupuri de lucru la cel mai înalt nivel și 16 grupuri tehnice, au avut loc o serie de consultări și negocieri pe diverse aspecte, astfel fiind semnalate succese considerabile.

AP desfășoară o activitate activă, iar numărul ei este în creștere. În mai 2013, la summit-ul ordinar al organizației s-a luat decizia de a accepta Costa-Rica în calitate de al cincilea membru cu drepturi depline, după ce aceasta

a semnat acordurile comerciale cu cele patru state-fondatoare. Până are loc procesul de ratificare, oficial, Costa-Rica se consideră candidat, la fel ca și Panama. Extinderea Alianței are loc din contul acceptării statelor interesate din rândul statelor observatori. În ianuarie 2015, numărul statelor-observator ai Alianței ajunsese la 32, în afară de statele-candidate menționate: Guatemala, Honduras, Republica Dominicană, Uruguay, Paraguay, Salvador, Trinidad și Tobago, Ecuador, SUA, Canada, China, India, Australia, Noua Zeelandă, Marea Britanie, Spania, Italia, Olanda, Portugalia, Franța, Germania, Finlanda, Elveția, India, Israel, Turcia, Coreea de Sud, Singapore, Maroc, Japonia [4]. În prezent, Alianța are 49 state-observatori, dintre care 21 de state membre ale UE. În cadrul celui de-al 11-lea summit al Alianței, care a avut loc în orașul chilian Puerto-Varas la 29-30 iunie 2016, România și Ucraina au dobândit statutul de stat-observator.

La începutul lui 2014 comerțul reciproc între statele AP era scutită de taxe vamale în proporție de 92%. În viitorul deceniu sunt prevăzute înlăturarea tuturor barierele vamale din cadrul Alianței. S-au înregistrat progrese mari în domeniul unificării normelor tehnice și sanitare.

Printre alte forme de cooperare economică trebuie de menționat asocierea organizațiilor de antreprenori din cele 4 țări, acțiunile comune ale agențiilor naționale responsabile de stimularea exporturilor, desfășurarea forumurilor, târgurilor, tratatelor cu antreprenorii și funcționarii din diferite țări. Aceste agenții au deschis oficii comune în Istanbul și Casablanca. O altă inovație o reprezintă și crearea unei burse de valori comune a celor 4 state, care după capital și numărul de companii ocupă locul 2 în America Latină, după bursa braziliană „Bovespa”. Investițiile străine directe în această regiune au constituit în 2014 – 68,5 miliarde dolari din 158,8 miliarde dolari atrase de America Latină și Caraibe [1]. De asemenea merită atenție și crearea unei rețele de organizații de cercetare a consecințelor schimbărilor climatice, dezvoltarea schimburilor științifice, acordarea de burse studenților din statele-membre.

Un mare interes îl reprezintă și cooperarea în sfera diplomatică, crearea de misiuni diplomatice și comerciale comune. Prima experiență de acest gen a fost deschiderea consulatului Columbiei în Ghana, infrastructura acestuia fiind pusă la dispoziția Mexicului și Chile conform acordului semnat în septembrie 2012. În noiembrie 2014, misiuni comune ale statelor AP activau deja în Algeria, Maroc, Vietnam, Singapore, Paris (pe lângă OCDE) și Azerbaidjan. Această formă de cooperare permite de a reduce cheltuielile de reprezentanță și are o perspectivă mare de dezvoltare în viitor, în special

în statele din Asia și Africa unde prezența statelor AP este limitată. Se dezvoltă și cooperarea în domeniul asistenței consulare a cetățenilor alianței aflați în statele terțe.

În pofida succeselor evidente înregistrate într-un termen atât de scurt al existenței, totuși principalul scop al acesteia – integrarea cu statele din regiunea Asia-Pacific, este realizat destul de modest. Relațiile comerciale ale statelor alianței cu regiunea dată se realizează preponderent pe baza acordurilor bilaterale, cu toate că unele inițiative au mari perspective.

Pentru apropierea statelor AP cu statele din RAP o importanță decisivă îi revine Cooperării Economice din Asia Pacific (APEC) și Parteneriatul Economic Strategic Transpacific (PEST), în special pentru Mexic, Peru și Chile, care fac parte din aceste asociații. Proiectul PEST în care participă 12 state (SUA, 3 state ale alianței, Australia, Brunei, Vietnam, Canada, Malaysia, Noua Zeelandă, Singapore, Japonia) se află încă la etapa de tratative, cu toate că acestea se apropie de sfârșit. Rolul principal în aceasta îi revine SUA, care tinde să dețină o poziție de lider în procesele integraționiste în RAP strâmtorând China. Alți participanți ai tratativelor ar fi dorit să-și păstreze parteneriatele cu China, însă PEST este atractiv și ca cea mai mare piață din lume, căreia îi revine o pondere de 40% din PIB-ul mondial. Când va fi constituită această piață, ea va deveni o platformă pentru o integrare profundă în RAP în care vor participa și statele membre ale alianței. Negocierile s-au finisat la sfârșitul lui 2015, însă procesul de ratificare a acordurilor se va întinde pentru o perioadă îndelungată din cauza procedurilor complicate de aprobare a unor astfel de acorduri în parlamentele statelor-membre și, în special, în Congresul SUA [4].

Un alt proiect integraționist în RAP îl constituie crearea unei zone de liber schimb a statelor APEC (Cooperarea Economică Asia Pacific) la propunerea Chinei la summitul acestei organizații în 2014. Statele AP, fiind adepți ai liberului schimb au aprobat această decizie împreună cu restul membrilor APEC. Din APEC fac parte 21 de state din bazinul Pacificului printre care Rusia, China, SUA, Mexic, Chile și Peru. Columbia, Costa Rica și Panama au depus cerere de aderare, însă de la sfârșitul anilor 1990 în APEC funcționează un moratoriu în privința acceptării noilor membri. În cadrul APEC reprezentanții Mexicului, Peru și Chile participă la summit-urile anuale, la ședințele grupurilor de lucru și de experți ai ministerelor de resort pe probleme de comerț internațional, investiții, finanțe, energetică, transport, pescuit etc.

Prin analogie cu „tigrii asiatici” statele alianței au căpătat denumirea, între economiști, de „pumele pacifice”.

Unii experți, nu fără temei, examinează alianța ca pe un antipod

gigantului sud-american – Brazilia. AP are menirea de a „schimba” polul gravitației economice în America Latină din Brazilia în Mexic. În cazul unui eventual succes, noua grupare integraționistă s-ar transforma într-un bloc economic puternic cu o populație de peste 224 milioane locuitori un PIB sumar de peste 1,86 trilioane dolari (vezi tabelul). Alți experți nu împărtășesc eforia care a cuprins membrii Alianței cunoscând particularitățile mentalității latino-americane (de a considera dorința drept realitate) și experiența tristă a unei serii întregi de debuturi integraționiste din regiune.

AP reprezintă o grupare dinamică și de perspectivă ce aplică noi forme de colaborare. Membrii acesteia creează un spațiu economic unic, care la moment reprezintă unul din cele mai mari din lume tinzând spre extindere din contul noilor state aderente. Cu toate că în 2015 tempourile de creștere economică în America Latină au încetinit din cauza conjuncturii nefavorabile de pe piața mondială, economia statelor din alianță este viabilă și în ascensiune. Printre statele latino-americane ele au cei mai buni și cei mai de perspectivă indicatori macroeconomici. Conform datelor FMI și ale Comisiei Economice a ONU, pentru America Latină, creșterea PIB-ului în anii 2015-2016 în Mexic și Chile constituie 3-4%, în Columbia și Peru – 5%, contra 2% în America Latină.

Această uniune de state atrage atenția în întreaga lume, fapt dovedit de creșterea numărului de state-observatori. La fel, prezintă un interes deosebit pentru investitori în calitate de platformă pentru accesarea spre cele mai bogate piețe ale SUA și Canada. Cu toate acestea, în perspectivă, vectorii prioritari de dezvoltare a AP, probabil, vor fi întărirea relațiilor comerciale cu cele mai mari grupări economice formate pe baza proiectelor integraționiste transpacifice și transatlantice (SUA și UE), cu vecinii latinoamericani ș.a. Această direcție de dezvoltare va fi determinată de miza de cucerire a noilor piețe și atragerea de investiții, acestea fiind principalele atuuri de dezvoltare în cadrul modelului de dezvoltare bazat pe creșterea exporturilor. Aceasta oferă posibilitatea de a găsi domenii de interes comun pentru semnarea acordurilor comerciale preferențiale bilateral avantajoase, dezvoltarea colaborării vamale, financiare și investiționale. Experții spun că această alianță va fi un analog latino-american al Uniunii Europene. Dinamismul în dezvoltarea acestei grupări integraționiste poate avea un succes remarcant, deoarece ar putea evita birocratizarea excesivă caracteristică altor formațiuni integraționiste, în special a MERCOSUR-ului, unde în ultimii ani s-au adâncit contradicțiile interne.

Compararea AP cu UE este încă prematur, deoarece sunt încă foarte

departe în dezvoltare și experiența UE pe care încearcă să o preia statele latino-americane pe parcursul deceniilor încă n-a înregistrat succese.

AP a devenit o reacție directă la inițiativa lui Barac Obama din anul 2010 privind crearea comunității transpacifice, care reprezenta la început o acțiune de stăvilire a expansiunii Chinei, care, evident, n-a fost invitată la această inițiativă. Totodată, trebuie de menționat că așa membri ai alianței ca Chile și Peru sunt un fel de „platforme pacifice” de pătrundere a Chinei în America Latină. Acestea sunt direct și foarte interesate de dezvoltarea relațiilor cu China, ceea ce ar complica participarea lor la inițiativa lui Obama. Cu toate acestea, observăm o tendință clară – formarea unei noi versiuni a lumii bipolare, unde principalele centre sunt SUA și China, care într-o manieră fulminantă își sporește puterea economică și militară [2, p.63].

În al treilea rând, toate aceste 4 state sunt total diferite din punct de vedere al potențialului economic. Mai mult ca atât, între unele dintre ele continuă să aibă loc dispute teritoriale în faza lor activă (Peru-Chile). În privința atractivității pentru alte state, în pofida faptului că Spania și o serie de state nepacifice și-au exprimat simpatia și interesul de aderare la Alianță, inclusiv ca membri asociați, deocamdată este prea devreme de prognozat ce se va întâmpla în mod real cu această grupare.

În cazul unui eventual succes al grupării, integrarea economică a acestor state nu va merge mai departe de faza zonei de liber schimb (după modelul NAFTA), în aceasta primul stat interesat fiind SUA, tot NAFTA servind ca exemplu de dezvoltare cu succes a unei grupări economice. Trecerea la o eventuală etapă de uniune vamală ar însemna pierderea Mexicului pentru SUA și pomenirea cu un tarif vamal comun al AP sub coastele SUA, ceea ce din nou nu i-ar avantaja. Al treilea moment, lozinca de după cel de-Al Doilea Război Mondial: „ajutându-l pe altul – te ajuți pe sine” este valabilă și în această situație, deoarece aceasta ar duce la o creștere mai rapidă a economiei mexicane, o creștere a bunăstării populației și, în final, diminuarea fluxului de imigranți mexicani către SUA, cu toate beneficiile sociale ce rezultă din aceasta (reducerea ratei criminalității în statele sudice, reducerea șomajului în rândul băștinașilor etc.).

Analiza succintă a relațiilor comerciale ale Republicii Moldova cu statele AP, pentru perioada ianuarie-august 2016, denotă o balanță comercială negativă cu o predominare netă a importurilor din aceste țări: cu Chile – importuri în valoare de 1,02 milioane dolari (0,04% din totalul importurilor), Columbia – 496 mii dolari (0,02%), Mexic – 2,39 milioane dolari (0,09% din importuri) și cu Peru – 308 mii dolari (0,01%). La capitolul exporturi se

constată mai mult niște date modice: spre Chile Republica Moldova a exportat mărfuri în valoarea de 7,5 mii dolari, spre Columbia – bunuri în valoare de 1,2 mii dolari, spre Mexic – 23,9 mii dolari și spre Peru – 1,6 mii dolari [6]. Momentan, Republica Moldova nu are semnat vreun acord politic cu această grupare.

Referințe bibliografice

1. M. Angeles Villarreal, *The Pacific Alliance: A Trade Integration Initiative in Latin America*, CRS Report, March 29, 2016.
2. Ватыль В. Н., *Латиноамериканская интеграция как модель изучения объединительных тенденций в ЕАЭС. Оп: Материалы международной научно-практической конференции „Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Белоруси и государств Латинской Америки”*, Республика Беларусь, г. Минск 12 май 2015, Издательство „Право и экономика” с. 60-68.
3. Дергачев В., „Геополитическая трансформация Латинской Америки”, журнал „Вестник аналитики” 2013, № 2-3.
4. Лавут Анна, *Тихоокеанский альянс: новая звезда среди интеграционных группировок*, (<http://russiancouncil.ru/>) Российский Совет по Международным Дела, 05.02.2015.
5. Хмелевская Н. Г., *Торговая интеграция в Mercosur vs инфраструктурная интеграция в Тихоокеанском альянсе // Латинская Америка. - 2015. - № 2. С. 48-58.*
6. www.statistica.md (accesat 26.09.2016).

DREPTUL INTERNAȚIONAL EUROPEAN: DIMENSIUNEA PRACTICĂ

REGLEMENTAREA JURIDICĂ A DREPTULUI DE PETIȚIONARE ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Galina POGONEȚ, doctor, în drept, IRIM

Rezumat

Dreptul de petiționare este combinat cu toate celelalte mijloace de apărare a drepturilor și intereselor atât în Constituție, cât și în lege. Realizarea acestui drept nu poate fi limitat sau restricționat de către guvernul constituțional sau de altă autoritate publică.

Petiționarea, în general, semnifică prezentarea unei cereri sau propuneri autorităților publice constituționale sau oricărei autorități publice să ia, să adopte sau să propună anumite măsuri.

Cuvinte-cheie: drept de petiționare, drept constituțional, organele statului, cetățeni, petiții

LEGAL REGULATION OF THE PETITION RIGHT IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract

The right of petition is combinable with all other means of defense of rights and interests in the Constitution and the law. Its exercise can not be limited or restricted by constitutional government or other public authority.

Means petition, in general, the presentation of a request or proposal to the constitutional public authorities or to any public authority to take, adopt or propose certain measures.

Keywords: *petition right, constitutional law, state bodies, citizens, petitions*

Într-un stat democratic drepturile și libertățile cetățenilor sunt repectate și toți sunt egali în fața legii. Unul dintre mecanismele juridice naționale de protecție și restabilire a drepturilor și libertăților omului este petiționarea. Dreptul la petiționare este garantat de Constituția Republicii Moldova. Potrivit art. 2 din Legea supremă, „Cetățenii au dreptul să se adreseze autorităților publice prin petiții formulate numai în numele semnatarilor. Organizațiile legal constituite au dreptul să adreseze petiții exclusiv în numele colectivelor pe care le reprezintă”.

Astfel, au dreptul de a petiționa cetățenii moldoveni și persoanele juridice legal constituite pe teritoriul țării noastre. Persoanele fizice sunt în drept să adreseze petiții formulate către autoritățile publice; persoanele juridice pot adresa petiții – prin reprezentanții lor legali – exclusiv în numele colectivelor pe care le reprezintă. Petiția poate fi adresată de către cetățenii Republicii Moldova, cetățenii străini și apatrizi, ale căror drepturi și interese legitime au fost lezate pe teritoriul Republicii Moldova. Dreptul de petiționare este un drept fundamental, ce conferă cetățenilor posibilitatea de a se adresa organelor de stat, unităților economice și altor organizații cu propuneri, sesizări, reclamații și cereri privind interesele personale sau obștești și obligația acestor organisme de a primi, examina și rezolva petițiile, precum și de a comunica petiționarilor soluțiile adoptate [1, p. 306].

De asemenea, *Legea nr. 190 cu privire la petiționare* [2] vizează modalitatea de examinare a petițiilor cetățenilor Republicii Moldova, adresate organelor de stat, întreprinderilor, instituțiilor și organizațiilor, în scopul asigurării protecției drepturilor și intereselor lor legitime. Actul legislativ are aplicabilitate atât asupra cetățenilor moldoveni, cât și a cetățenilor străini și apatrizilor, ale căror drepturi și interese legitime au fost lezate pe teritoriul Republicii Moldova.

Legea cu privire la petiționare [2] nu oferă o definiție clară asupra dreptului de petiționare, ci doar precizează ce se înțelege prin petiție, astfel, potrivit art. 4 „*Prin petiție, în sensul prezentei legi, se înțelege orice cerere, reclamație, propunere, sesizare, adresată organelor de resort, inclusiv cererea prealabilă prin care se contestă un act administrativ sau nesoluționarea în termenul stabilit de lege a unei cereri*”, precum și formularea din Constituția Republicii Moldova.

În literatura de specialitate doctrinarii au încercat să definească noțiunea dreptului de petiționare. Astfel, doctrinarul rus „Э.А. Ефре́мла́в”, menționează că dreptul de petiționare - *reprezintă o sugerare înaintată de cetățeni sau de un colectiv către organele competente în scopul revendicării unor drepturi sau interese și libertăți sociale, cât și relaționarea social-politică dintre cetățeni și stat prin participarea în treburile statului* [4, p. 10].

După părerea altor doctrinari, ”dreptul de petiționare – este dreptul cetățenilor (străinilor și apatrizilor) de a se adresa în forma scrisă sau orală cu propuneri, cereri, sesizări, dar și cu plângeri către organele statului sau altor competenți care au puterea de decizie asupra problemelor lor” [5, p. 4].

O definiție mai științifică ne oferă doctrinarii din România, care presupun că dreptul de petiționare este o interacțiune dintre individ și stat, ce se manifestă în scris sau oral, în corespundere cu actele normative prestabilite, către organele statului spre a revendica, apăra și realiza drepturile și libertățile personale ale omului [6, p. 324].

După părerea noastră, fiecare părere menționată mai sus are dreptul la existență însă toate în felul lor au anumite neajunsuri. Astfel, urmând scopul propus de a formula o definiție clară și cuprinzătoare a dreptului de petiționare care i-ar reda în totalitate conținutul și sensul, vom încerca să formulăm o definiție a dreptului de petiționare.

Deci, dreptul de petiționare – reprezintă acea posibilitate inerentă a omului și cetățeanului, cât și a organizației de a se adresa direct sau indirect, scris sau oral, individual sau colectiv, către organele statului sau responsabililor oficiali, cu scopul de a-și apăra, revendica sau realiza interesele legale, libertățile și drepturile recunoscute de lege.

Din definiția oferită mai sus, rezultă următoarele semne ale dreptului de petiționare:

1. Este un drept inerent, ceea ce înseamnă potrivit Constituției Republicii Moldova, art. 15 ”Cetățenii Republicii Moldova beneficiază de drepturile și de libertățile consacrate prin Constituție și prin alte legi și au obligațiile prevăzute de acestea” [3] sau că este un drept ce aparține omului de la naștere și nu poate fi obiectul înstrăinării. Altfel spus, dreptul de petiționare este un drept ce nu poate fi limitat de către organele statului sau de către oficialii responsabili. Organele statului pot limita acest drept doar în cazurile strict stabilite de lege, de exemplu în cazurile în care cetățenii pot face abuz de dreptul de petiționare sau atinge într-un fel drepturile altor persoane. Prin urmare, dreptul de petiționare reprezintă cu desăvârșire un drept inalienabil nu însă și absolut, care nu poate fi limitat de nici o circumstanță.

Datorită inerenței dreptului de petiționare face ca statul să se comporte egal față de subiecți, indiferent de calitatea pe care o deține, fie minor sau cu capacitatea limitată de exercițiu (persoanele lipsite de discernământ datorită unor tulburări psihice), pentru că nimeni nu poate fi limitat de libertățile care i se cuvin încă de la naștere, însă, aceasta nu înseamnă că statul nu poate impune anumite limitări.

Se realizează prin intermediul înaintării de petiții, verbală sau scrisă, aceasta înseamnă că petiția poate fi înaintată și în cadrul audiențelor programate la oficiali, fiind considerată verbală, scrisă este prin intermediul plângerilor, reclamațiilor, propunerilor și sesizărilor.

Aici ar fi bine de precizat că chiar dacă noi recunoaștem că dreptul de petiționare reprezintă o formă de exprimare a opiniei personale, petițiile sunt înaintate către organele statului cu scopul de a rezolva anumite probleme concrete, îmbrăcând totodată anumite forme stabilite de actul normativ (propunerea, cererea, plângerea, petiția). Exprimarea opiniei sub o anumită formă specială nu se atribuie dreptului de petiționare.

2. Presupune exprimarea individuală, cât și colectivă a dreptului de petiționare, acest semn al dreptului presupune că subiectul își poate realiza propriul drept atât personal sau organizat cu altcineva, în colective sub anumite forme juridice, cum sunt persoanele juridice ori asociațiile de cetățeni. Cu toate acestea, scopul principal al petiției individuale este de a apăra interesul personal al individului care a semnat petiția pentru organele statului competente de rezolvarea problemei respective. Scopul petiției colective este satisfacerea interesului public asigurat de interesul social comun, adică realizarea căruia este decisivă pentru asigurarea garanției de existență și dezvoltare [7, p. 55].

3. Este aplicat în scopuri de apărare și realizare a drepturilor, libertăților și intereselor legitime ale omului și cetățenilor, cât și a libertăților, drepturilor altor persoane. Cum a fost precizat mai sus, dreptul de petiționare - reprezintă unul din mijloacele de apărare a drepturilor și libertăților cetățenilor, cu atât mai mult că poate servi și ca mijloc de apărare a drepturilor și intereselor altor persoane terțe. Spre exemplu, dreptul de petiționare, este în special un mijloc de realizare a libertăților și drepturilor cetățenilor, o exprimare a opiniei personale cu participarea în treburile statului ori primirea anumitor informații.

Sinteza dreptului constituțional – dreptul de petiționare ne permite să efectuăm anumite concluzii, cum ar fi:

1. Esența dreptului de petiționare, poartă un caracter foarte complex, întrucât cetățenii datorită acestui drept pot participa în procesul de administrare

a statului, să-și apere drepturile, libertățile și interesele personale. Pe lângă toate acestea, esența dreptului de petiționare se manifestă prin faptul că el reprezintă un feedback informațional de la cetățeni pentru stat și totodată corelează strâns cu alte drepturi constituționale sau cel puțin le asigură realizarea.

Cu toate acestea, dreptul de petiționare se referă la drepturile personale (dreptul la apărarea libertăților și drepturilor, dreptul la libera exprimare), cât și la politic (dreptul de a participa la treburile statului) și totodată reprezintă ca parte inerentă al statului juridic al omului și cetățeanului Republicii Moldova.

2. Dreptul constituțional de petiționare poate fi privit în sensul obiectiv, cât și subiectiv. În sensul obiectiv, dreptul de petiționare reprezintă în sine o instituție a dreptului constituțional, alcătuit dintr-o totalitate de norme juridice care asigură fiecăruia realizarea dreptului de petiționare cu înaintarea petițiilor către organele statului cu scopul de a contribui cu ceva în procesul de administrare a treburilor statului, exprimarea opiniilor proprii, cât și în scopul apărării drepturilor, libertăților și intereselor legitime. Totodată, în același timp, dreptul de petiționare reprezintă obiectul dreptului regulator al altor drepturi (dreptul administrativ, dreptul penal, dreptul procesual civil, dreptul muncii etc.). Însă, totuși în mecanismul realizării dreptului constituțional, dreptul de petiționare aparține normelor dreptului constituțional.

În sensul subiectiv, dreptul constituțional de petiționare presupune o totalitate de abilități, competențe speciale care formează conținutul lui. Astfel de abilități se referă la:

- a) dreptul la analiza critică a activității organelor statului și responsabililor oficiali;
- b) dreptul de a înainta recomandări spre îmbunătățirea activității organelor de stat;
- c) dreptul cetățenilor de a iniția prin intermediul petițiilor înaintate (prin înaintarea petițiilor colective) de modificare, anulare, inițiere și completare a actelor normative sau altor decizii care produc efecte juridice, emise de către organele statului competente;
- d) dreptul cetățenilor de a solicita implicarea oficialilor responsabili și organelor statului în realizarea drepturilor concrete și libertăților garantate;
- e) dreptul de petiționare pentru apărarea (revendicarea) drepturilor încălcate, libertăților și intereselor, cât și a drepturilor și intereselor altor persoane terțe;
- f) dreptul de a informa despre încălcările organelor de stat și oficialilor responsabili.

Cu toate acestea, prerogativa subiectului la petiționare corelează cu obligațiunea organelor statului de a:

a) primi, înregistra, examina și de a răspunde petiției în termenele stabilite de lege cu respectarea formei și procedurii;

b) în cazul nerespectării obligațiilor, persoana responsabilă, funcționarul organului statului trebuie să suporte efectele negative sub forma diverselor sancțiuni în conformitate cu legislația în vigoare.

3. Subiecții dreptului de petiționare pot fi divizați în persoane cu prerogative de a se adresa către organele statului și subiecți ca adresatul sau destinatarul petițiilor – adică acei subiecți care sunt obligați să primească, să examineze și să răspundă la adresarea înaintată în forma și termenul stabilit de lege. La primii subiecți se atribuie cetățenii Republicii Moldova, cetățenii străini, apatrizii, organizațiile (cei care îmbracă o formă juridică anume) și colectivele. Specificul subiectului dreptului de petiționare constă din faptul, că nu i se impune anumite limitări în afară de cele precizate în Hotărârea Curții Constituționale din 17 septembrie 2013, care în legătură cu obligativitatea examinării petițiilor anonime în cazul în care acesta vizează ordinea publică și securitatea națională, ” *Curtea reține că din redacția articolului 52 din Constituție rezultă cu claritate că orice petiție urmează a fi semnată, iar petiționarii trebuie să fie identificabili.* ”[8].

Aici, dorim să precizăm, că Înalta Curte Constituțională prin această hotărâre impune mai multe restricții din perspectiva asigurării integrității drepturilor persoanelor terțe, cum spre exemplu este abuzul asupra datelor cu caracter personal, ori aceste petiții anonime ar putea leza demnitatea și reputația cuiva. Cu toate că după noi subiectul dreptului de petiționare nu poate fi limitat din prisma anonimatului, asta în condițiile în care anonimatul își poate asigura mai bine integritatea personală, iar organele statului pot face abuzuri și limitări întru eschivarea răspunderii de pe urma încălcărilor efectuate.

În concluzie, după cele relatate mai sus, putem propune spre a fi inclusă în textele legislației care reglementează relațiile dreptului de petiționare, cât și în manualele de curs pentru studenți, definiția dreptului de petiționare în lectura următoare:

Dreptul de petiționare reprezintă acea posibilitate inerentă a omului și cetățeanului, cât și a organizației, de a se adresa direct sau indirect, scris sau verbal, individual sau colectiv, către organele statului sau responsabililor oficiali, cu scopul de a-și apăra, revendica sau realiza interesele legale, libertățile și drepturile recunoscute de lege.

Aceasta ar favoriza la înțelegerea mai profundă a scopului propus de legiuitor și în același timp ar crea premise de îmbunătățire, cât și de dezvoltare a instituției dreptului de petiționare în general.

Pentru exercitarea corectă a dreptului de petiționare, legea sus-menționată impune prezența unor condiții determinatorii față de forma petiției.

Astfel, art.5 din Legea cu privire la petiționare prevede:

- Petiția se depune în scris sau în formă electronică, în limba de stat sau într-o altă limbă, în conformitate cu Legea cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul Republicii Moldova.

- Petiția în formă electronică trebuie să corespundă cerințelor față de documentul electronic, inclusiv aplicarea semnăturii digitale, în conformitate cu legislația în vigoare.

- Petițiile trebuie să fie semnate de autor, indicându-se numele, prenumele și domiciliul.

- Petițiile în formă electronică conțin informații privind numele, prenumele, domiciliul și adresa electronică a petiționarului. În cazul neîntrunirii condițiilor de autorat, petițiile sunt considerate anonime și nu sunt examinate.

Observăm, astfel, că legiuitorul a reușit să ofere petiționarilor modalități comode de depunere a petiției, în condițiile progresului tehnologic.

În favoarea soluționării rapide a problemelor invocate de petiționari sunt și termenele de examinare și emitere a deciziei. Petițiile se examinează de către organele corespunzătoare în termen de 30 de zile lucrătoare, iar cele care nu necesită o studiere și examinare suplimentară – fără întârziere sau în termen de 15 zile lucrătoare de la data înregistrării, cu excepția cazurilor când petiția impune darea unor informații oficiale.

Petițiile care conțin elemente de extraneitate (adică adresate de cetățeni străini sau cetățenii Republicii Moldova cu domiciliu peste hotarele țării) se examinează în termen de până la 90 de zile lucrătoare, cu condiția ca, în termen de 30 de zile lucrătoare, petiționarului să i se expedieze un răspuns prin care să fie informat despre măsurile întreprinse în vederea soluționării petiției sale. În cazul în care petiționarul nu este de acord cu răspunsul primit, el are dreptul să sesizeze instanța de contencios administrativ în modul stabilit.

În eventualitatea în care decideți să apelați la petiționare, trebuie să știți că în art. 11 din Legea cu privire la petiționare sunt stipulate drepturile petiționarului, și anume:

- să expună personal argumente organului sau persoanei oficiale care examinează petiția;

- să beneficieze de serviciile avocatului;

- să prezinte organului sau persoanei oficiale care efectuează examinarea materiale suplimentare ori să solicite organului sau persoanei oficiale de a cere aceste materiale;

- să ia cunoștință de materialele examinării dacă aceasta nu aduce atingere intereselor, drepturilor și libertăților altor persoane;
- să primească răspuns în scris, oral sau în formă electronică despre rezultatele examinării și/sau înștiințarea despre remiterea petiției organului sau persoanei oficiale, de competența căreia ține soluționarea chestiunilor abordate;
- să ceară repararea pagubei în modul stabilit de legislație;
- să solicite în scris sau în formă electronică sistarea examinării petiției.

Acestor drepturi nemijlocit li se corelează obligațiile organului căruia i s-a adresat petiția:

1. să examineze petițiile, inclusiv cererile prealabile, în termenul stabilit de lege;
2. să asigure restabilirea drepturilor lezate și recuperarea, în condițiile legii, a prejudiciului cauzat;
3. să asigure executarea deciziilor adoptate în urma examinării petițiilor.

La orice petiție adresată, fiecare autoritate publică trebuie să răspundă. Condițiile și termenul pentru trimiterea răspunsului cad în sarcina legiuitorului ordinar, care reglementează aceste situații prin lege. Totodată, pentru a evita transformarea petiționării într-o simplă promisiune declarativă, legea stabilește prezența răspunderii disciplinare, administrative (contravenționale) și penale pentru cazurile în care organul puterii publice/instituția/organizația se eschivează cu rea-credință de la examinarea petițiilor.

Astfel, din tot spectrul prevederilor prescrise de cadrul legislativ putem concluziona că procesul de petiționare are menirea de a restabili dezechilibrul dintre drepturile cetățeanului și obligațiile inerente organelor puterii publice. În aceste condiții, petiționarea trebuie să trezească un interes sporit, deoarece poate fi catalogată și ca o procedură extrajudiciară de soluționare a unui conflict la fază incipientă. Cert este că acest mecanism, deseori este evitat, din motive de ineficiență. Însă petiționarea este eficientă în măsura în care este corect înțeleasă și aplicată.

Referințe bibliografice

1. Cârnaț T. Drept constituțional. Ediția a II-a, revăzută și adăugită. Chișinău: Print-Caro SRL, 2010.
2. Legea cu privire la petiționare. Nr. 190 din 19.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 6-8 din 24.01.2003.
3. Constituția Republicii Moldova din 29 iulie 1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova ne. 1 din 18.08.1994.
4. С.М.: Карачева М.В. Указ. Соч. 2001.

-
5. С.м.: Любимов А.П. Указ. Соч. 1999.
  6. Gheorghe Iancu, Drept constituțional și Instituții Politice. Ediția III, Editura C.H. Beck, 2014.
  7. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995.
  8. Hotărârea Curții Constituționale nr. 25 din 17.09.2013 pentru controlul constituționalității unor prevederi referitoare la examinarea petițiilor anonime (Sesizarea nr. 14a/2013, Publicat: 29.11.2013 în Monitorul Oficial Nr. 276-280, art. Nr.: 44, Data intrării în vigoare: 17.09.2013.

CONOTAȚII NORMATIVE PRIVIND INFRAȚIUNILE VAMALE ALE REPUBLICII MOLDOVA ȘI ROMÂNIEI

Sergiu CERNOMOREȚ, *doctor în drept, IRIM*
Aurel Octavian PASAT, *doctor în drept, UCCM*

Rezumat

Articolul de față este consacrat investigării ample din perspectiva cadrului normativ privind infracțiunile vamale din Republica Moldova și România. Faptele antisociale, care tulbură ordinea socială în doctrina de specialitate sunt caracterizate ca infracțiuni în măsura în care sunt incriminate prin legea penală și sancționate cu o pedeapsă. Printre acestea fiind și infracțiunile vamale.

Anume legiuitorul este cel care direct sau indirect, prin tehnica legislativă folosită la adoptarea textului de lege, stabilește tipurile infracțiunilor vamale, precum și criteriile de apreciere a faptei prejudiciabile comise drept infracțiune vamală.

Legiuitorul român se deosebește de cel moldav, avându-se în vedere tehnica celui dintâi de a insera faptele infracționale vamale în actul normativ dedicat reglementării raporturilor din sfera vamală (Codul vamal), comparativ cu cel moldav, care a recurs la amplasarea tuturor faptelor infracționale, inclusiv a celor din sfera vamală, în unica lege penală – Codul penal.

Legea privind Codul vamal al României, nr. 86/2006, care trebuie considerată lege specială cu dispoziții penale cuprinse în art.270-278. Codul penal adoptat în 2002 este unica lege penală a Republicii Moldova. În același timp, incriminările din sfera vamală se desprind din analiza Capitolului X din Partea Specială al Codului penal intitulat „Infracțiuni economice”.

Cuvinte-cheie: *infracțiune vamală, contrabandă, cod penal, cod vamal, legislație penală, autoritatea vamală, documente vamale, eschivare, plăți vamale*

NORMATIVE CONNOTATIONS RELATING TO CUSTOMS OFFENCES OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA AND ROMANIA

Abstract

The present article is devoted to extensive investigation from the perspective of the regulatory framework relating to customs offences in the Republic of Moldova and Romania. Antisocial behavior, which disturbs social order in specialized doctrine, is characterized as offences as far as they are incriminated by criminal law and sanctioned with a penalty. These include customs offences.

That is to say the legislature is one which either directly or indirectly, through the adoption of the legislative technique used in the text of the law, determines the kinds of customs offences, as well as the criteria for assessing the injurious act committed as customs offence.

The Romanian legislator differs from the Moldovan one, taking into account the former's technique to insert criminal deeds in normative act dedicated to the regulating relations in the sphere of customs (Customs Code), as compared to the Moldovan, which resorted to the location of all criminal facts, including those in the sphere of customs, in single criminal law- the Criminal Code.

Customs Code law of Romania, no. 86/2006, is to be considered as special criminal law with criminal provisions contained in article 270-278. The Criminal Code adopted in 2002 is the only criminal law of the Republic of Moldova. At the same time, customs offences are stemming from the analysis in chapter X of the special part of the Criminal Code entitled "Economic Crimes".

Keywords: *customs offences, smuggling, criminal code, customs code, criminal legislation, the customs authority, customs documents, customs payments, avoidance*

Introducere. În viața socială se pot săvârși fapte (acțiuni, inacțiuni) neconvenabile, care vatămă sau pun în pericol interesele membrilor societății, fie că aceste interese aparțin tuturor, adică colectivității în ansamblu, fie că ele aparțin numai unora dintre membrii ei. Întrucât tulbură ordinea socială, toate aceste fapte sunt antisociale, însă ele pot fi caracterizate ca infracțiuni numai în măsura în care sunt incriminate prin legea penală și sancționate cu o pedeapsă. Printre aceste fapte prejudiciabile se numără și infracțiunile vamale.

Legiuitorul este cel care direct sau indirect, prin tehnica legislativă folosită la adoptarea textului de lege, stabilește tipurile infracțiunilor vamale, precum și criteriile de apreciere a faptei prejudiciabile comise drept infracțiune vamală.

În acest context, legiuitorul român se deosebește de cel moldav, avându-se în vedere tehnica celui dintâi de a insera faptele infracționale vamale în actul normativ dedicat reglementării raporturilor din sfera vamală (Codul vamal), comparativ cu cel moldav, care a recurs la amplasarea tuturor faptelor infracționale, inclusiv a celor din sfera vamală, în unica lege penală – Codul penal. Deci, în acord cu legislația României, identificarea infracțiunii vamale, criteriile de atribuire a faptelor socialmente periculoase la categoria infracțiunilor vamale, precum și infracțiunile vamale concrete, nu creează nicio dificultate. Legiuitorul român a apelat la procedeul tehnic de amplasare a incriminărilor faptelor infracționale din sfera vamală în Legea privind Codul vamal al României, nr. 86/2006, care trebuie considerată lege specială cu dispoziții penale cuprinse în art.270-278.

Mult mai dificilă este determinarea infracțiunii vamale prin prisma legislației Republicii Moldova. Legislația penală a Republicii Moldova nu cuprinde legi penale speciale. Codul penal este unica lege penală. În același timp, Codul penal al Republicii Moldova nu conține o secțiune aparte care să cuprindă incriminările din sfera vamală. Totuși, acestea pot fi desprinse din analiza Capitolului X din Partea Specială al Codului penal intitulat „Infracțiuni economice”.

Relațiile sociale din sfera vamală sunt reglementate preponderent de Codul vamal, precum și de alte acte normative, inclusiv de cele subordonate legii, printre care hotărârile Guvernului Republicii Moldova. Un loc aparte îi revine legislației penale, care vine să incrimineze și să sancționeze faptele socialmente periculoase săvârșite în sfera vamală [1].

Preliminar, este de remarcat că deoarece infracțiunile din sfera vamală prejudiciază interesele economice, sociale și fiscale, precum și interesele legitime ale comerțului, Republica Moldova a aderat prin Legea nr.275-XV din 21.06.2001 la Convenția internațională privind asistența administrativă reciprocă pentru prevenirea, investigarea și reprimarea infracțiunilor vamale, prin intermediul căreia administrațiile vamale ale statelor membre își acordă asistență administrativă reciprocă, având drept scop aplicarea corectă a legislației vamale, prin prevenirea, investigarea și reprimarea infracțiunilor vamale.

Istoria activității vamale în Republica Moldova începe după proclamarea independenței, la 27 august 1991, odată cu intrarea în vigoare a Decretului Președintelui Republicii Moldova cu privire la subordonarea instituțiilor vamale situate pe teritoriul țării, nr.189 din 03 septembrie 1991 [2], fiind primele structuri de stat create după declararea independenței [3].

După semnarea Decretului, la 06 septembrie 1991, este adoptată Hotărârea

Guvernului Republicii Moldova nr.496 cu privire la înființarea punctelor de trecere și control vamal (actualmente abrogată), în acord cu care trecerea mărfurilor și a oricăror altor bunuri peste frontiera de stat a Republicii Moldova se va face numai prin punctele de trecere a frontierei și de control vamal [4].

Primul Cod vamal al Republicii Moldova, adoptat la 9 martie 1993 (actualmente abrogat prin Legea nr.1149-XIV din 20.07.2000), a constituit actul legislativ de bază ce reglementa principiile organizatorice și de activitate ale sistemului vamal, iar în Capitolul XIV (Încălcarea regulilor vamale, art.72 lit.j)) legiuitorul a definit indirect infracțiunile de contrabandă drept trecerea de mărfuri, de obiecte și de alte valori peste frontiera vamală, eludându-se controlul vamal, adică prin alte locuri decât cele avizate de organele vamale ori în afara orelor de control vamal, sau tăinuindu-le de acesta, adică folosindu-se ascunzători ori prin alte metode care împiedică descoperirea mărfurilor, obiectelor și a altor valori [5].

Codul vamal al Republicii Moldova în redacția anului 1993 a suferit în timp modificări. Ca rezultat, a fost adoptat noul Cod vamal al Republicii Moldova, care vine să reglementeze mai minuțios multitudinea de relații sociale din sfera vamală, inclusiv faptele infracționale din acest domeniu [6]. În acord cu prevederile actualului Cod vamal, politica vamală este parte integrantă a politicii externe și interne a statului și urmărește asigurarea eficienței operațiunilor vamale, reglementarea schimbului de mărfuri pe teritoriul vamal al Republicii Moldova, contribuția la rezolvarea problemelor politice și comerciale privind protecția pieței interne și stimularea dezvoltării economiei naționale, alte obiective stabilite de legislație.

Totodată, respectivul act normativ vine să definească unele fapte prejudiciabile săvârșite în sfera vamală. Bunăoară, la art.224 CV RM este dată următoarea definiție conceptului de contrabandă: „Trecerea peste frontiera vamală de mărfuri, eludându-se controlul vamal sau tăinuindu-le de el, săvârșită în proporții mari sau deosebit de mari, fie în mod repetat, fie de un grup de persoane care s-au organizat pentru activitate de contrabandă, fie de o persoană cu funcție de răspundere care face uz de situația de serviciu, fie prin folosirea frauduloasă de documente vamale și de alte documente, fie însoțită de nedeclarare sau de declararea lor neautentică în documentele vamale sau în alte documente, o astfel de trecere de substanțe narcotice, psihotrope, cu efecte puternice, toxice, otrăvitoare, radioactive și explozive, de deșeuri nocive, de armament, de dispozitive de explodare, de arme de foc și de muniții, cu excepția armelor de vânătoare cu țeavă lisă și a cartușelor la ele, de valori culturale, precum și nereturnarea pe teritoriul vamal a valorilor culturale scoase

din țară în cazul în care returnarea lor este obligatorie se consideră contrabandă și se pedepsește în conformitate cu Codul penal”.

De remarcat că între definiția noțiunii de contrabandă din Codul vamal și cea din Codul penal, pe alocuri, există o neconcordanță. În scopul soluționării divergențelor apărute atât la aprecierea, cât și la calificarea contrabandei, ar fi binevenit ca norma de drept vamal stipulată la art.224 CV RM, să fie adusă în deplin acord cu art.248 CP RM, în conformitate cu care ofițerii de urmărire penală efectuează calificarea și urmărirea penală [7].

Totuși, potrivit legislației penale a Republicii Moldova, actul normativ menit să sancționeze persoana pentru comiterea infracțiunilor de contrabandă, în general, și a infracțiunilor vamale, în special, este Codul penal. Or, doar Codul penal este actul legislativ care cuprinde norme de drept ce stabilesc principiile și dispozițiile generale și speciale ale dreptului penal, determină faptele ce constituie infracțiuni și prevede pedepsele ce se aplică infractorilor. Iar în Republica Moldova unica lege penală este Codul penal, comparativ cu alte legislații (de exemplu, cu cea a României), unde există un șir de legi penale speciale care vin să incrimineze și să sancționeze faptele prejudiciabile săvârșite în anumite domenii ale vieții sociale.

Codul penal al Republicii Moldova din 24.03.1961 ((actualmente abrogat) în continuare – CP RM în redacția din 1961) conținea reglementări referitoare la contrabandă.

Așadar, potrivit alin.(1) art.75 CP RM în redacția din 1961, constituia infracțiune trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova de mărfuri, obiecte și de alte valori în proporții mari, cu excepția celor indicate la alineatele doi și trei din articolul dat, eludându-se controlul vamal sau tăinuindu-le de el, fie cu folosirea frauduloasă a documentelor sau a mijloacelor de identificare vamală, fie asociată cu nedeclararea sau cu declararea neautentică în documentele vamale sau în alte documente de trecere a frontierei.

Potrivit alin.(2) art.75 din același act normativ, formează contrabandă într-o altă variantă-tip trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova de armament, de dispozitive de explozare, de arme de foc, de muniții, cu excepția armelor de vânătoare cu țeavă lisă și a cartușelor la ele, eludându-se controlul vamal sau tăinuindu-le de el, fie cu folosirea frauduloasă a documentelor sau a mijloacelor de identificare vamală, fie asociată cu nedeclararea sau cu declararea neautentică în documentele vamale sau în alte documente de trecere a frontierei. Contrabanda în altă variantă-tip era incriminată la alin.(3) art.75 CP RM în redacția din 1961, în conformitate cu care constituia infracțiune trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova

de valori culturale, eludându-se controlul vamal sau tăinuindu-le de el, precum și nereturnarea pe teritoriul vamal al Republicii Moldova a valorilor culturale scoase din țară în cazul în care întoarcerea lor este obligatorie.

În acord cu alin.(5) art.75 CP RM în redacția din 1961, răspunderea penală se agrava în cazul în care acțiunile prevăzute la alineatele (1)-(4) erau săvârșite în mod repetat sau de un grup de persoane, care s-au organizat pentru activitate de contrabandă, sau de o persoană cu funcție de răspundere făcându-se uz de situația de serviciu, precum și contrabanda în proporții deosebit de mari. În fine, în nota de la art.75 CP RM în redacția din 1961 erau definite noțiunile de „valori culturale”, „contrabanda săvârșită în proporții mari și în proporții deosebit de mari”. Potrivit aceleiași note, nu se considera contrabandă introducerea pe teritoriul vamal al Republicii Moldova, fără declarație, a mijloacelor bănești, a mărfurilor, a obiectelor și a altor valori în limitele stabilite de legislația în vigoare.

Infrațiunile de eschivare de la achitarea plăților vamale erau incriminate la art.164 CP RM în redacția din 1961, în conformitate cu care constituiau infrațiuni eschivarea de la achitarea plăților vamale, săvârșită în proporții mari. Răspunderea penală se agrava în cazul eschivării de la achitarea plăților vamale săvârșită în mod repetat, în urma unei înțelegeri prealabile de către un grup de persoane, precum și în situația eschivării de la achitarea plăților vamale în proporții deosebit de mari.

Exact ca în cazul infrațiunilor de contrabandă, și art.164 CP RM în redacția din 1961 conținea o notă care, pe de o parte, explica sensul faptelor de eschivare de la achitarea plăților vamale în proporții mari și în proporții deosebit de mari, iar, pe de altă parte, institua un temei special de liberare de răspundere penală a persoanelor vinovate. Astfel, în acord cu nota de la articolul nominalizat, persoana care săvârșea pentru prima dată infrațiunea prevăzută la alin.(1) art.164 putea fi absolvită de răspundere penală dacă contribuia activ la descoperirea infrațiunii și repara integral paguba cauzată [8].

Observăm că respectivul temei de liberare de răspundere penală era aplicabil doar în ipoteza săvârșirii infrațiunii de eschivare de la achitarea plăților vamale în varianta-tip (prevăzută la alin.(1)), nu și în cazul infrațiunii în varianta-agravată. De exemplu, acesta nu era aplicabil în situația eschivării de la achitarea plăților vamale atunci când fapta prejudiciabilă era săvârșită în urma unei înțelegeri prealabile de către un grup de persoane.

Actualul Cod penal al Republicii Moldova, adoptat de Parlamentul Republicii Moldova la 18.04.2002, prevede la art.248 infrațiunile de

contrabandă și la art.249 pe cele de eschivare de la achitarea plăților vamale drept infracțiuni pasibile de săvârșire în sfera vamală [9].

De consemnat că respectivele norme de incriminare din legislația penală a Republicii Moldova sunt norme de blanchetă, adică sunt norme care, pentru a afla conținutul acestora, este necesar de a se apela la unele acte normative din sfera extrapenalului. Iar exemplul elocvent în acest sens este Codul vamal al Republicii Moldova. La acesta se adaugă și alte acte normative cu caracter extrapenal. Tocmai din aceste considerente la aflarea conținutului constitutiv al normelor de incriminare din Codul penal în mod indispensabil se va face trimitere la actele normative de referință, în „frunte” cu Codul vamal.

Din punct de vedere tehnico-legislativ, art.248 CP RM este format din cinci variante-tip de infracțiuni și o variantă agravată de infracțiune.

Astfel, contrabanda în prima variantă-tip (prevăzută la alin.(1) art.248 CP RM) presupune trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova a mărfurilor, obiectelor și a altor valori în proporții mari, eludându-se controlul vamal ori tăinuindu-le de el, prin ascundere în locuri special pregătite sau adaptate în acest scop, ori cu folosirea frauduloasă a documentelor sau a mijloacelor de identificare vamală, ori prin nedeclarare sau declarare neautentică în documentele vamale sau în alte documente de trecere a frontierei.

Contrabanda în a doua variantă-tip (prevăzută la alin.(2) art.248 CP RM) reprezintă trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova a substanțelor narcotice, psihotrope, cu efecte puternice, toxice, otrăvitoare, radioactive și explozive, precum și a deșeurilor nocive și a produselor cu destinație dublă, eludându-se controlul vamal ori tăinuindu-le de el, prin ascundere în locuri special pregătite sau adaptate în acest scop, ori cu folosirea frauduloasă a documentelor sau a mijloacelor de identificare vamală, ori prin nedeclarare sau declarare neautentică în documentele vamale sau în alte documente de trecere a frontierei.

Contrabanda în a treia variantă-tip (prevăzută la alin.(3) art.248 CP RM) constituie trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova a armamentului, a dispozitivelor explozive, a munițiilor, eludându-se controlul vamal ori tăinuindu-le de el, prin ascundere în locuri special pregătite sau adaptate în acest scop, ori cu folosirea frauduloasă a documentelor sau a mijloacelor de identificare vamală, ori prin nedeclarare sau declarare neautentică în documentele vamale sau în alte documente de trecere a frontierei.

Contrabanda în a patra variantă-tip (prevăzută la alin.(4) art.248 CP RM) presupune trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova a valorilor culturale, eludându-se controlul vamal ori tăinuindu-le de el prin

ascundere în locuri special pregătite sau adaptate în acest scop, precum și nereturnarea pe teritoriul vamal al Republicii Moldova a valorilor culturale scoase din țară, în cazul în care întoarcerea lor este obligatorie.

Contrabanda în a cincea variantă-tip (prevăzută la lit.d) alin.(5) art.248 CP RM) constă în trecerea peste frontiera vamală a Republicii Moldova a mărfurilor, obiectelor și a altor valori în proporții deosebit de mari, eludându-se controlul vamal ori tăinuindu-le de el, prin ascundere în locuri special pregătite sau adaptate în acest scop, ori cu folosirea frauduloasă a documentelor sau a mijloacelor de identificare vamală, ori prin nedeclarare sau declarare neautentică în documentele vamale sau în alte documente de trecere a frontierei.

În fine, contrabanda în varianta agravată presupune săvârșirea acțiunilor/inacțiunilor infracționale prevăzute la alin.(1), (2), (3) sau (4): a) de către două sau mai multe persoane (lit.b) alin.(5) art.248 CP RM); b) de către o persoană cu funcție de răspundere, cu folosirea situației de serviciu (lit.c) alin.(5) art.248 CP RM).

Cât privește infracțiunile reunite în cadrul art.249 CP RM (eschivarea de la achitarea plăților vamale), precizăm că, din punctul de vedere al tehnicii legislative, legiuitorul moldav a recurs la instituirea în cadrul articolului a două variante-tip și a unei variante agravate.

Prima variantă-tip (prevăzută la alin. (1) art.249 CP RM) constă în eschivarea de la achitarea plăților vamale în proporții mari. A doua variantă-tip (prevăzută la alin. (3) art.249 CP RM) presupune eschivarea de la achitarea plăților vamale în proporții deosebit de mari. Varianta agravată (consemnată la lit.b) alin. (2) art.249 CP RM) constă în eschivarea de la achitarea plăților vamale atunci când fapta infracțională este săvârșită de două sau mai multe persoane.

La o analiză atentă a prevederilor legale în materia infracțiunilor din sfera vamală din fostul Cod penal al Republicii Moldova (în redacția din 1961) și actualul Cod penal, desprindem următoarele constatări:

– la descrierea tăinuirii de control vamal, în calitate de metodă de trecere ilegală peste frontiera vamală a Republicii Moldova a unor categorii de entități materiale/imateriale ce formează obiectul material/imaterial al infracțiunii, legiuitorul vine să specifice, în noul Cod penal, modalitățile concrete de tănuire, și anume: prin ascundere în locuri special pregătite sau adaptate în acest scop;

– a fost lărgit cercul entităților care pot forma obiect material, în ipoteza trecerii peste frontiera vamală a Republicii Moldova a unor bunuri limitate în circuitul civil: a) în categoria entităților materiale cu statut special au fost

incluse armele de vânătoare cu țeava lisă și cartușele la ele, b) a fost introdusă o nouă variantă-tip a infracțiunii de contrabandă (alin.(2) art.248 CP RM) – normă care a venit să sancționeze fapta de trecere ilegală peste frontiera de stat a Republicii Moldova a unor bunuri cu un statut special, și anume: substanțe narcotice, psihotrope, substanțe cu efecte puternice, substanțe toxice etc.;

– principala diferență dintre reglementările date constă, însă, în faptul că s-a schimbat poziția puterii legiuitoare față de obiectul protecției penale. Astfel, dacă, potrivit CP RM în redacția din 1961, infracțiunile de contrabandă erau amplasate în cadrul Capitolului I din Partea Specială a Codului penal intitulat „Infracțiuni contra statului”, atunci, în conformitate cu prevederile legale din actualul Cod penal, respectivele fapte sunt amplasate în cadrul Capitolului X din Partea Specială a Codului penal – „Infracțiuni economice”. Astfel, în optica legiuitorului de astăzi, infracțiunile de contrabandă atentează la economia națională ca valoare socială fundamentală protejată de legea penală. În același timp, față de faptele de eschivare de la achitarea plăților vamale, poziția legiuitorului a rămas neschimbată. Astfel, atât în vechea lege penală, cât și în cea nouă, acestea au fost amplasate într-un capitol din Partea Specială a Codului penal dedicat protecției economiei naționale, nu însă a statului;

– referitor la faptele de eschivare de la achitarea plăților vamale, comparativ cu vechea reglementare, în cea nouă nu există un temei special de liberare de răspundere penală.

În *România*, de-a lungul timpului, legislația a incriminat infracțiunile vamale începând cu Legea emisă în vederea modificării Legii generale a vămilor din 15 iunie 1873, Legea generală a vămilor din 01 iunie 1905, Legea pentru administrația generală a vămilor din 13 aprilie 1933, Legea asupra vămilor nr.9 din 01 ianuarie 1949, Legea nr.6 din 28 decembrie 1961 privitoare la reglementarea regimului vamal al Republicii Populare Române.

În perioada comunistă, Marea Adunare Națională a Republicii Socialiste România a adoptat primul Cod vamal – Legea nr.30 din 22 decembrie 1978, care conținea 10 capitole și 75 de articole [10]. Capitolul IX, intitulat „Răspunderi și sancțiuni”, cuprindea textele de incriminare a infracțiunilor vamale. Noțiunea de infracțiune vamală a fost stabilită în acest Cod vamal la art.71, în acord cu care nerespectarea normelor cu privire la regimul vamal atrage, potrivit legii, după caz, răspunderea disciplinară, contravențională sau penală, precum și materială sau civilă. Deci, cei care săvârșeau infracțiuni vamale răspundeau, după caz, potrivit Codului penal, civil sau administrativ.

Din prevederile art.72 desprindem că infracțiunile vamale luau următoarele forme: trecerea peste frontieră a bunurilor prin alte locuri decât cele stabilite

pentru controlul vamal; folosirea de documente vamale false; folosirea de documente vamale privind alte bunuri decât cele prezentate în vamă; trecerea peste frontieră, fără autorizație, a armelor, munițiilor, substanțelor stupefiante și psihotrope etc.; sustragerea de la operațiunile de vămuire a bunurilor, săvârșită de una sau mai multe persoane înarmate sau constituite în bandă.

În Codul penal al României în redacția din 2009 [11] nu există dispoziții care să incrimineze faptele socialmente periculoase din sfera vamală. Nici în Codul penal al României (în redacția din 1968) [12] nu exista vreo normă legală menită să incrimineze infracțiunile vamale. De fapt, Legea privind Codul vamal al României, nr. 86/2006, trebuie considerată lege specială cu dispoziții penale menite să sancționeze faptele infracționale vamale. Anterior acesteia, legea specială cu dispoziții penale care incrimina faptele săvârșite în sfera activității vamale era Legea privind Codul vamal al României, nr.141 din 24 iulie 1997 [13].

Așadar, comparativ cu legislația Republicii Moldova, în cea a României infracțiunile vamale sunt amplasate în cadrul unei legi speciale, nu însă în cadrul Codului penal. În Republica Moldova însă, infracțiunile vamale sunt înscrise în Codul penal; or, în conformitate cu alin. (1) art.1 CP RM, Codul penal este unica lege penală a Republicii Moldova. În România situația este de altă natură. Pe lângă Codul penal, ca izvor de bază al dreptului penal se atestă și alte acte normative cu caracter penal, care, la fel ca și Codul penal, vin să incrimineze și să sancționeze diverse fapte socialmente periculoase, dar care sunt comise în anumite sfere ale vieții sociale. Astfel, conchidem că în legislația României faptele socialmente periculoase săvârșite în sfera activității vamale sunt cuprinse într-o lege specială – Legea privind Codul vamal.

De menționat că și Codul vamal al Republicii Moldova conține definiția de contrabandă. Însă, respectivul act normativ nu incriminează faptele de contrabandă, precum nu incriminează nici faptele de eschivare de la achitarea plăților vamale. Or, acest Cod nu conține pedepse penale pentru săvârșirea numitelor fapte. Codul vamal constituie un act de referință pentru Codul penal.

După această digresiune vom încerca să trecem în revistă prevederile legale în materia infracțiunilor vamale din vechiul și noul Cod vamal al României. Or, cunoașterea prevederilor legale anterior existente, în cumul cu interpretarea istorică, permite practicianului o mai bună aplicare a legii penale la situații concrete din viața reală.

Astfel, din prevederile Codului vamal al României în redacția din 1997 (actualmente abrogat) aflăm că infracțiunea de contrabandă în formă simplă se exprima prin trecerea mărfurilor și bunurilor peste frontiera vamală prin

alte locuri decât cele stabilite pentru controlul vamal (art.175). Contrabanda calificată era reglementată de art.176, în acord cu care constituia infracțiune trecerea peste frontieră, fără autorizație, a armelor, munițiilor, materiilor explozive sau radioactive, a produselor și a substanțelor stupefiante și psihotrope, a precursorilor și a substanțelor chimice esențiale, a produselor și a substanțelor toxice. Aici obiectul material al contrabandei posedă calități speciale. Codul vamal al României în redacția din 1997 mai incrimina două infracțiuni vamale, dar sub alte denumiri decât aceea de contrabandă [14]. Astfel, la art.177 din aceeași lege era reglementată fapta de folosire, la autoritatea vamală, a documentelor vamale, de transport sau comerciale, care se referă la alte mărfuri sau bunuri decât cele prezentate în vamă (infracțiunea de folosire de acte ne-reale). Iar conform art.178, constituia infracțiune folosirea, la autoritatea vamală, a documentelor vamale, de transport sau comerciale falsificate (infracțiunea de folosire de acte falsificate).

Contrabanda în formă agravantă (art.179) consta în faptele definite la art. 175-178, comise de una sau mai multe persoane înarmate ori constituite în bandă. Aceeași formă agravantă, incriminată la art. 180, consta în aceea că faptele prevăzute la art.175-179 erau comise de angajați sau de reprezentanți ai unor persoane juridice care aveau ca obiect de activitate operațiuni de import – export, ori în folosul acestor persoane juridice.

În anul 2006 au apărut ultimele reglementări în domeniul dreptului vamal. Astfel, prin Legea nr. 86/2006 a fost adoptat noul Cod vamal al României, în vigoare și astăzi. Prin Hotărârea Guvernului României nr.707/2006 a fost aprobat Regulamentul de aplicare a noului Cod vamal al României [15]. Noul CV Rom este de fapt o revizuire a Legii nr.141/1997 (lege prin care a fost legiferat vechiul Cod vamal al României). Noul CV Rom apare ca rezultat al necesității de armonizare a legislației României cu cerințele Uniunii Europene. Au fost modificate mai multe articole pentru ca legea să corespundă cerințelor actuale. Legea nr. 86/2006 asigură aplicarea Regulamentului Consiliului (CEE) nr.2913/92 de instituire a Codului vamal comunitar, cu modificările ulterioare, publicat în Jurnalul Oficial al Comunităților Europene nr.302/1992 [16].

Actualul Cod vamal al României detaliază infracțiunile săvârșite în sfera vamală a României, așa cum sunt reglementate în Titlul XII, Secțiunea 1. Infracțiunile sunt stabilite în două forme: consumată și neconsumată sub forma tentativei și în două moduri: simplă și agravată.

Așadar, noul CV Rom prevede la alin.(1) art.270 fapta de introducere în sau scoatere din țară, prin orice mijloace, a bunurilor sau mărfurilor prin

alte locuri decât cele stabilite pentru control vamal. Potrivit alin.(2) art.270 CV Rom, constituie, de asemenea, infracțiune de contrabandă și se pedepsește potrivit alin.(1): a) introducerea în sau scoaterea din țară prin locurile stabilite pentru controlul vamal, prin sustragere de la controlul vamal, a bunurilor sau a mărfurilor care trebuie plasate sub un regim vamal, dacă valoarea în vamă a bunurilor sau a mărfurilor sustrase este mai mare de 20.000 lei în cazul produselor supuse accizelor și mai mare de 40.000 lei în cazul celorlalte bunuri sau mărfuri; b) introducerea în sau scoaterea din țară, de două ori în decursul unui an, prin locurile stabilite pentru controlul vamal, prin sustragere de la controlul vamal, a bunurilor sau a mărfurilor care trebuie plasate sub un regim vamal, dacă valoarea în vamă a bunurilor sau a mărfurilor sustrase este mai mică de 20.000 lei în cazul produselor supuse accizelor și mai mică de 40.000 lei în cazul celorlalte bunuri sau mărfuri; c) înstrăinarea sub orice formă a mărfurilor aflate în tranzit vamal.

În conformitate cu alin.(3) al aceluiași articol, sunt asimilate infracțiunii de contrabandă și se pedepsesc potrivit alin.(1) colectarea, deținerea, producerea, transportul, preluarea, depozitarea, predarea, desfacerea și vânzarea bunurilor sau a mărfurilor care trebuie plasate sub un regim vamal cunoscând că acestea provin din contrabandă sau sunt destinate săvârșirii acesteia.

Contrabanda calificată este incriminată la art.271 CV Rom, în acord cu care constituie infracțiune introducerea în sau scoaterea din țară, fără drept, de arme, muniții, materiale explozibile, droguri, precursori, materiale nucleare sau alte substanțe radioactive, substanțe toxice, deșeuri, reziduuri ori materiale chimice periculoase.

Fapta de folosire a unor acte nereale este incriminată la art.272 CV Rom, în conformitate cu care constituie infracțiune folosirea, la autoritatea vamală, a documentelor vamale, de transport sau comerciale care se referă la alte mărfuri sau bunuri ori la alte cantități de mărfuri sau bunuri, decât cele prezentate în vamă. Iar la art.273 CV Rom este prevăzută infracțiunea de folosire a unor acte falsificate, constituind infracțiune fapta de folosire, la autoritatea vamală, a documentelor vamale, de transport sau comerciale falsificate.

În fine, varianta agravată a infracțiunii este prevăzută la art.274 CV Rom, în acord cu care răspunderea penală pentru faptele infracționale prevăzute la art.270-273 CV Rom se agravează dacă faptele sunt săvârșite de una sau mai multe persoane înarmate ori de două sau mai multe persoane împreună.

Concluzii. Infracțiunile vamale, sfera de întindere a acestora, limitele de atribuire a faptelor socialmente periculoase la categoria infracțiunilor vamale se află în strictă dependență cu cadrul normativ al statului.

În conformitate cu legislația penală a Republicii Moldova, prin infracțiuni vamale trebuie înțelese faptele prejudiciabile care pot lua forma acțiunii sau inacțiunii, săvârșite cu intenție, pasibile de pedeapsă penală, comise în sfera activității economice externe în legătură cu trecerea bunurilor peste frontiera vamală, prin ignorarea reglementărilor vamale, fapte ce atentează la valorile și relațiile sociale aferente activității vamale, prevăzute la art.248 și 249 CP RM.

Convențional, infracțiunile reunite sub denumirea marginală de contrabandă și cele reunite sub denumirea marginală de eschivare de la achitarea plăților vamale pot fi denumite infracțiuni vamale, aceasta deoarece atât infracțiunile de contrabandă, cât și cele de eschivare de la achitarea plăților vamale sunt fapte comise în sfera vamală, având deci, același obiect juridic de subgrup.

Comparativ cu CP RM în redacția din 1961, potrivit căruia infracțiunile de contrabandă erau amplasate în cadrul Capitolului I din Partea Specială a Codului penal intitulat „Infracțiuni contra statului”, în conformitate cu prevederile legale din actualul Cod penal, infracțiunile reunite sub denumirea marginală de contrabandă sunt amplasate în cadrul Capitolului X din Partea Specială a Codului penal – „Infracțiuni economice”.

În anul 2006 au apărut ultimele reglementări în domeniul dreptului vamal al României. Astfel, prin Legea nr. 86/2006 a fost adoptat noul Cod vamal al României, în vigoare și astăzi. Prin Hotărârea Guvernului României nr.707/2006 a fost aprobat Regulamentul de aplicare a noului Cod vamal al României [15]. Noul CV Rom este de fapt o revizuire a Legii nr.141/1997 (lege prin care a fost legiferat vechiul Cod vamal al României). Noul CV Rom apare ca rezultat al necesității de armonizare a legislației României cu cerințele Uniunii Europene. Au fost modificate mai multe articole pentru ca legea să corespundă cerințelor actuale.

Cunoașterea prevederilor legale anterior existente, în cumul cu interpretarea istorică, permite practicianului o mai bună aplicare a legii penale la situații concrete din viața reală.

Referințe bibliografice

1. Pasat A.O. Analiza juridico-penală a infracțiunilor vamale conform legislației Republicii Moldova, - Chișinău: Tipografia Centrală, 2016, p. 67.
2. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1991, nr.009.
3. Maimescu S., Pasat O. Contrabanda în legislația Republicii Moldova. În: Conferința științifică națională cu participare internațională „Integrare prin cercetare și inovare” (10-11 noiembrie 2015). Chișinău: CEP USM, 2015, p.156.

4. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1991, nr.009.
5. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1993, nr.010.
6. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, ediție specială, 2007.
7. Pasat O. Analiza juridico-vamală a contravențiilor, infracțiunilor vamale comise pe teritoriul vamal al Republicii Moldova în conformitate cu Codul vamal din 2000. În: Revista Națională de Drept, 2014, nr.1, p.71.
8. Вештиле Советулуй Супрем ал РСС Молдовенешть, 1961, nr.10.
9. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, nr.128-129, republicat în Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2009, nr.72-74.
10. Buletinul Oficial al României, 1978, nr.115.
11. Monitorul Oficial al României, 2009, nr.510.
12. Monitorul Oficial al României, 1997, nr.65.
13. Monitorul Oficial al României, 1997, nr.180.
14. Pasat O. Apariția și evoluția infracțiunilor vamale pe teritoriul României. În: Simpozionul internațional „Universul științelor” – Ediția a IV-a, 08 septembrie 2013, Iași, p.307.
15. Monitorul Oficial al României, 2006, nr.520.
16. Regulamentul Consiliului (CEE) de instituire a Codului Vamal Comunitar, nr.2913 din 12.10.1992 <http://eurex.europa.eu/LexUriServ.do?uri=CONSLEG:1992R29> (vizitat la 07.11.2015).

PROBLEMATICA DEFINIRII DOCTRINARE A DREPTULUI DE PROPRIETATE PRIVATĂ: ABORDARE TEORETICO-PRACTICĂ

Natalia CTITOR, *doctor în drept, IRIM*

Rezumat

Obiectivul urmărit de autor constă în studiul doctrinei în domeniul dreptului de proprietate privată, în special identificarea problemelor de definire doctrinară și legală a noțiunii dreptului de proprietate privată, precum și argumentarea opiniilor proprii privind definirea acestui drept subiectiv și fundamental, precum și accentuarea elementelor esențiale ale definiției promovate. Importanța prezentului studiu constă în motivarea necesității reglementării exprese, prin instituirea normelor juridice, a instituției proprietății private, ceea ce, actualmente, este lipsă în legislația autohtonă, în special în Codul Civil al RM.

***Cuvinte-cheie:** dreptul de proprietate privată, posesie, folosință, dispoziție, definiție*

THE PROBLEM OF PRIVATE PROPERTY DOCTRINAIRE DEFINING: THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES

Abstract

The aim of the author is to study the doctrine on the right of private property, in particular to identify the problems of defining doctrinal and legal notion of private property right and to argue opinions on defining this right as subjective and fundamental and to emphasize the essential elements of the promoted defini-

tion. The importance of this study is to motivate the need of explicit regulation through the establishment of legal norms of private property institution, which currently is missing in the national legislation, particularly in the Civil Code of the Republic of Moldova.

Keywords: private property right, possession, usage, disposal, definition

Introducere. Fiind o categorie complexă, în doctrină, dreptul de proprietate privată este interpretat în mai multe sensuri: ca bază a sistemului economic, ca libertate publică, ca drept subiectiv real, ca element al ordinii de drept.

În sensul său economic, proprietatea exprimă o relație socială de apropiere de către oameni a bunurilor materiale [19, p. 232].

Drept categorie economică, proprietatea privată reflectă relațiile dintre oameni în procesul de producție și de repartitie a bunurilor materiale. Proprietatea privată caracterizează în ale cărui mâini se află mijloacele de producție și a cărui interes servesc. Astfel, sub aspect economic, proprietatea privată exprimă o relație de apropiere, de însușire a premiselor materiale ale unui proces de producție. Când însușirea respectivă este determinată prin acte normative, ocrotită și garantată de către stat, proprietatea privată îmbracă un veșmânt juridic, devenind astfel și o categorie juridică. Sub aspect juridic, proprietatea își găsește exprimarea atât în dreptul de proprietate, cât și în întregul sistem economic al societății. Ca și multe alte fenomene și categorii sociale, proprietatea nu rămâne neschimbată, ci e supusă unui flux de metamorfoze continuu. Mai mult decât atât, la etapa actuală, proprietatea devine o categorie primordială care tot mai mult se evidențiază din multiplele probleme sociale, iar dreptul la proprietate privată e considerat ca fiind unul dintre drepturile fundamentale ale omului. Așadar, ca noțiune economică, proprietatea desemnează relațiile dintre oameni în legătură cu însușirea bunurilor [1, p. 33], în scopul desfășurării unor activități de producție și de consum.

Analiza categoriei economice a „proprietății” o corelăm cu concepția asupra „dreptului”, ca factor obiectiv care exclude tratarea arbitrară, prin ignorarea legilor economice obiective, a problemelor economice influențate de aceste legi. Fiind o categorie economică primară, noțiunea de „proprietate” poate fi examinată independent de alte categorii economice, majoritatea cărora comportă un caracter secundar (indici economici, relații sociale, relații de muncă, preț, valoare ș.a.). Mai mult decât atât, examinarea altor probleme economice, în particular din domeniul social și al relațiilor de muncă, a arătat că la baza percepției juste, practic a tuturor problemelor economice, se află concepția obiectivă asupra „proprietății”, cea mai importantă categorie

economică, care determină problemele juridice și legislative în domeniul relațiilor sociale și al relațiilor de muncă, care condiționează repartitia bunurilor rezultate din activitatea de producție [11, p. 121].

Din punct de vedere economic, orice raport de însușire a unor bunuri constituie un raport de proprietate, dar numai acele relații de apropiere care sunt reglementate prin Lege, capătă caracter de raport juridic de proprietate. Proprietatea, ca premisă a oricărei activități economice, adică a funcționării oricărei societăți, nu putea rămâne în afara sferei de reglementare a dreptului, căci finalitatea dreptului constă anume în organizarea și asigurarea funcționării societății. Etapa de dezvoltare economică a unei societăți impune atât fixarea categoriei bunurilor, ce pot forma obiect al dreptului de proprietate, cât și regimul juridic aplicabil acestora. Astfel, proprietatea ca realitate economică și socială a constituit premisa nașterii dreptului de proprietate, ea devenind un astfel de drept îndată ce a intrat în atenția autorității statale și a făcut obiectul reglementărilor editate de acesta [5, p. 14].

Metode aplicate. În contextul celor relatate, am considerat oportun efectuarea unei cercetări minuțioase prin metode analitice logice, comparative, sistemice și prospective a regimului dreptului la proprietate privată, care este prevăzut în dreptul internațional, în special în Convenția europeană. Metoda analizei logice (analiza deductivă, inductivă, generalizare, specificare etc.), utilizată constant în conținutul cercetării și, în special, la efectuarea sintezei opiniilor diferiților autori privind definirea dreptului de proprietate privată și identificarea criteriilor de diferențiere a dreptului de proprietate privată de dreptul de proprietate publică. Metoda analizei comparative s-a utilizat îndeosebi la compararea actelor normative și doctrinei diferitor state în materia vizată. Metoda analizei sistemice, indispensabilă pentru cercetarea normelor juridice naționale și internaționale de ordin instituțional, material și procedural. Metode prospective, folosite pentru a descrie tendințele existente în domeniul cercetat, inclusiv prin prisma unificării practicii naționale în coraport cu jurisprudența CEDO.

Rezultatele cercetării. Art. 46 din Constituția Republicii Moldova consfințește dreptul la proprietate privată și protecția acesteia. Deși legiuitorul în articolul respectiv nu arată expres cine poate fi titularul acestui drept, el ușor se subînțelege, reieșind din denumirea Capitolului II al acesteia ”Drepturile fundamentale ale omului” [9]. Deci, în Legea fundamentală nu este dată o definiție dreptului la proprietate privată și nici nu poate fi dată, deoarece dreptul la proprietate privată se referă la orice persoană, este un element al statutului juridic al personalității și ține de ordinea publică din Republica Moldova.

În viziunea noastră, este reușită formularea definiției dreptului de proprietate privată în lucrările savanților români [15, p. 116], precum și definirea dreptului de proprietate privată în literatura de specialitate autohtonă, expusă de cercetătoarea Eugenia Cojocari: dreptul de proprietate privată reprezintă acel drept real care aparține persoanelor fizice și persoanelor juridice, în virtutea căruia titularii exercită posesia, folosința și dispoziția asupra unor bunuri, mobile sau imobile, care se află în circuitul civil în condițiile stabilite de legislația în vigoare, având următoarele caractere: real, perpetuu, absolut, exclusiv, sesizabil, alienabil, prescriptibil [8, p. 119].

Până în prezent, în literatura de specialitate nu există o concepție unanimă privind definirea dreptului de proprietate privată, motiv care, în opinia noastră se datorează următoarelor:

1) caracterul complex și importanța majoră a termenului ce urmează a fi definit;

2) metamorfozele, condiționate de dezvoltarea continuă a relațiilor juridice din cadrul dreptului de proprietate;

3) criticarea doctrinară a definirii dreptului de proprietate privată doar prin triadă;

4) promovarea doctrinară a concepției precum că definirea dreptului de proprietate privată duce la limitarea acestuia.

Marea majoritate a autorilor definește dreptul de proprietate privată prin atributele acestuia. Legislația civilă autohtonă nu numai că nu reglementează expres proprietatea privată, respectiv, nu poate conține o definiție a acestuia, dar și, în mod simplificat, enumeră, în art. 315 alin. (1) din Codul Civil al Republicii Moldova (în continuare CC al RM), doar atributele lui.

Totuși, în doctrină, îndeosebi în doctrina occidentală, stabilirea clasică a împuternicirilor proprietarului, ca triadă de împuterniciri, provoacă critici grave. Creșterea numărului de restricții ale dreptului de proprietate privată, dispersarea lui în drepturi parțiale, care există de sine stătător, transformarea drepturilor necorporale într-un obiect comun al proprietății demonstrează foarte clar caracterul perimat și inaplicabil al tratării conținutului dreptului de proprietate privată, ca totalitate de drepturi ce vizează posesia, folosința și dispoziția. Important este să evidențiem că doar proprietarul are dreptul de a dispune de bunul său, fără a-l avea în posesie. Este absolut clar că folosința, înțeleasă, în sens direct, ca drept de a extrage din lucruri particularitățile utile, este absolut fără sens referitor la hârtiile de valoare [10].

Se propun modele alternative de împuterniciri ale proprietarului, în care conținutul dreptului de proprietate privată apare ca un catalog de

elemente posibile (peste 10 la număr) [22, p. 345]. Totodată, fiecare drept concret de proprietate poate cuprinde numai câteva dintre ele, prezentând „un mănunchi” de drepturi [25; p. 170].

Potrivit lui A. M. Honore, în expunerea lui V. A. Kikoti, în componența proprietății se disting unsprezece drepturi (aptitudini ale proprietarului): de posesie (inclusiv asupra bunului nematerial); de folosință; de gestiune, adică adoptarea deciziei privind subiectul și modul în care poate fi folosit; dreptul de a obține venit din utilizarea personală a bunului și din permisiunea acordată altor persoane de a-l folosi; dreptul de înstrăinare, consum, irosire, modificare sau lichidare a bunului; dreptul de securitate, adică imunitatea la expropriere; dreptul de cedare (transmitere) a obiectului; termenul nelimitat; interdicția pentru utilizarea nocivă, adică obligația de a evita utilizarea obiectului în detrimentul sănătății altor persoane; ca sancțiune, adică posibilitatea de a confisca bunul pentru plata unei datorii; caracterul restant, existența unor reguli care asigură restabilirea drepturilor încălcate (nu a dreptului de proprietate în totalitate).

L. Becker, fiind de acord, în principiu, cu A. M. Honore, a efectuat niște calcule din care rezultă 1500 de variante ale drepturilor proprietarului [28; 27].

Savantul rus Sklovski considera că definirea proprietății prin intermediul unei enumerări este un indiciu al limitării dreptului, este descoperirea directă a deficienței potențiale, deseori existente, a acestui drept. Prin prăbușirea ideii de proprietate se poate explica triumful concepției triadei după regula, perfect formulată de Lao Tzi: „Când întregul s-a spart, cioburile cer identificare”. Nu este întâmplător faptul că, după ce proprietatea a fost repusă în valoare, critica acestei concepții s-a intensificat substanțial [29; p. 125].

Este important că, în principiu, din punct de vedere tehnic, nu poate exista o enumerare exhaustivă a drepturilor proprietarului referitoare la bunul său. În caz contrar, se va cheltui multă energie pentru a combate, într-o luptă inutilă, această enumerare, fie „adaptând” la triadă, fie „eliminând” din ea sau din orice altă enumerare fenomenele concrete ale vieții. Cu atât mai mult, nu are sens a căuta esența proprietății în triadă sau în orice altă enumerare detaliată a drepturilor.

Cel mai mare neajuns al metodologiei, potrivit căreia esența proprietății este cuprinsă doar în elementele triadei, rezidă în opinia persistentă despre echivalența „drepturilor de posesie, de folosință și de dispoziție” în orice situație. Ca rezultat, atât în teoria dreptului, cât și în jurisprudență se sesizează rar diferența dintre posesia obiectului de către proprietar, arendaș sau custode, că atitudinea lor față de obiect, motivația și comportamentul lor sunt diferite.

Dacă proprietarul este liber, lipsit de griji, atașat de obiectul care îi aparține, își face un plan de viitor privind acest obiect, atunci arendașul tinde să exploateze obiectul la maximum și să obțină câștig momentan, este îngrijorat de uzura acestuia și de gândul că reparațiile pe care le efectuează sunt pentru obiectul altuia. Pentru custode, posesia obiectului în general este lipsită de sens. Persistă sentimentul că obiectul nu-i aparține, este un bun străin, servind doar ca o sursă de neliniște. Însă, din punctul de vedere al triadei, în toate cele trei cazuri „dreptul de posesie” este același. Evident, este imposibil a înțelege sensul autentic al dreptului atâta timp, cât nu se percepe diferențierea dreptului de posesie (sau folosință) în diverse situații juridice, în funcție de gradul de apartenență al bunului, al proprietarului sau al unui terț [29, p. 127].

Nu există nici o îndoială că activitatea proprietarului în lumea sa materială, indiferent de noțiunile prin care aceasta este descrisă, fie posesie sau folosință, întotdeauna va fi calitativ și principial diferită, comparativ cu comportamentul într-o lume materială străină, aparținând altor persoane. Este incorectă ideea că drepturile cedate de proprietar altor persoane sunt aceleași drepturi pe care le deținea proprietarul.

Or sensul triadei constă în faptul că elementele componente ale acesteia, „drepturile”, din punct de vedere calitativ, par a fi egale și nu suportă nici un fel de modificări la transmiterea lor, ca urmare, toată bogăția relațiilor de drept se reduce la diverse variante ale unei mozaici simple, formate din trei elemente identice, iar flexibilitatea și multiaspectualitatea vieții este substituită prin scheme lipsite de viață. Însă atunci când, conducându-ne de adevărurile vieții și ale dreptului, descoperim varietatea și multitudinea proprietății lor și a diverselor utilizări ale acestora în funcție de gradul de posesie, întreaga valoare a triadei se risipește în mod firesc și rămân doar dificultățile și incomoditățile legate de ea [29, p. 128].

Această concepție își găsește reflectare și în lucrările savantului rus A.V. Venediktov, care susține că atributele dreptului de proprietate privată – posesia, folosința și dispoziția – atât în parte, cât și în ansamblu, nu redau nici amploarea dreptului de proprietate privată, nici esența sa [24, p. 557].

Așadar, definirea dreptului subiectiv de proprietate privată doar prin atributele sale nu cuprinde esența lui și, respectiv, conținutul social-economic, nici una din perspectivele citate nefiind suficiente pentru a reda rolul imens jucat de instituția proprietății private în istoria omenirii, precum și relația indispensabilă dintre individ și proprietate. Relația dintre individ și proprietatea sa este mult mai complexă decât o pot descrie definițiile tehnice, fie ele economice sau juridice.

Hegel afirma că abia în proprietate persoana se manifestă ca rațiune, iar voința individului capătă existență în fapt numai prin proprietate [16, p. 62]. Astfel poate fi explicată legătura dintre proprietate și ideea de individualitate, de personalitate. S-a afirmat chiar că proprietatea face parte integrantă, într-un sens larg desigur, din personalitatea subiectului de drept, ea se confundă cu dreptul de a fi, al personalității juridice – în sensul de calitate de subiect de drept – drept ireductibil, care stă la baza oricărui sistem juridic democratic [12, p. 249].

De aici și legătura dintre proprietate privată și un atribut esențial al personalității umane: libertatea. Relația dintre proprietate și libertate este atât de strânsă, încât, adesea între ele s-a pus semnul egalității: proprietatea înseamnă libertate; și chiar dacă această relație de egalitate ar fi contestată, nu ar putea fi negat rolul proprietății de garant al libertății moderne, ceea ce face aceste două categorii inseparabile [17, p. 14].

Savantul rus Sklovski susține: dacă nu are sens să căutăm esența proprietății în drepturile proprietarului (în elementele triadei), înseamnă că trebuie să apelăm la altceva. Substanța sa autentică trebuie să conțină calitățile, care disting proprietatea de alte fenomene juridice, iar acestea, după cum se știe, sunt caracterul exclusiv, absolut, deplin ș.a. [29, p. 132].

În acest sens, A. Venedictov susține că esența dreptului de proprietate privată o regăsim în atitudinea față de obiectul proprietății ca față de ceva „al său”, proprietarul exercitând acest drept în putere proprie și în interes propriu [24; p. 557]. De asemenea, proprietarul exercită atributele dreptului său „în interesul propriu”, respectiv, este singurul subiect de drept care exercită personal sau prin alte persoane plenitudinea atributelor dreptului de proprietate conform propriului său interes.

În doctrina națională, Sergiu Baieș afirmă că la definirea dreptului de proprietate, urmează să avem în vedere atât împuternicirile, cât și puterea reală dată și garantată proprietarului de legislația în vigoare [2, p. 50]. În acest context, particularitățile dreptului de proprietate privată constau în faptul, că proprietarul exercită atributele acestui drept în putere proprie și în interes propriu. Aceasta înseamnă că el se supune numai legii, în timp ce acei ce exercită unele atribute ale dreptului de proprietate o fac în temeiul voinței proprietarului și al legii, proprietarul fiind acela care determină limitele de exercitare a acestor atribute [13, p. 56]. Numai astfel poate fi stabilită poziția specifică a proprietarului în raport cu situația oricărei alte persoane, care exercită prerogativele proprietății în temeiul unor alte drepturi subiective, asupra unuia și aceluiași bun.

Ținând cont de o asemenea diferență de abordare și reieșind din faptul că orice definiție semnifică o limitare (căci a defini înseamnă a institui o limită, o graniță, deci a limita; latinescul *definitio* se traduce literalmente ca limitare, instituire a granițelor), conținutul dreptului de proprietate privată poate fi certificat numai în liniile cele mai generale, ca o posibilitate a subiectului să întreprindă, așa cum crede de cuviință, orice acțiuni neinterzise referitoare la obiectul dreptului de proprietate privată și să ceară de la terțe persoane, inclusiv de la stat, respectul față de proprietatea sa.

După cum am relatat mai sus, legislația în vigoare a Republicii Moldova nu conține definiția dreptului de proprietate privată. Art. 315 din CC al RM enumeră doar împuternicirile proprietarului, fără a defini acest drept. Astfel, CC al RM nu relatează nimic despre elementele de exercitare a dreptului de proprietate privată în putere proprie și interes propriu, elemente ce caracterizează dreptul de proprietate privată și delimitează împuternicirile proprietarului de cele ale altor persoane.

Noul Cod Civil Român, în art. 555 alin. (1), definește proprietatea privată în felul următor: "Proprietatea privată este dreptul titularului de a poseda, folosi și dispune de un bun în mod exclusiv, absolut și perpetuu, în limitele stabilite de lege" [6].

În opinia profesorului român C. Bîrsan [3; p. 52], dreptul de proprietate privată poate fi definit ca fiind acel drept subiectiv care aparține persoanelor fizice, persoanelor juridice, statului și unităților administrativ-teritoriale, asupra oricărui bun, cu excepția celor aflate exclusiv în proprietate publică, bunuri asupra cărora titularul exercită posesiunea, folosința și dispoziția, în putere proprie și în interes propriu, însă în limitele determinate de lege.

Fiind un drept subiectiv, dreptul de proprietate privată are un șir de caractere juridice proprii care îl deosebesc de toate celelalte drepturi reale, și anume:

a) **Caracterul absolut**, ce decurge din faptul că dreptul de proprietate privată este recunoscut titularului său în raporturile cu toți ceilalți subiecți de drept, care sunt obligați să se abțină de la acțiunile de a-l atenta. Fiind un drept absolut, dreptul de proprietate privată este, în același timp, *inviolabil*. Principiul de inviolabilitate derivă din prevederile Constituției RM, art. 46 alin. (2), prin care se declară: "Nimeni nu poate fi expropriat decât pentru o cauză de utilitate publică, stabilită potrivit legii, cu dreaptă și prealabilă despăgubire." Același principiu de inviolabilitate este prevăzut și de art. 316 din CC al RM [7], care prevede: "(1) Proprietatea este, în condițiile legii, inviolabilă. (2) Dreptul de proprietate este garantat. Nimeni nu poate fi silit a ceda proprietatea sa, afară numai pentru cauză de utilitate publică

pentru o dreaptă și prealabilă despăgubire. Exproprierea se efectuează în condițiile legii. (3) Pentru lucrări de interes general, autoritatea publică poate folosi solul oricărei proprietăți imobiliare cu obligația de a despăgubi proprietarul pentru daunele aduse solului, plantațiilor sau construcțiilor, precum și pentru alte daune imputabile ei.”

După cum rezultă din normele citate mai sus, dreptul de proprietate privată suportă o serie de limitări în exercitarea sa, determinate de necesități sociale. Aceasta înseamnă că, sub motivația unor necesități sociale, statul poate impune o serie de limite dreptului de proprietate privată.

Limitele normale ale dreptului de proprietate privată au în vedere fie interesele economice și sociale generale, fie interesele domeniului public, fie interesele private ale altora și sunt deosebit de variate.

Așadar, chiar dacă dreptul de proprietate privată a fost definit ca un drept absolut, un drept care permite titularului său să se folosească de lucru și să dispună de el în modul cel mai complet, legea sau convenția părților intervine și aduce anumite limite acestui drept. Se impune, deci, un echilibru între interesul general și cel individual în ce privește reglementarea dreptului de proprietate privată.

Deși dreptul de proprietate privată este un drept absolut și inviolabil, el nu este și nelimitat. Limitele impuse dreptului de proprietate privată pot izvorî din lege, din voința părților (convenționale) și din hotărâre judecătorească [19, p. 235].

În opinia cercetătorilor români C. Bîrsan, P. Perju, M.M. Pivniceru [4, p. 115], sintagma “în limitele determinate de lege” semnifică toate îngrădirile privind obiectul la unele atribute ale dreptului de proprietate privată, menite să apere interesele private sau cele obștești.

Legislația națională, prin prevederile CC al RM, reglementează limitele dreptului de proprietate privată în instituția dreptului de vecinătate (art. 377 – 394) și limitări pentru lucrări de interes general, când autoritatea publică poate folosi solul oricărei proprietăți imobiliare cu obligația de a despăgubi proprietarul pentru daunele aduse solului, plantațiilor sau construcțiilor, precum și pentru alte daune imputabile ei (art. 316).

În opinia noastră, nu poate fi realizată delimitarea prin clasificarea limitelor dreptului de proprietate privată în materiale și juridice, ca fiind două categorii separate, deoarece orice limitare a dreptului de proprietate privată există și este aplicabilă doar în cazurile expres prevăzute de legislație, respectiv, toate limitele dreptului de proprietate privată sunt de ordin juridic, iar limitele juridice, la rândul lor, conform alin. (3) art. 316 CC al

RM, pot fi instituite de lege (legale) sau de drepturile unui terț (convenționale și judiciare).

Aspectul juridic și material al limitărilor dreptului de proprietate privată, după părerea noastră, se suprapun, și se impun concomitent în cazul bunurilor materiale (mobile sau imobile), ca obiect al dreptului de proprietate privată.

Alți autori [14, p. 258] clasifică limitele dreptului de proprietate privată în funcție de interesul ocrotit sau urmărit prin stipularea lor în limite stabilite în interes privat și limite stabilite în interes public.

Profesorul român Corneliu Bîrsan [3, p. 67] deosebește, în funcție de întinderea în timp a limitelor dreptului de proprietate privată, în limite temporare și definitive ale dreptului de folosință asupra bunurilor – proprietate privată, din prima categorie făcând parte rechizițiile, iar din a doua – exproprierea în interes public.

În opinia noastră, rechiziția este o modalitate de limitare a dreptului de proprietate privată prin limitarea posesiei și folosinței bunului proprietarului, cu cedarea în posesie și folosință a bunului autorităților publice competente, în scopul utilizării acestora în interes social. Această limitare poate fi temporară sau definitivă (în ultimul caz, limitarea, ca fenomen juridic, se transformă din limitare în încetare a dreptului de proprietate privată) în funcție de gradul de uzură a bunului rechiziționat la finele perioadei de declarare a mobilizării, a stării de război, a stării de asediu sau de urgență, precum și în caz de concentrări militare, exerciții sau antrenamente de mobilizare ori pentru prevenirea, localizarea sau înlăturarea consecințelor calamităților naturale, a avariilor tehnogene și a catastrofelor.

b) **Caracterul exclusiv al dreptului de proprietate** derivă din împrejurarea că proprietarul este îndreptățit să exercite *singur* toate prerogativele conferite de acest drept. El poate utiliza bunul sau așa cum dorește, fără ca vreo altă persoană să poată interveni într-un mod oarecare în exercițiul dreptului său. Tot astfel, proprietarul este singurul îndreptățit să „dezmembreze” dreptul său de proprietate privată prin consimțirea ca anumite prerogative să fie exercitate de alte persoane, ca drepturi reale, dezmembrăminte ale dreptului de proprietate sau ca drepturi de creanță, rezultate din raporturi juridice obligaționale, după cum, în cazul proprietății comune, atributele dreptului de proprietate privată sunt exercitate *concomitent de mai mulți* titulari asupra aceluiași bun sau asupra aceleiași mase de bunuri, fără, însă, a se pune astfel în discuție caracterul exclusiv al dreptului.

În literatura juridică de specialitate română s-a afirmat că, privit prin prisma caracterului său exclusiv, dreptul de proprietate privată „pare pentru

titularul său ca un monopol”, ceea ce semnifică împrejurarea că „terții nu au, în principiu, nici o parte din utilitatea lucrului care aparține altuia. Ei nu pot nici să îl întrebuințeze, nici să îl folosească și nici să dispună de el. Excluzivitatea se află în raport și cu dreptul de reproducere fotografică”, deoarece proprietarul „are un drept la imagine asupra bunurilor sale” [20, p. 97].

c) **caracterul perpetuu și transmisibil al dreptului de proprietate privată.** Dreptului de proprietate privată îi este specific acest caracter, deoarece dreptul în cauză durează atât timp, cât există bunul care îi formează obiectul. Evident că *natura bunului* va influența acest caracter al dreptului de proprietate. Nimeni nu a susținut și nu va susține vreodată caracterul perpetuu al dreptului de proprietate privată asupra unor bunuri consumptibile, căci ar fi un nonsens.

În realitate, această caracteristică *are un sens juridic* propriu [32, p. 102]. Mai întâi, este de reținut că dreptul de proprietate privată nu are o durată limitată în timp, ci durează atât timp, cât există bunul asupra căruia el se exercită. În același timp, el nu este un drept viager, ci se transmite prin succesiune. De asemenea, se poate transmite prin acte între vii și va continua să existe în patrimoniul celui care îl dobândește, acestea fiind circumstanțe, ce îi determină dreptului de proprietate privată, pe lângă caracterul perpetuu, și caracter transmisibil.

În al doilea rând, dreptul de proprietate este perpetuu, deoarece există independent de exercitarea lui. Dacă legea nu îl obligă, proprietarul poate să nu utilizeze de bun.

În al treilea rând, din moment ce dreptul de proprietate privată nu se pierde prin neuz, înseamnă că acțiunea, cea mai energică, prin care el poate fi apărat, și anume acțiunea în revendicare, trebuie să fie *imprescriptibilă extinctiv*.

Caracterizând dreptul de proprietate privată ca un drept subiectiv, se poate spune că, în liniile cele mai generale, acest drept apare ca măsură de comportament permis [21, p. 68] al persoanei autorizate, el evidențiindu-se prin caracterul său absolut, exclusiv și perpetuu. La o studiere mai aprofundată a dreptului subiectiv se constată că acesta are o anumită structură, în care, un rol decisiv, îl joacă obiectul dreptului de proprietate privată.

Este de menționat că problematica cu privire la obiectul dreptului de proprietate privată este, poate, una dintre cele mai discutate în doctrina dreptului civil național și occidental. La nivel teoretic, unii juriști consideră că, în calitate de obiect al dreptului de proprietate privată se presupun numai bunurile corporale. Astfel, găsim că dreptul de proprietate privată, nu poate exista, în principiu, decât asupra unor bunuri corporale. Este necesar ca

obiectul dreptului de proprietate privată să fie un bun, iar acesta să fie material. Se argumentează că, pornind de la conținutul economic al relațiilor de proprietate, putem spune că obiect al dreptului de proprietate privată poate fi tot ceea ce se poate însuși ca marfă. Acest mod de abordare a problemei, însă, ar fi prea larg, deoarece efectiv, în fiecare caz, marfă poate deveni tot ceea ce este legat de activitatea umană. De aceea este necesar să concretizăm că poate fi obiect al dreptului de proprietate privată nu pur și simplu marfa, ci rezultatul muncii omului, care îmbracă formă de marfă. Toate celelalte obiecte, rezultate din activitatea omului, dacă îmbracă formă de marfă, pot fi obiecte ale relațiilor care, într-o măsură oarecare, se reglementează prin norme ale dreptului de proprietate privată, dar totdeauna obțin un regim juridic special, fiindcă este imposibil a extinde pe deplin asupra lor normele dreptului de proprietate privată [2, p. 61].

Potrivit altor opinii, obiecte ale dreptului de proprietate privată pot fi și bunurile necorporale [21, p. 170; 22, p. 345].

Deci, conform punctului de vedere clasic (expus mai sus), obiect al dreptului de proprietate privată pot fi numai bunurile corporale [31, p. 219]. În cazul unui asemenea punct de vedere, un șir întreg de obiecte ale drepturilor civile, care au însușiri de marfă sau care țin de activele economice, se află în afara cadrului protecției juridice, oferită de dreptul de proprietate privată (proprietatea intelectuală, informația, drepturile de creație).

Merită atenție punctele de vedere ale profesorilor M. M. Braghinski și V. V. Vitreanski referitoare la faptul că recunoașterea "bunurilor" ca obiect al respectivului raport de drept devine, într-un șir de cazuri, prea îngustă [23, p. 848].

Pentru depășirea unor eventuale urmări negative ale abordării expuse, este oportun a se extinde cercul obiectelor dreptului de proprietate privată în scopul apropierii conținutului economic și juridic al dreptului de proprietate privată. În asemenea caz, obiect al dreptului de proprietate privată ar putea fi considerat orice obiect care are următoarele însușiri [30, p. 24]:

- a) are valoare economică ce poate fi exprimată în bani;
- b) există sau poate exista, cu certitudine, în realitate, adică să fie o valoare reală și nu una presupusă.

Valoarea acestei abordări constă în faptul că ea permite a uni, într-o singură instituție, toate obiectele drepturilor civile, care au două caracteristici de bază pentru „proprietatea economică”, și a extinde asupra lor garanțiile constituționale fundamentale ale dreptului de proprietate privată, cum ar fi principiul respectării proprietății și posibilitatea de a cere de la orice persoană să se abțină de la acțiunile ce încalcă dreptul de proprietate privată.

Desigur, trebuie să conștientizăm faptul, că în acest caz, sub una și aceeași instituție se reunesc drepturi subiective absolut diferite după natura lor (corporale și necorporale; obiecte ale dreptului real și obligațional) și, în virtutea acestei realități, regimul juridic al dreptului de proprietate privată nu poate fi identic pentru toate obiectele. Reglementarea juridică trebuie să fie diferențiată pentru a reflecta cât mai exact particularitățile protecției dreptului de proprietate privată, concret, în funcție de obiectul acestuia, cu condiția respectării garanțiilor principale ale dreptului de proprietate privată.

Conținutul oricărui drept subiectiv reprezintă împuternicirile subiectului, iar dreptul de proprietate privată nu este o excepție. Vorba e că răspunsul la întrebarea despre împuternicire este legat nemijlocit de faptul ce se subînțelege prin obiectul dreptului de proprietate privată. Dacă obiectul dreptului de proprietate privată este un bun material, atunci acest drept este caracterizat ca posedare la maximumul posibil, în raport cu un anumit tip de resurse limitate, fapt ce permite delimitarea dreptului de proprietate privată de alte drepturi reale. Dacă se acceptă alt punct de vedere, conform căruia obiecte ale dreptului de proprietate privată pot fi nu numai lucrurile corporale, atunci împuternicirile proprietarului vor depinde (din cauza diferențierii regimurilor de drept) de acel tip de obiect asupra căruia se extinde.

Astfel, pentru dreptul de autor, legea stabilește un anumit cerc de împuterniciri patrimoniale (reproducerea, demonstrarea în public, executarea în public, înștiințare pentru informarea generală, traducerea și altele), care nu se reduc la triadă (art. 11 din Legea privind drepturile de autor și drepturile conexe) [18].

Dacă acceptăm concepția dreptului de proprietate privată care include obiectele dematerializate, atunci, referitor la unele obiecte incorporale (proprietatea intelectuală, informația), se poate de asemenea vorbi, cu siguranță, de caracterul absolut al dreptului de proprietate apărut.

Și în primul, și în al doilea caz avem de a face cu dreptul de proprietate privată în statică. Însă, după cum se știe, există și relații de proprietate în dinamică, atunci când persoanele intră în diferite relații de schimb, de creare a bunurilor materiale. În acest proces, persoanelor le apar diferite drepturi de creanță față de contractanții lor, drepturi care sunt de natură obligațională. În același timp, persoana care dispune de un asemenea drept de creanță poate să transmită dreptul său oricărei terțe persoane. Astfel, pe baza raporturilor juridice de creanță, poate să apară un nou raport de drept. Din punct de vedere economic, o astfel de formă derivată și complicată a activelor persoanei particulare reprezintă, desigur, o marfă, o proprietate și necesită o protecție corespunzătoare absolută, de intervenția, nesanționată sau ilicită,

din partea oricăror terțe persoane, inclusiv din partea statului. În practică, acest lucru este deosebit de actual atunci când statul, reglementând anumite raporturi, limitează, se implică în raporturile juridice de creanță ale subiecților particulari, fapt ce se poate răsfrânge nefavorabil asupra activelor economice ale acestora (arestul conturilor bancare, declararea restructurării datoriei de stat, împiedicarea executării sentinței judiciare). Drept argumentare teoretică a extinderii protecției absolute a dreptului de proprietate privată asupra acestui tip de active ar putea servi categoria raporturilor de drept „mixte”, care îmbină și calitățile relative și pe cele absolute (în special administrarea de gir, ipoteca, arenda). Adepți ai acestui tip de raporturi juridice sunt M. I. Braghinski [23, p. 848], I. K. Tolstoi [26, p. 286].

Totalizând analiza conținutului dreptului de proprietate privată, putem conchide că, la nivel de doctrină, există două concepții de bază ale dreptului de proprietate privată – concepția clasică și concepția universală. Pentru concepția clasică sunt caracteristice astfel de particularități ca:

- orientarea spre obiecte materiale care, de regulă, sunt lucruri individual-determinate;
- existența triadei împuternicirilor proprietarului;
- delimitarea clară între raporturile absolute și cele relative (reale și obligaționale), iar dreptul de proprietate privată poate acționa doar în cazul primelor.

Pentru concepția universală a dreptului de proprietate privată sunt caracteristice:

- a) extinderea dreptului de proprietate privată asupra tuturor valorilor circulante, care au însușiri de valoare economică, de existența reală, indiferent de natura lor materială sau nematerială;
- b) regimuri diferențiate ale dreptului de proprietate privată pentru diferite obiecte;
- c) posibilitatea existenței dreptului de proprietate privată absolut în raport cu drepturile care au apărut din raporturile obligaționale (relative).

Concluzii: În opinia noastră concepția universală a dreptului de proprietate privată este mai aproape de conținutul economic al proprietății și, în virtutea acestui fapt, ea oferă posibilitatea de a apăra cu maximă eficiență activele economice (acestea fiind materiale sau nemateriale, toate, prin prisma practicii judiciare europene, având accepțiunea de ”bun” – ”proprietate privată”) ale subiecților care participă la circuitul civil.

Acceptând concepția universală a dreptului la proprietate privată, în structura obiectelor dreptului de proprietate privată se evidențiază clar

obiectele materiale de care se poate dispune fizic și nemateriale care există sub formă ideală (proprietatea intelectuală, drepturile de creanță). Instituția dreptului de proprietate privată, în acest caz, include chestiunile generale care se aplică tuturor obiectelor, precum și regimuri de drept aparte care țin cont de particularitățile reglementării juridice ale unui sau altui obiect. Din acest punct de vedere, dreptul de proprietate privată asupra bunurilor materiale este unul din regimurile de drept, care face parte din instituția generală a dreptului de proprietate privată.

Prin urmare, însumând cele relatate mai sus, ținând cont de opiniile cercetătorilor în domeniu referitoare la definirea doctrinară a dreptului de proprietate privată, considerăm că acest drept, poate fi definit în modul următor: *dreptul de proprietate privată este un drept subiectiv al titularilor privați asupra obiectelor materiale sau nemateriale, cu excepția celor excluse din circuitul civil, obiectele dreptului de proprietate privată fiind sesizabile, prescriptibile și alienabile, cu excepțiile prevăzute de lege, asupra cărora, titularii exercită, în putere proprie și în scop propriu, posesia, folosința și dispoziția, în mod absolut, exclusiv și perpetuu, în limitele legii.*

Astfel, definiția expusă conține toate elementele caracteristice dreptului de proprietate privată, care îl individualizează, îl delimitează de cealaltă formă de proprietate – cea publică, și îl caracterizează prin prisma nivelului de dezvoltare actual al relațiilor juridice din cadrul acestui drept subiectiv, și anume:

- 1) sunt evidențiați subiecții – titulari privați care pot fi persoane fizice sau juridice;
- 2) este conturat obiectul, acesta fiind material sau nematerial;
- 3) sunt expuse caracterile juridice ale obiectelor dreptului de proprietate privată, acestea fiind sesizabile, prescriptibile și alienabile (cu excepțiile prevăzute de lege);
- 4) sunt expuse împuternicirile titularului dreptului de proprietate în raport cu obiectul său – exercitarea posesiei, folosinței și dispoziției, în putere și scop propriu;
- 5) sunt evidențiate modalitățile de realizare a dreptului de proprietate privată – în mod absolut, exclusiv și perpetuu;
- 6) este menționat că exercitarea elementelor dreptului de proprietate privată este limitată doar de lege.

Referințe bibliografice

1. Adam I. Drept civil. Drepturile reale. București: ALL BECK, 2002. 797 p.
2. Baieș S. ș.a. Drept Civil. Drepturile reale. Teoria generală a obligațiilor. Volumul II. Chișinău, CARTIER juridic, 2005. 275 p.
3. Bîrsan C. Drept civil. Drepturile reale principale în reglementarea noului Cod civil, Ed. Hamangiu, București, 2013, 486 p.
4. Bîrsan C., Perju P., Pivniceru M.M., Cod civil adnotat, Ed. Hamangiu, București, 2008, 734 p.
5. Chelaru E. Drept civil. Drepturile reale principale, ed. a 3-a, Ed. C. H. Beck, București, 2009, 387 p.
6. Cod civil român, aprobat prin Legea 287/2009, republicat în MO nr 505/2011, aplicabil din 01.10.2011, <http://legeaz.net/noul-cod-civil>
7. Codul Civil al Republicii Moldova nr. 1107 din 6 iunie 2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 082 din 22.06.2002//Monitorul Oficial al R.Moldova nr.82-86/661 din 22.06.2002, cu modificările de până la 29.05.2014.
8. Cojocari Eugenia. Drept Civil. Drepturi reale. Bălți: Tipogr. Biznes-Elita, 2003. 239 p.
9. Constantin M., Dicționar de drept civil. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1980.- 332p.
10. Ctitor Natalia, „Esența, conținutul și obiectele dreptului de proprietate privată”, articol publicat în revista „Legea și viața”, nr 6/2011, p. 19.
11. Ctitor Natalia „Esența dreptului de proprietate ca categorie juridică și economică/studiu comparativ”, în cadrul Conferinței internaționale științifico-practică, cu genericul Reafirmarea drepturilor și libertăților fundamentale la 60 ani ai Declarației, Universale a Drepturilor Omului, publicat în ediția 2009 a Universității de Studii Europene din Moldova, Chișinău, 370 pagini, p. 628.
12. Djuvara M. Teoria generală a dreptului – drept rațional, izvoare de drept pozitiv. București: Ed. ALL BECK, 1999. 367 p.
13. Dogaru I., Cercel S., Drept civil. Teoria generală a drepturilor reale. București: ALL BECK, 2003. 365 p.
14. Filipescu I. P., Filipescu A.I., Drept civil. Drept de proprietate și alte drepturi reale, Ediție revizuită și completată, Editura Universul Juridic, București, 2006, 873 p.
15. Florescu D. C. Dreptul de proprietate și alte drepturi reale principale. Ed. Universității Titu Maiorescu, București, 2002. 608 p.
16. Hegel G. F.W. Principiile filosofiei dreptului. București: Ed. IRI, 1996. 336 p.
17. Iliescu A-P. Liberalismul. Între succese și iluzii. București: Editura: ALL, 1998. 271 p.

18. Legea RM privind dreptul de autor și drepturile conexe nr. 139 din 02.07.2010 // Monitorul Oficial nr. 191-193/630 din 01.10.2010,
19. Stănciulescu C. Manual de drept civil general. Teste grilă, București, Ed. Hamangiu, 2009, 296 p.
20. Ungureanu O., Munteanu C., *Tratat de drept civil. Bunurile. Drepturile reale principale*, Ed. Hamangiu, București, 2008, p. 429.
21. Алексеев, С. С. *Право: Азбука - теория – философия: опыт комплексного исследования*. Москва: Статут, 1999. 710 с.
22. Бодюл Татьяна, *Сходство и различие понятий собственности в вещном праве и интеллектуальной собственности*, *Articol publicat în "Dreptul privat ca factor în dezvoltarea relațiilor economice. Tradiții, actualitate și perspective."* Conferința științifică cu participare internațională, dedicată aniversării a 80 de ani de la nașterea lui Victor Volcinschi, dr. în drept, profesor universitar/com. de org.: Nicolae Roșca, Chișinău, CEP USM, 2014, 420 p.
23. Брагинский М. И., Витрянский В. В. *Договорное право. Книга первая: Общие положения*. Москва: Статут. 2000 – 848 с. // <http://lawbook.by.ru/civil/Braginsky1/cont.shtml>,
24. Венедиктов, А. В. *Избранные труды по гражданскому праву*. В 2 т. Т. II. М.: "Статут", 2004. – 557 с. (Классика российской цивилистики.) // <http://civil.consultant.ru/elib/books/32/info/vizitat> la 07.02.2014.
25. Власова М. В. *Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития*. - М.: МЗ - Пресс, 2002. 192 с.
26. *Гражданское право*, Под редакцией Толстого Ю. К., Сергеева А. П.: Учебник Ч.1 - Санкт- Петербург: ТЕИС, 1996. 600 с.,
27. Кашкина С. Ю. *Право европейского Союза*. М.: Изд. Юрист, 2001, 322 с.
28. Кикоть, В. А. *Об основных тенденциях развития учения о праве собственности при государственно-монополистическом капитализме* // http://www.pravo.vuzlib.org/book_z150_page_3.html, vizitat la 07.02.2014,
29. Скловский К. И. *Собственность в гражданском праве*. Учеб.- практ. Пособие, 2-е изд., Москва, «Дело», 2000, 512 с.
30. Старженецкий В. В., *Россия и Совет Европы: право собственности*. Москва: Изд. Дом «Городец», 2004. 208 с.
31. Хартли Т. К. *Основы права Европейского Сообщества: Пер. с англ.* – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. 703 с.
32. Berghel J.-L., Bruschi M., Cimamonti S. *Traité de droit civil, sous la direction de J. Ghestin, L.G.D.J., Paris, 2000, 498 p.*

PARTICULARITĂȚILE REPREZENTĂRII JUDICIARE ÎN PROCESUL CIVIL

Andrei BALAN, master în drept, IRIM

Rezumat

Reprezentarea judiciară este o instituție a dreptului procesual civil, prin care o persoană îndeplinește în numele altei persoane acțiunile procesuale, delegate pe bază de procură, mandat sau în temeiul legii. Instituția reprezentării este una foarte importantă, deoarece în practica judiciară au loc numeroase situații, când titularii drepturilor subiective în vederea apărării drepturilor încălcate sunt nevoiți să apeleze la serviciile altor persoane, care dispun de cunoștințe în materie. Importanța participării reprezentantului în procesul civil se manifestă și prin faptul că acesta contribuie la înlăturarea justiției, ajutând în acest sens instanța de judecată la stabilirea adevărului, colectarea și aprecierea probelor și aplicarea corectă a normelor de drept.

Cuvinte-cheie: reprezentare judiciară, proces civil, lege, reprezentant, reprezentat, împuterniciri, avocat, avocat stagiar, persoana fizică, persoana juridică

THE FEATURES OF THE LEGAL REPRESENTATION IN THE CIVIL TRIAL

Abstract

The legal representation is a civil procedural law institution by which a person performs on behalf of another person, procedural actions, delegated based on the power of attorney, mandate or based on the law provisions. The representation institution is a very important one, as within the judicial practice there are many of cases when the subjective rights holders to protect their rights, which were violated, are forced to seek the services of other persons who have knowledge in the field. The importance of a representative's participation in the civil

trial is manifested by the fact that it contributes to the fulfillment of justice, by helping this way the court to demonstrate the truth, to collect and assess the evidence and to justly apply the rules of law.

Keywords: *legal representation, civil trial, law, representative, represented, power of attorney, lawyer, trainee lawyer, natural person, legal person*

Introducere. Dreptul la apărare și accesul la justiție sînt drepturi fundamentale, garantate de art.20 și art.26 din Constituția Republicii Moldova din 29 iulie 1994 [1] și tratatele internaționale și care nu pot să depindă de nivelul economic al justițiabilului sau de resursele pe care le consideră suficiente statul.

Astfel, pe lîngă drepturile generale și speciale de care dispun părțile în procesul civil, Codul de procedură civilă nr.225-XV din 30 mai 2003 [2] stabilește că în instanța de judecată părțile și alți participanți la proces își pot apăra drepturile și interesele personale sau prin intermediul unui reprezentant.

În acest sens, relevăm faptul că persoana are deplina facultate de a hotărî asupra antrenării în proces a unui reprezentant profesionist, precum și asupra renunțării la acesta în favoarea altuia sau chiar de a nu beneficia de o asistență calificată, cu excepția cazurilor în care legea instituie asistența juridică calificată obligatorie.

Posibilitatea participării în proces a reprezentantului constituie una din garanțiile realizării dreptului constituțional la apărare și asigură realizarea drepturilor și obligațiilor procedurale ale participanților la proces, care din anumite motive nu pot sau pentru care este complicat să le realizeze personal.

Instituția reprezentării judiciare este una actuală, deoarece aceasta este folosită frecvent în procesul civil în vederea realizării unei apărări calificate.

Metodă și material aplicat. Această cercetare este fundamentată pe asemenea metode, precum metoda comparativă, de analiză sistemică a fenomenelor, generalizarea, analiza și sinteza ș.a. Utilizarea acestor metode în cercetarea problemei vine să asigure determinarea esenței fenomenului analizat. Suportul teoretic al articolului îl constituie lucrările lui Pisarenco O., Leș I., Savva A. ș.a.

Rezultatele investigației. Prin reprezentare judiciară urmează a fi înțeleasă situația în care o persoană, numită reprezentant, îndeplinește actele procesuale într-un proces și participă la raporturile procesuale în numele și pentru o altă persoană, numită reprezentat, care este titularul dreptului litigios [3, p.137].

Reprezentarea judiciară nu este o instituție pur procesuală, ci reprezintă aplicarea în dreptul procesual a normelor de drept civil din materia reprezentării,

mandatului și a capacității juridice a persoanei. Spre deosebire de reprezentarea din cadrul raporturilor de drept material, care are drept scop încheierea de acte juridice pentru a genera, modifica sau stinge drepturi și obligații juridice, scopul reprezentării judiciare este determinat de necesitatea asigurării unei apărări eficiente a drepturilor și intereselor legitime ale persoanelor.

Scopul urmărit de reprezentant, atunci când îndeplinește actele procedurale în numele și în interesul reprezentatului, este acordarea ajutorului juridic necesar acestuia din urmă, participând nemijlocit în proces sau asistându-l în proces și oferind-ui consultații, sfaturi și recomandări. Prin acest ajutor juridic acordat, reprezentantul contribuie la exercitarea din plin a drepturilor și obligațiilor procesuale a persoanelor, care din cauza lipsei cunoștințelor juridice nu ar fi putut atinge rezultatul scontat [4, p.69-70].

Necesitatea reprezentării este determinată de mai multe temeuri:

1) unii dintre participanții la proces pot fi incapabili, cu capacitate de exercițiu limitată sau lipsiți de această capacitate prin hotărârea instanței de judecată și în aceste cazuri drepturile și interesele lor trebuie să le apere părinții, înfietorii, organele de tutelă și curatelă;

2) interesele persoanelor fizice și juridice pot fi apărate de reprezentanți;

3) persoanele care nu cunosc legislația în vigoare de asemenea pot fi reprezentați [5, p.61];

4) existența principiului contradictorialității, care pune sarcina probației pe seama ambelor părți, ci nu pe judecător, fapt care face dificilă atingerea rezultatului dorit în lipsa unor cunoștințe juridice calificate;

5) ficțiunea persoanelor juridice, care nu pot participa la raporturi juridice, inclusiv procesuale civile, decât prin intermediul unor persoane fizice, care au o anumită legătură cu ele, în limitele împuternicirilor stabilite în lege sau contract [4, p.70].

Reprezentarea judiciară implică realizarea de către reprezentant a drepturilor procedurale în numele și în interesul altui participant la proces. Atunci când se menționează că reprezentantul acționează *în numele* reprezentatului, se are în vedere că primul acționează în proces din însărcinarea celui de-al doilea și îl angajează într-un raport juridic cu prezența sau fără ca el să fie prezent. Altfel spus, reprezentantul este și rămâne purtătorul de nume și de voință proprie, însă, prin cumul devine și purtătorul de nume și de voință al altei persoane, a cărei voință o exteriorizează la îndeplinirea actului procedural.

Expresia *în interesul* reprezentatului sugerează ideea că efectele actului efectuat de reprezentant se vor produce în persoana celui reprezentat și el va fi cel care va suporta consecințele juridice ale aceluia act, precum și efectul

benefic pe care îl va produce activitatea reprezentantului, menirea căruia este supravegherea respectării și realizării din plin a drepturilor și obligațiilor procesuale ale persoanei pe care o reprezintă [4, p.70].

Instituția reprezentării, fiind reglementată de Codul de procedură civilă din 30 mai 2003, a fost supusă mai multor modificări.

Astfel, în varianta inițială, art.75 alin.(1) din Codul de procedură civilă a stabilit că în procesul civil persoanele fizice își pot apăra interesele personal sau prin reprezentanți. Persoanele juridice participă în procesul civil prin intermediul organelor lor de administrare, care acționează în limitele atribuite de lege și statut, precum și prin reprezentanții săi (art.75 alin.(2) din același Cod).

Prin Legea nr.102 din 28 mai 2010 pentru modificarea și completarea unor acte legislative [6] au fost introduse modificări în art.75 din Codul de procedură civilă, care au intrat în vigoare la 01 ianuarie 2012. Astfel, în alin.(1) cuvântul "reprezentanți" a fost substituit cu cuvântul „avocat”, iar la alin.(2) cuvintele „reprezentanții lor” au fost substituite cu textul „alți angajați împuterniciți ai persoanei juridice sau de către avocați”.

Prin Legea nr.219 din 19 octombrie 2012 cu privire la modificarea și completarea unor acte legislative [7], care a intrat în vigoare la 07 decembrie 2012, au fost introduse noi modificări la art.75 din Codul de procedură civilă: la alin.(1), cuvintele „sau prin avocat” au fost substituite cu cuvintele „prin avocat sau avocat stagiar”, iar la alineatul (2), cuvintele „sau de către avocați” se substituie cu cuvintele „de către avocați sau avocați stagiați”.

Astfel, pînă la 01 ianuarie 2012, în calitate de reprezentant judiciar putea fi orice persoană fizică cu capacitate de exercițiu deplină, care avea împuternicirile respective din partea reprezentatului pentru a susține procesul.

Însă, actualmente, în urma modificărilor, operate prin Legea nr.102 din 28 mai 2010 și Legea nr.219 din 19 octombrie 2012, în procesul civil, persoanele fizice își pot apăra interesele personal, prin avocat sau avocat stagiar (art.75 alin.(1) din Codul de procedură civilă). Procesele persoanelor juridice se susțin în instanță de judecată de către organele lor de administrare, care acționează în limitele împuternicirilor atribuite prin lege, prin alte acte normative sau prin actele lor de constituire, precum și de către alți angajați împuterniciți ai persoanei juridice, de către avocați sau avocați stagiați (art.75 alin.(2) din Codul de procedură civilă).

Este necesar de remarcat faptul că modificările, operate în Codul de procedură civilă prin Legea nr.102 din 28 mai 2010, au constituit obiectul controlului constituționalității. Astfel, un grup de deputați - autori ai sesizării

au menționat că prin adoptarea acestor norme s-a urmărit scopul de a institui monopolul avocaților asupra prestării serviciilor juridice calificate și de reprezentare în instanțele de judecată, limitându-se astfel dreptul persoanei de a fi asistată în instanța de judecată de alte persoane decât avocații.

În urma examinării sesizării, Curtea Constituțională a adoptat hotărârea nr.3 din 10 februarie 2011 [8], prin care a respins sesizarea grupului de deputați și a recunoscut ca fiind constituționale prevederile Legii nr.102 din 28 mai 2010. În susținerea soluției adoptate, Curtea Constituțională a statuat că instituirea restricțiilor asupra reprezentării judiciare nu contravine normelor constituționale și celor internaționale, precum și regulilor generale ale unei societăți democratice. În acest sens, Curtea Constituțională a invocat că art.26 alin.(3) din Constituție stabilește dreptul părții de a beneficia de asistența unui avocat, înțelegând prin aceasta o persoană care are calitatea de avocat, dobândită în condițiile legii. Această prevedere este o puternică garanție, care previne desfășurarea unor activități de asistență juridică de către persoane necalificate, nesupuse controlului profesional. Deși în realitate în cauzele civile reprezentanții ai persoanelor fizice și juridice, care nu sunt avocați, exercită atribuții specifice avocatului, activitatea lor nu este subordonată unor exigențe etice sau profesionale, ceea ce subminează obligația pozitivă a statului de a asigura asistența juridică calificată în procedurile judiciare. Prin urmare, Curtea Constituțională a conchis că noile amendamente privind reprezentarea judiciară răspund unor rațiuni de natură obiectivă, având drept scop de a face ordine într-un domeniu de importanță majoră pentru apărarea drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, de a anihila deficiențele în acordarea asistenței juridice în cauzele civile prin excluderea din acest proces a persoanelor, care în activitatea lor nu se conduc de standardele deontologice și profesionale pe care în mod normal le implică avocatura.

În cadrul reprezentării judiciare se poate face distincție între reprezentarea obligatorie și voluntară (facultativă).

Reprezentarea judiciară obligatorie este reprezentarea care are loc indiferent de voința reprezentatului.

Reprezentarea judiciară voluntară este reprezentarea care poate avea loc în dependență de voința reprezentatului.

În funcție de natura juridică a raporturilor juridice dintre reprezentant și reprezentat există mai multe feluri de reprezentare:

a) *reprezentarea judiciară legală*, care se produce în virtutea prevederilor legale cu condiția existenței unor anumite fapte juridice.

Reprezentarea legală se exercită în apărarea drepturilor, libertăților și intereselor persoanelor fizice ce nu au capacitate de exercițiu deplină și persoanelor fizice declarate ca având capacitatea de exercițiu limitată [5, p.61].

Expresia ”reprezentare obligatorie legală” se explică prin faptul că persoana, datorită incapacității de exercițiu totale sau parțiale, nu poate de sine stătător să-și aleagă reprezentantul, motiv din care reprezentantul este stabilit prin lege [9, p.152].

Astfel, conform art. 79 din Codul de procedură civilă, reprezentanți legali sînt: a) părinții, înfietorii, tutorii, curatorii și alte persoane prevăzute de lege care apără în judecată drepturile, libertățile și interesele legitime ale persoanelor fără capacitate de exercițiu sau cu capacitate limitată; b) administratorii fiduciarilor sau tutorii care apără drepturile persoanelor declarate dispărute fără urmă; c) custodele sau tutorele, care apără drepturile și interesele legitime ale moștenitorilor, dacă moștenirea încă nu a fost acceptată de nimeni.

b) o varietate a reprezentării obligatorii o constituie *reprezentarea din oficiu*. Conform art.77 din Codul de procedură civilă, instanța judecătorească solicită oficiului teritorial al Consiliului Național pentru Asistență Juridică Garantată de Stat desemnarea unui avocat pentru parte sau intervenient: a) în cazul în care partea sau intervenientul sînt lipsiți sau limitați în capacitatea de exercițiu și nu au reprezentanți legali sau dacă domiciliul pîrîtului nu este cunoscut; b) dacă instanța constată un conflict de interese între reprezentant și reprezentatul lipsit ori limitat în capacitatea de exercițiu; c) în condițiile art.304, 316 și 318i; d) în alte cazuri prevăzute de lege.

c) *reprezentarea judiciară convențională* - care poate avea loc atunci cînd între reprezentat și reprezentant există o înțelegere (de exemplu, un contract de mandat sau un contract de asistență juridică).

Rațiuni obiective, iar uneori subiective, determină părțile litigante să recurgă la serviciile unui terț în vederea apărării intereselor lor în justiție. Cel mai adesea, în favoarea unei atari opțiuni pledează argumente deduse din necesitatea realizării unei apărări calificate, respectiv, printr-un profesionist al dreptului [10, p.117].

Reprezentarea convențională are ca temei acordul reprezentantului și reprezentatului. Însă, împuternicirile reprezentantului contractual oricum trebuie specificate în procură (în cazul reprezentării prin angajații împuterniciți ai persoanei juridice) sau mandat (în cazul reprezentării de către avocat/avocat stagiar a unei persoane fizice sau juridice).

Temeiurile reprezentării judiciare depind de felul acesteia. Astfel, reprezentarea legală are drept temei: relația de rudenie, confirmată în modul

corespunzător prin buletinul de identitate și actul de naștere al copilului sau prin hotărârea judecătorească de încuviințare a adopției; actul administrativ de numire a tutorelui sau curatorului, hotărârea judecătorească și contractul de administrare fiduciară pentru administratorul fiduciar (art. 50 din Codul Civil nr.1107-XV din 06 iunie 2002 [11]), actul notarial de numire a custodelui averii succesoriale (art. 1555 din Codul Civil) etc. [12, p.115].

Formularea împuternicirilor reprezentantului în procesul civil este în dependență directă de temeiul reprezentării. Astfel, pentru fiecare tip de reprezentare judiciară în procesul civil am putea distinge anumite reguli de legitimare a statutului de reprezentant și formulare a împuternicirilor.

Împuternicirile persoanei juridice trebuie să fie formulate într-o procură, eliberată și legalizată în modul stabilit de lege.

Procurile se eliberează în numele persoanei juridice cu contrasemnătura administratorului ei sau a unei alte persoane împuternicite, adevărate prin acte de constituire și sigilate cu ștampila acestei organizații.

Valabilitatea procurii care confirmă împuternicirile reprezentantului în instanță de judecată încetează în temeiul art.255 din Codul civil.

Reprezentantul legal depune în judecată actele ce atestă statutul și împuternicirile sale.

Împuternicirile date avocatului sau avocatului stagiar se atestă printr-un mandat, eliberat de reprezentat și certificat de avocat (art.80 alin.(7) din Codul de procedură civilă și art.60 alin.(2) din Legea nr.1260-XV din 19 iulie 2002 cu privire la avocatură [13]). Totodată, art.60 alin.(2) din Legea cu privire la avocatură mai stabilește că conținutul, forma și modul de utilizare a mandatului se aprobă de către Guvern.

Astfel, prin Hotărârea nr.158 din 28 februarie 2013 [14] Guvernul a aprobat formularul și modul de utilizare a mandatului avocatului și al avocatului stagiar.

Totodată, avînd în vedere că, potrivit legislației în vigoare, activitatea avocaților nu se limitează doar la reprezentarea judiciară, este posibil de a face distincție între asistența juridică acordată de avocat în afara procesului civil (acordarea consultațiilor juridice, întocmirea documentelor cu caracter juridic etc.) și însuși reprezentarea judiciară [3, p.142].

Reprezentantul care renunță la împuterniciri trebuie să înștiințeze atît reprezentatul, cît și instanța cu cel puțin 10 zile înainte de data judecării pricinii sau înainte de expirarea termenelor de atac.

În conformitate cu art.81 din Codul de procedură civilă, împuternicirea de reprezentare în judecată acordă reprezentantului dreptul de a exercita în

numele reprezentatului toate actele procedurale, cu excepția dreptului de a semna cererea și de a o depune în judecată, de a recurge la arbitraj pentru soluționarea litigiului, de a renunța total sau parțial la pretențiile din acțiune, de a majora sau reduce cuantumul acestor pretenții, de a modifica temeiul sau obiectul acțiunii, de a o recunoaște, de a încheia tranzacții, de a intenta acțiune reconvențională, de a transmite împuterniciri unei alte persoane, de a ataca hotărârea judecătorească, de a-i schimba modul de executare, de a amâna sau eșalona executarea ei, de a prezenta un titlu executoriu spre urmărire, de a primi bunuri sau bani în temeiul hotărârii judecătorești, drept care trebuie menționat expres, sub sancțiunea nulității, în procura eliberată reprezentantului persoanei juridice sau în mandatul eliberat avocatului.

Concluzii. Art.26 din Constituție garantează dreptul la apărare. Reprezentarea judiciară reprezintă situația, în care o persoană, numită reprezentant, îndeplinește actele procesuale într-un proces și participă la raporturile procesuale, în numele și interesul altei persoane, numită reprezentat, care este subiect al raportului material litigios. Reprezentarea judiciară se împarte în obligatorie și voluntară (facultativă). Împuternicirile date unui avocat/avocat stagiar se atestă printr-un mandat, iar împuternicirile date de către o persoană juridică angajatului său – printr-o procură. Totodată, reprezentantul legal depune în judecată actele ce atestă statutul acestuia. Reprezentantul dispune de dreptul de a exercita din numele reprezentatului toate actele de procedură, cu excepția celor prevăzute în art.81 din Codul de procedură civilă, care sunt valabile doar cu condiția că sînt menționate expres în procura eliberată reprezentantului persoanei juridice sau în mandatul eliberat avocatului.

Referințe bibliografice

1. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 1994, nr.1, republicată în *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2016, nr.78, art.140.
2. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2003, nr.111-115, art.451, republicat în *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2013, nr.130-134, art. 415.
3. Savva D., Tihon V. *Drept procesual civil (partea generală)*. - Chișinău: Bons Offices, 2012 -220 p.
4. *Drept procesual civil. Partea generală/ Centrul juridic "Dalini"*. - Chișinău: Tipografia Centrală, 2007. - 112 p.
5. Dorfman I. *Drept procesual civil (note de curs)*. - Chișinău: 2010. -109 p.
6. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2010, nr.135-137, art.476.

-
7. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2012, art.248-251, nr.806.
  8. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2011, art.34-36, nr.6.
  9. *Гражданский процесс*./Под ред. Треушникова М. - Москва: Городец, 2001. -768 p.
  10. Leș I. *Tratat de drept procesual civil*. -București: Editura ALL BECK, 2002. - 968 p.
  11. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2002, art. 82-86, nr. 661.
  12. Pisarenco O. *Drept procesual civil*. - Chișinău: Tehnica-Info, 2012. - 404 p.
  13. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2002, nr.126-127, art.1001, republicată în *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2010, nr. 159, art. 582.
  14. *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2013, nr. 48, art. 207.

РЕЦЕНЗИЯ

на двухтомную работу Печатнова В.О. и Магадеева И.Э.
«Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в
годы Великой Отечественной войны. Документальное
исследование. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 656+768 С.»

*Валентин БЕНЮК, доктор политических наук, профессор,
Государственный институт международных отношений Молдовы*
*Сергей НАЗАРИЯ, доктор политических наук, Государственный
институт международных отношений Молдовы*
*Емельян ЧОБУ, Чрезвычайный и полномочный посол, кандидат
философских наук, доцент, Молдавский государственный
университет*
*Михаил СПРЫНЧАНЭ, кандидат исторических наук, доцент,
Государственный институт международных отношений Молдовы*

В условиях глобальных изменений мирового порядка на рубеже XX-XXI вв., когда, казалось, осталась в прошлом «холодная война», рухнула мировая социалистическая система, распался СССР, сам факт издания документального исследования по истории международных отношений времён Второй мировой войны является положительным и представляет несомненный научный интерес. По нашему мнению авторы-составители вполне справились с поставленной перед ними научной целью и достигли выполнения ставших перед собой задач*.

---

* В.О. Печатнов является одним из наиболее квалифицированных и продуктивных в научном плане исследователей международных отношений в годы Второй мировой войны. Один из авторов данной рецензии в некоторых своих работах неоднократно ссылается на труды профессора Печатнова (Nazaria 2012: 317, 388, 511, 516, 538, 540, 545, 567, 599, 633; Назария 2015: 322, 416, 554, 560, 584, 585, 586, 591, 614, 637, 684).

Тематика исследования определяет и степень его актуальности, которая сегодня очень велика. Несмотря на то, что события и процессы, о которых идет речь, отдалены от нас более чем на семь десятилетий, они находятся и ныне в центре внимания мировой научной (и не только научной) общественности. Дело в том, что с окончанием войны англо-саксонским союзникам не удалось в полной мере достичь своих геополитических целей, так как Советский Союз, хотя и понес огромные потери, вышел из войны не просто окрепшим, но сверхдержавой, контролирующей половину Евразии и обладающей огромным морально-политическим авторитетом во всем мире. Однако в конце XX в., когда в результате распада СССР прекратила свое существование биполярная система международных отношений, американскую элиту вновь охватила иллюзия всемогущества и они выдвинули претензии на мировое доминирование. Для достижения этой цели применяются не только экономические и военные средства, но и идеологические. В этом смысле история прошедшей войны используется в качестве инструмента для обвинения Советского Союза в ее развязывании, в том, что его цели мало отличались от целей гитлеровской Германии.

Актуальность данного сборника определяется и тем фактом, что в последние годы на Западе наблюдаются всё более настойчивые действия по «переписыванию истории» с целью установления нового, «более справедливого» мира. Эти «исследователи», переносят свои сегодняшние идеологемы на прошлое, пытаются «исправить» его, с целью ликвидации «последствий Ялты». Так вот, представленные на страницах анализируемого документального исследования материалы убедительно опровергают эти вымыслы и наукообразные фальсификации.

Для Молдавии, легитимность самого существования которой ставится под сомнение практически всей румынской и частью молдавской националистической политической и интеллектуальной элиты (сторонниками объединения с Румынией, так называемыми унионистами), эта работа имеет не только научное, но и прикладное значение и всем своим содержанием способствует развенчанию мифа «Бессарабия – румынская земля!». Дело в том, что хотя так называемый «бессарабский вопрос» был окончательно решен в пользу СССР еще 28 июня 1940 г., а США вообще никогда не признавали законность аннексии Бессарабии королевской Румынией в 1918 г., и по этим причинам он никогда отдельно не поднимался в годы войны в переписке представителей «Большой тройки», косвенным образом он получил дополнительную легитимацию

тем фактом, что на протяжении всей войны и президент Ф.Д. Рузвельт, и премьер У. Черчилль всегда признавали де-факто законность всей западной границы СССР от Балтийского до Черного морей, включая и ее участок по реке Прут, а в 1945 г. они сделали это и де-юре.

Данная работа написана хорошим литературным языком, читается легко и с большим интересом. Она охватывает период с июля 1941 г. до декабря 1945 г. Структурно книга состоит из двух томов (предисловия, девяти частей с авторским вступлением в начале (в котором дается общая характеристика периода, который отражается в данной главе), примечаниями в конце каждой из них, именного и предметного указателей и иллюстраций). В первом томе авторы раскрывают дипломатические отношения Советского правительства с руководством Соединенных Штатов и Великобритании с июля 1941 г. по декабрь 1943-го, во втором – с января 1944 г. по декабрь 1945-го.

Сборник является продолжением и, в определенном смысле, относительным логическим завершением, осуществленных еще в советское время, нескольких изданий двухтомника «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945». Но структурно он отличается от предыдущих изданий, в которых корреспонденция с У. Черчиллем и К. Эттли была включена в I-й том, а с ФДР и Г. Трумэнном во II-й. Здесь за основу взят хронологический принцип и (западные) документы публикуются по мере их отправления-получения (советские – днём отправления), что создаёт более полную и комплексную картину взаимоотношений советской стороны со своими западными союзниками. Всё это, по выражению самих авторов, создает «своеобразный стереоскопический эффект» и позволяет «проследить процесс посланий, который был разным в Москве, Вашингтоне и Лондоне» (Печатнов 2015а, с. 8).

Одновременно нам представляется, что было бы логичным включить в сборник и черчиллевские послания «хозяину Кремля», в которых британский лидер предупреждал о подготовке нападения Гитлера на советское государство. Хронологически они предшествуют началу войны, но концептуально вполне вписываются в тематику документального исследования. Не менее рациональным было бы и включение в I-й том текста выступления Черчилля по лондонскому радио 22 июня 1941 г., а также речи Рузвельта 24 июня в поддержку борьбы СССР.

Практически каждый опубликованный документ сопровождается

авторскими комментариями и анализом. В. Печатнов и И. Магадеев анализируют условия, в которых появился каждый документ, процесс их составления и мотивы тех или иных утверждений и выводов их отправителей, приводя в рамках своих комментариев другие материалы (корреспонденцию первых лиц с министрами иностранных дел, военными, разными советниками, врачами и др.; воспоминания, газетные статьи и комментарии, документы военных штабов и спецслужб, инструкции Кабинета министров и т.д.). При этом, для облегчения чтения основные документы, комментарии к ним и дополнительные документы, приводимые в комментариях, приводятся разными шрифтами.

Двухтомник высвечивает не только как создавались, но и как воспринимались послания их адресатами и здесь приводятся, в первую очередь, свидетельства членов окружения первых лиц «Большой тройки». Собранные авторами новые документы более полно раскрывают и роль послов, которые участвовали не только в реализации внешнеполитических решений своего национального руководства, но и формировали этот курс, воздействовали на него своим анализом и рекомендациями.

Что очень важно (данный факт ощущается при чтении практически всех документов), и это отмечают сами авторы (Печатнов 2015а, с. 11), в нынешнем издании анализ каждого послания дан в контексте его «роли и места в отношениях между союзниками» в ходе Второй мировой войны в целом или некоторых ее отдельных важнейших эпизодов, но всегда с перспективой послевоенного мироустройства и роли в нем каждого из 3-х участников «Великого союза».

Сборник дает представление и о некоторых реальных намерениях американцев и англичан в отношении их советского союзника, намерениях и целях далеко не всегда проглядывающихся в посланиях президента и премьер-министра Сталину. Так, например, это проявилось в «Бернском инциденте» (Печатнов 2015b, с. 420, 458-461, 461-463, 463-464, 464-465, 475-476, 476-478, 478-479, 480-482, 483, 484-485, 485-486, 495-496, 498-499) и в переписке первых лиц англосаксонской политики между собой и со своими министрами и ближайшими помощниками весной 1945 г. (см.: Печатнов 2015b, с. 523, 543, 557, 558, 559, 563, 581, 585, 598, 604-605, 605, 607, 635, 640, 660, 687, 710-711, 718) и в особенности в случае с попытками У. Черчилля начать войну против СССР сразу после капитуляции нацистской Германии – так называемая операция «Немыслимое» (Печатнов 2015b, с. 654, 667).

Данное издание дополняет также наши знания о личных взаимоотно-

ношениях советского, американского и английского руководителей, о их персональной роли в определении внешней политики управляемых ими государств. Материалы «Переписки...» доказывают, что несмотря на столь различные геополитические интересы США, СССР и Великобритании, на идейно-политический и социально-экономический антагонизм их общественного строя, всем членам «Большой тройки» хватило мудрости и прозорливости обеспечить единство их стран в деле разгрома агрессоров в годы борьбы с фашистским блоком и заложить основы послевоенного мироустройства, сохраняющемся по большому счету по настоящее время. В этом также проявляется актуальность рецензируемой работы, ведь приводимая на ее страницах информация служит убедительным доказательством тому факту, что во имя общечеловеческого блага и сегодняшние мировые лидеры должны объединить усилия своих государств для преодоления угрожающих планете многочисленных опасностей.

Документы и материалы представленные в сборнике, показывают, что объединившись, члены «Большой тройки», исходя из национально-государственных интересов своих стран, реально и эффективно вершили судьбы мира, объективно в интересах всех его жителей. В этом смысле У. Черчилль говорил на Тегеранской конференции: «Нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-либо ещё. Три наших страны являются именно таки-ми странами... Я чувствовал, что мы достигли такой солидарности и такого настоящего товарищества, каких никогда прежде не достигали в этом великом союзе» (Советско 1984: 455, Черчилль 1991: 221).

Рецензируемый двухтомник добавляет неизвестные доселе штрихи и о личных взаимоотношениях И. Сталина со своими визави. Опубликованные материалы показывают его более позитивное отношение к ФДР чем к сэру Уинстону. В значительной степени это определялось еще довоенным отношением каждого из западных лидеров к советской стране: Черчилль являлся одним из вдохновителей антисоветской интервенции после Октябрьской революции, а Рузвельт был тем человеком, который восстановил дипломатические отношения Вашингтона с Москвой.

Сталин помнил также и позицию американского президента по отношению к поведению англичан во время англо-франко-советских переговоров 1939 г. По этому поводу Ф. Рузвельт говорил, что у него

создается впечатление, будто британское правительство занято не вопросом о заключении важнейшего международного договора, а покупает на базаре персидский ковер: торгуется из-за каждой мелочи и прибавляет по пенсу через каждые полча-са. Он считал, что это самый плохой метод ведения переговоров вообще, а с СССР в особенности (История 1976: 366).

Да и лично к Сталину Рузвельт испытывал большое уважение, хотя в основе его политики в отношении Кремля лежало понимание невозможности разгрома фашистской Германии без СССР и создания стабильного мироустройства после окончания войны. Этому, наверное, способствовал и тот факт, что в отличие от англо-саксонских лидеров, Сталин никогда не скрывал от одного то, что писал другому.

При этом общеизвестно, что советский диктатор по большому счету не доверял не только Черчиллю, но и Рузвельту и это его отношение отражено на многих страницах анализируемого издания. В этом контексте показателен эпизод беседы Сталина с известным югославским коммунистом Джиласом: «Может быть, Вы думаете, что раз мы союзники с англичанами, мы забыли, кто они такие и кто такой Черчилль. Для них нет ничего приятнее, как обмануть своих союзников. Во время первой мировой войны они постоянно обманывали русских и французов. Черчилль относится к тем людям, которые, стоит вам зазевать-ся, тут же залезут к вам в карман из-за копейки. Да, да, копейки! Ей-богу, из-за копейки ползут к вам в карман! А Руз-вельт? Рузвельт не такой, он запускает руку только за крупными монетами» (Иванов 2000: 56).

О том, что Сталин был тонким психологом и что он сознательно не особо церемонился с честолюбивым Черчиллем известно давно, в том числе и из мемуаров самого английского премьера. Но то, что он нередко действовал и наоборот, осознанно включая в свои послания положительные высказывания о Черчилле, вызывая этим бурную положительную реакцию последнего, становится вполне очевидным из приведенных в сборнике депеш посла И. Майского.

И хотя, будучи реалистом, сэр Уинстон решительно поддержал Советский Союз в его борьбе против Гитлера, материалы двухтомника показывают, что он никогда не отказывался от стремления максимально ослабить СССР руками немцев. В первую очередь это проявилось в затягивании открытия Второго фронта. В тех же материалах раскрывается и то, как Сталин воспринимал данную политику, а именно, как стремление к обескровливанию Страны советов. В этом плане, со ссылкой на РГАСПИ, авторы документального исследования приводят

его мнение о том, что западные союзники стремились использовать Россию в качестве «пушечного мяса», что «русские воюют замечательно, но не умеют пользоваться плодами побед». В беседе с Гарриманом он говорил: «Все считают русских батраками... Все считают, что русские дураки» (Печатнов 2015а, с. 19).

При всех достоинствах работы, вместе с тем, что касается ее названия, нам все-таки видится более точным не «Переписка... с Рузвельтом и Черчиллем...», а «Переписка... с президентами США и премьер-министрами Великобритании», так как с апреля 1945 г. Рузвельта сменил Трумэн, а в июле т.г. Черчилля – Эттли. Хотя неофициально и все советские издания всегда называли «Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем»...

Книга довольно оригинальна, являясь одновременно серьезным научным исследованием, выполненным на обширной документальной и историографической основе, источником для дальнейших исследований в области международных отношений в период Великой Отечественной войны и в первые месяцы после ее окончания, а также будет серьезным аргументом в противостоянии тенденции «исторического ревизионизма» в современной историографии Второй мировой войны. По нашему мнению, она должна стать пособием для студентов (историков, политологов-международников и юристов-международников) и для преподавателей истории. В целом, считают В. Печатнов и И. Магадеев, реализованный ими труд должен позволить лучше понять союзные взаимоотношения времен войны, «дать более объемную и объективную картину мотивов и действий всех трех сторон» (Печатнов 2015а, с. 19).

В ходе работы над книгой, авторы использовали большой объем российской и зарубежной научной литературы по данной теме, широкий круг впервые введенных в научный оборот материалов российских и зарубежных архивов и ранее опубликованных документов, работы и мемуары политических и военных деятелей, дипломатов и других участников описываемых и анализируемых событий из разных стран.

Особый интерес представляет информация введенная ими в научный оборот на основе изучения прессы того времени: советской, американской, английской, французской и др. Их выводы солидно аргументированы документально и подтверждаются рядом трудов других исследователей, как российских, так и западных. Работа является своеобразной лабораторией анализа международных процессов, в которых самое непосредственное участие принимала

советская и англо-саксонская дипломатии. Не вызывает сомнения тот факт, что В. Печатнов и И. Магадеев высокопрофессионально разбираются в ключевых вопросах внешней политики великих держав в изучаемый период и, в первую очередь, в рамках проблематики, связанной с взаимоотношениями Москвы с Лондоном и Вашингтоном и перспективами послевоенного мироустройства.

Наверное, есть смысл перевести данный двухтомник на все официальные языки ООН.

Библиография

1. Иванов 2000 – Иванов Р.Ф. Союзники // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, №5. С. 48-58.
2. История 1976 – История внешней политики СССР. Т. 1. М., Наука, 1976. 520 С.
3. Назария 2015 - Назария С.М. Генезис, ход и итоги Второй мировой войны: Факты и мифология. Кишинёв, Центральная типография, 2015. 696 С.
4. Печатнов 2015а - Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 656 С.
5. Печатнов 2015b - Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 768 С.
6. Советско 1984 – Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы. Т. 1. М., Политиздат, 1984. 510 С.
7. Черчилль 1991 – Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., Воениздат, 1991. 702 С.
8. Nazaria 2012 – Nazaria S. O istorie contra miturilor: Relațiile internaționale în epoca războaielor mondiale (1914-1945/1947). Chișinău, Tipografia Centrală, 2012. 640 P.

AUTORII

ANDREEVA Tatiana, doctor în științe economice, conferențiar universitar la Catedra Relații Economice Internaționale, Facultatea Economie Mondială și Relații Economice Internaționale, IRIM. Expert în problemele dezvoltării economice, a economiei mondiale și relațiilor economice internaționale, a securității economice a Republicii Moldova. Interesul științific cuprinde domeniile: investițiile internaționale și inovațiile, politica inovațională și securitatea economică a statului, integrarea economică regională. A participat la 30 de conferințe științifice naționale și internaționale. Este autorul a 70 de lucrări științifice și științifico-metodice.

BENIUC Valentin, Rector, doctor în științe istorice, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar la Catedra Relații Internaționale, Facultatea Relații Internaționale și Științe Politice, IRIM. Abilitat în pregătirea cadrelor de înaltă calificare la specialitatea: Teoria, metodologia și istoria politologiei; instituții și procese politice. Ariea de interes: Procese integraționiste pe continentul european; Istoria diplomației universale; Istoria gândirii social-politice, Filosofia politică. Autor a 150 de lucrări științifice, inclusiv 15 monografii și manuale.

BROVCA Ghenadii, doctor în științe pedagogice, decan al Facultății de Management, Universitatea Națională Tehnică din Belarus; postdoctorand la IRIM. Autor a 65 de lucrări științifice, științifico-didactice, publicate în Republica Belarus și în străinătate.

CAZACU Vitalie, prim-prorector pentru activitate didactică, doctor în științe economice, conferențiar universitar la Catedra Relații Economice Internaționale, Facultatea Economie Mondială și Relații Economice Internaționale, IRIM. A publicat peste 30 de lucrări științifice.

CERNOMOREȚ Sergiu, doctor în drept, conferențiar universitar la Catedra Drept Public și Privat, Facultatea Drept, IRIM, avocat. Studii de licență, masterat și de doctorat în domeniul dreptului penal. A publicat peste 30 de lucrări științifice. Domenii de cercetare: drept penal, calificarea juridică a infracțiunilor, criminologie, criminalistica, drept procesual penal.

CIOBANU Natalia, doctorandă la Institutul de Relații Internaționale din Moldova, Catedra Științe Politice, Specialitatea: Teoria, metodologia politologiei, instituții și procese politice; master în Filologie, Universitatea de Stat din Moldova; secretar al Consiliului Științific al Școlii Doctorale IRIM; redactor a două reviste științifice acreditate, Categoria C: Anuar Științific; Relații Internaționale. Plus (IRIM) și a unui șir de publicații didactico-științifice (manuale, materiale ale conferințelor științifico-practice internaționale. Direcții de cercetare: Integrarea regională a statelor mici și mijlocii în lumea globalizată; Perspective de integrare regională a Republicii Moldova: Uniunea Europeană versus Uniunea Euroasiatică; Politici sociale europene: garant al stabilității socio-economice în regiune.

CTITOR Natalia, doctor în drept, lector universitar la Catedra Drept Public și Privat, Facultatea Drept, IRIM. Autor a 9 publicații științifice.

GOLOVATAIA Ludmila, doctor în științe economice, conferențiar universitar, Șef al Catedrei Relații Economice Internaționale, Facultatea Economie Mondială și Relații Economice Internaționale, IRIM. Specialist în relații economice internaționale. Interesul științific cuprinde domeniile: piețele internaționale a forței de muncă; interrelația migrației forței de muncă și creșterea economică; politicile Uniunii Europene; integrarea economică internațională; securitatea economică națională și a UE. Expert din Moldova în cadrul proiectului intitulat „Conectarea Uniunii Europene prin scopuri, libertățile, valorile și responsabilitățile comune”, desfășurat de Asociația Poloneză de Studii Europene (PECSA) și co-finanțat de Uniunea Europeană din cadrul programului Erasmus +. Este autor a 2 monografii și peste 40 de articole științifice.

NAZARIA Sergiu, doctor în istorie, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar la Catedra Relații Internaționale, Facultatea Relații Internaționale și Științe Politice, IRIM. În 1992 a susținut teza de doctor în istorie (specialitatea – Istoria Moldovei), iar în 2004 cea de doctor habilitat în științe politice (specialitatea 23.00.04 – Teoria și istoria relațiilor internaționale și dezvoltării globale) cu tema: „Federația Rusă în contextul proceselor politice internaționale contemporane”. Este autorul celor circa 245 de lucrări științifice, inclusiv 20 de monografii și manuale.

POGONET Galina, decan al Facultății Drept, doctor în drept, conferențiar universitar, IRIM. A absolvit Universitatea de Stat din Bați, Facultatea de Pedagogie și Psihologie; Universitatea de Stat din Bați, Facultatea Drept; Universitatea de Stat din Moldova (studii doctorat). A publicat peste 20 de lucrări științifice și științifico-didactice.

SACOVICI Vasile, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar la Catedra Relații Internaționale, IRIM. Specialitatea științifică: Teoria și istoria relațiilor internaționale și dezvoltării globale. Ariea de cercetare: Securitatea economică în contextul globalizării; Globalizarea și regionalizarea; Dezvoltarea economiei inovatoare.

SPRÎNCEANĂ Mihai, doctor în științe istorice, conferențiar universitar la Catedra Relații Internaționale, IRIM. Specialitatea științifică: Istoria Moldovei. Ariea de cercetare: Guvernarea globală: dimensiunea conceptuală și instituțională; Istoria sistemelor politice Internaționale; Istoria instituțiilor și mecanismelor diplomatice.

STEPANIUC Victor, decan al Facultății de Relații Internaționale și Științe Politice, doctor în istorie, conferențiar universitar, IRIM. Specialist în istoria Moldovei, istoria administrației publice din Moldova, istoria diplomației Moldovei etc. Este autor a 4 monografii și a peste 30 de articole științifice. În ultimii ani a abordat în mai multe articole științifice problemele tranziției sistemelor politice în statele ex-sovietice, stabilitatea, legitimitatea și eficiența sistemelor politice contemporane.

*Materialele publicate în revista „Relații Internaționale. Plus”
nu reflectă neapărat punctul de vedere al redacției.*

---

*Adresa redacției:
str. Pușkin 54, mun. Chișinău, Republica Moldova, MD-2005
telefon/fax: 022-21-09-78; e-mail: revista@irim.md*